ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ.

1902
Г 411

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

Движеніе общественной мысли въ Россіи.

Съ приложеніемъ
портрета А. И. ГЕРЦЕНА
и статьи
„О сельской общинѣ въ Россіи".

Переводъ съ французскаго.

А. И. Герценъ.

ЦД2
Р411

Движеніе общественной мысли въ Россіи.

Съ приложеніемъ портрета А. И. Герцена и статьи

„О сельской общинѣ въ Россіи“.

Переводъ съ французскаго.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1907.

ЦФ2
Г411

ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
842
БИБЛИОТЕКА
№ 15141

2012

А. И. Герценъ.

(Род. 25 марта 1812 г., умеръ 9 января 1870 г.).

ВВЕДЕНІЕ.

... Я уѣзжалъ изъ Россіи по почти брошенной проселочной дорогѣ, соединяющей Псковскую губернію съ Лифляндіей, во время холодной и снѣжной зимы. Эти два, такъ близко лежащіе другъ къ другу, уголка совсѣмъ не схожи между собой; вдали отъ всякаго внѣшняго вліянія, они представляютъ такой контрастъ, какого въ такомъ чистомъ видѣ, пожалуй, даже съ преувеличеніемъ нигдѣ болѣе не сыщешь.

Это — воздѣланная нива рядомъ съ пустыней; это — «вчера» возлѣ «завтра», это — тяжелое прозябаніе и страшная агонія.

Здѣсь все въ періодѣ стройки, нѣтъ ничего оконченнаго, нѣтъ жилья — повсюду строятся, повсюду голыя стѣны; тамъ — все покрыто плѣсенью, все рушится, приходитъ въ негодность — повсюду щели, обломки и развалины.

Посреди покрытаго снѣгомъ сосноваго лѣса, среди безбрежныхъ равнинъ виднѣлись маленькія русскія деревеньки. Онѣ ясно выдѣлялись на ослѣпительномъ бѣломъ фонѣ. Глубоко трогательно дѣйствуетъ на меня видъ этихъ бѣдныхъ сельскихъ общинъ: крошечные домики тѣснятся другъ къ другу, предпочитая сгорѣть вмѣстѣ, чѣмъ отдѣлиться. За постройками — неогороженныя поля

уходятъ въ безпредѣльную даль. Изба находится въ собственности отдѣльнаго лица, семьи, но земля принадлежитъ всѣмъ, — общинѣ.

Живущій въ этихъ избушкахъ крестьянинъ остался въ томъ же положеніи, въ какомъ застали его вооруженныя полчища Чингисъ-хана. Событія послѣднихъ вѣковъ прошли надъ его головой, даже не пробудивъ его беззаботности. Его существованіе, это — нѣчто среднее между геологіей и исторіей; это — формація съ своими собственными особенностями, бытіемъ и физіологіей, но безъ біографіи. Черезъ два-три поколѣнія крестьянинъ перестраиваетъ свой домишко изъ сосновыхъ бревенъ, который постепенно разваливается, оставляя послѣ себя не болѣе слѣдовъ, чѣмъ и его владѣлецъ.

Однако поговорите съ нимъ, и вы шагъ за шагомъ прослѣдите, что это: гибель или дѣтство, варварство — спутникъ смерти или варварство — предшествующее жизни? Но раньше всего говорите съ нимъ на его же языкѣ, убѣдите, докажите ему, что вы не врагъ ему. Я далекъ отъ порицанія страха крестьянина передъ цивилизованнымъ человѣкомъ. Этотъ послѣдній — или его баринъ или чиновникъ. Поэтому крестьянинъ не довѣряетъ ему и смотритъ на него подозрительно. Кланяясь ему почтительно, онъ, однако, сторонится отъ него и не уважаетъ его.

Онъ боится не превосходства природы цивилизованнаго человѣка, а большей силы. Крестьянинъ побѣжденъ, но не сталъ лакеемъ. Его грубый языкъ, народный и патріархальный, не получилъ воспитанія въ передней. Его черты мужественной красоты должны сопротивляться двойному рабству: царю и помѣщику. Великороссъ и малороссъ имѣютъ умъ въ высшей степени воспріимчивый и обладаютъ живостью характера южанина, что очень странно для сѣвера. Крестьянинъ говоритъ хорошо и много: привычка находиться всегда съ сосѣдями сдѣлала его сообщительнымъ...

... Пріѣхавъ на одну изъ послѣднихъ русскихъ станцій, мы стали дожидаться почтовыхъ лошадей въ маленькой комнаткѣ, натопленной какъ оранжерея; жена станціоннаго смотрителя, женщина грязная, плохо причесанная и крикливая, принудила насъ взять чаю. Уставши созерцать гравюру (очень интересную), которая украшала стѣну надъ кожанымъ диваномъ, я съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ шуму передъ домомъ. Однако прежде чѣмъ покинуть гравюру, я долженъ описать ея сюжетъ, такъ какъ онъ чрезвычайно характеристиченъ. Очевидно, она принадлежала къ эпохѣ, слѣдующей за царствованіемъ Петра I. Это былъ онъ самъ, за столомъ, заставленнымъ блюдами и бутылками. Князь Меншиковъ, низко наклонившись, представлялъ ему и приносилъ въ подарокъ молодую особу — будущую императрицу Екатерину I. Надпись гласила: «Вѣрный подданный уступаетъ самое драгоцѣнное горячо любимому царю».

Я раскаиваюсь еще и до сихъ поръ, что не купилъ этой гравюры.

Я вышелъ, чтобъ узнать, что возбуждало шумъ. Какой-то офицеръ прогуливался передъ группой ямщиковъ, ругая всѣхъ и крича во всю глотку.

Ямщики смотрѣли на него съ тѣмъ ироническимъ безстрастіемъ, которое свойственно русскимъ крестьянамъ. Позади офицера стоялъ станціонный смотритель, сильно пьяный; онъ также кричалъ, но въ то же время дѣлалъ глазами понятные крестьянамъ знаки.

— Гдѣ староста? — Гдѣ староста? — кричалъ въ бѣшенствѣ офицеръ.

— Гдѣ это староста?.. — повторяли съ апатичнымъ спокойствіемъ, способнымъ взбѣсить и святого, нѣкоторые изъ крестьянъ.

Но старосты все не было — трое пошли искать его. У кабака его не было, у крестной тоже.

— Гдѣ это можетъ быть староста, — удивительно!

Можно быть увѣреннымъ, что староста присутствовалъ здѣсь, что онъ былъ въ этой толпѣ.

— Разбойники, — кричалъ станціонный смотритель. — У! разбойники, вы не хотите искать старосту.

— А вы, — кричалъ въ отвѣтъ офицеръ, — какой вы станціонный смотритель? Вотъ какъ васъ слушаются. Вы хорошо поддерживаете свой авторитетъ! Я подамъ рапортъ, я напишу самому графу Адлербергу (директоръ почтоваго департамента), я знакомъ съ нимъ лично.

— Пощадите отца семейства, двадцать три года службы, медаль за взятіе Варны, двѣ раны, пуля навылетъ, знакъ отличія за двадцатилѣтнюю непорочную службу, — машинально твердилъ станціонный смотритель, не выказывая большого испуга.

Такъ какъ дѣло не двигалось, офицеръ принялся за мальчугана, лѣтъ 16 или 17. — «Какъ, — говорилъ онъ, — ты мнѣ смѣешься въ глаза, ты мнѣ смѣешься

въ глаза! Я проучу тебя за неуваженіе къ эполетамъ!» и онъ бросился на мальчугана. Этотъ послѣдній пустился бѣжать, увертываясь отъ удара кулака, которымъ угрожалъ ему офицеръ. Офицеръ хотѣлъ его преслѣдовать, но снѣгъ былъ такъ глубокъ, что онъ увязъ по колѣно. Крестьяне разразились смѣхомъ. «Но это бунтъ! Это бунтъ!» закричалъ офицеръ и повелительно приказалъ мальчугану, какъ бѣлка взлѣзавшему на вершину дерева, слѣзть съ него. «Нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ, — я не слѣзу, — ты меня вздуешь»... — «Слѣзай, дрянный негодяй, слѣзай», прибавилъ смотритель. Мальчикъ трясъ головой.

— Вотъ, ваше благородіе, — продолжалъ смотритель, говоря офицеру, — вы можете сами теперь судить, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло съ утра до вечера. Хуже турокъ! Когда это Богъ освободитъ меня отъ этого ада? Я остаюсь только потому, что мнѣ недостаетъ трехъ лѣтъ до пенсіи. Но, ваше благородіе, будьте покойны, я ужъ справлюсь съ этими разбойниками, и они васъ повезутъ даже даромъ. Я сейчасъ пошлю за становымъ приставомъ, — онъ живетъ недалеко: восемь миль отъ сюда, даже семь съ половиной. Въ ожиданіи не угодно ли, ваше благородіе, покушать немного чаю?..

— Но, — сказалъ офицеръ съ тономъ отчаянія, — ужъ не съ ума ли вы сошли вдругъ? Вамъ хочется, чтобъ я терялъ время въ ожиданіи станового? Подайте мнѣ лошадей, подайте мнѣ лошадей...

Моя кибитка была готова. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но можно быть увѣреннымъ, что офицеръ былъ обманутъ. Въ продолженіе всей

долгой дороги мой ямщикъ посмѣивался. Исторія съ офицеромъ бродила въ его головѣ. «Сердитый этотъ офицеръ», сказалъ я ему. «Ничего. Не въ первой. Съ самаго начала было видно, что онъ скоро угомонится».

... Достаточно двухъ часовъ ѣзды, и попадаешь совершенно въ другой міръ. Совершенно театральная перемѣна декорацій. Почва, переставая быть ровной, становится мѣстами даже гористой. Извивающаяся дорога не та ужъ прямая безконечная линія среди снѣжнаго океана, такъ хорошо описанная Мицкевичемъ.

Первый домикъ лифляндской почты лежалъ на пригоркѣ. Я вошелъ въ «Rossagier Stube». Тамъ царствовали такая чистота и порядокъ, точно только вчера ее выкрасили, а назавтра ожидали посѣщенія. Песокъ на полу,гераніумы и розмарины на окнахъ, въ углу піанино въ четыре съ половиной октавы и на покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью столѣ лютеранская Библія. Среди нѣсколькихъ литографій въ болѣе богатой рамкѣ выдѣлялся печатный листъ «an meinen lieben Fritz», что-то въ родѣ идиллическаго завѣщанія, написанный своему сыну Фридрихомъ Вильгельмомъ III.

Станціонный смотритель, добродушный старичокъ, съ выраженіемъ той счастливой наивности, которая присуща только нѣмцамъ, надѣлъ для меня свой сѣрый фракъ, украшенный перламутровыми пуговицами. Видя, что я читаю завѣщаніе, онъ приблизился и почтительно завелъ разговоръ, на каждомъ шагу величая меня барономъ, freyherr'омъ и hochwolgeboren'омъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда не могъ

читать безъ слезъ трогательныхъ словъ добраго покойнаго короля.

Такъ какъ смотритель утверждалъ, что вѣтеръ предвѣщаетъ очень бурную ночь и совѣтовалъ мнѣ переждать до утра, я, желая посмотрѣть, что происходило, вышелъ на улицу. Сильный и холодный сѣверный вѣтеръ свисталъ между вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ, съ силой потрясая ихъ. Время отъ времени облака, гонимыя вѣтромъ, открывали молодой мѣсяцъ, и тогда можно было видѣть наполовину разрушенную башню — остатки развалинъ замка. Подъ разбитой дверью, которая нѣкогда вела къ замку, сидѣло десятокъ маленькихъ, хилыхъ со свѣтлыми волосами финновъ. Ихъ языкъ, для насъ совершенно чуждый, непріятно поражалъ мой слухъ. Надъ дверью было прибито чучело орла. Молодой человѣкъ, стройный блондинъ съ закрученными усами, съ ружьемъ за спиной появился и скрылся въ одно мгновенье. Онъ былъ въ маленькихъ саняхъ, которыми управлялъ самъ. Здѣсь уже не было хвастливой русской дуги, зато на всей упряжи звенѣли десятка два колокольчиковъ. Рядомъ съ санями бѣжала борзая собака.

Въ Лифляндіи и Курляндіи нѣтъ деревень, похожихъ на россійскія. Это — фермы, разбросанныя вокругъ замка. Крестьянскія хижины расположены вдали другъ отъ друга. Здѣсь уже нѣтъ русской общины. Въ этихъ фермахъ живетъ бѣдный, добрый, но мало одаренный, очевидно, безъ будущаго, раздавленный вѣковымъ рабствомъ, народъ — остатки населенія, которое давно уже растворилось въ волнахъ другихъ расъ. Разница

между нѣмцами и финнами громадна. Германская цивилизація, надо признаться, дала имъ очень мало. Финны этихъ мѣстъ остались наполовину дикими даже послѣ столькихъ вѣковъ сосѣдства и постоянныхъ сношеній съ нѣмцами. Только императоръ Николай I подумалъ объ ихъ воспитаніи, — разумѣется на свой ладъ, — онъ сдѣлалъ изъ нихъ православныхъ грековъ.

Только въ Ригѣ, на этихъ темныхъ и узкихъ улицахъ, въ этомъ городѣ привилегій, цеховъ, Zünfte, духа ганзы и Лютера, гдѣ сама торговля неподвижна и отстала, гдѣ русское населеніе принадлежитъ къ ретроградньмъ раскольникамъ, выселившимся сюда два вѣка тому назадъ, находя режимъ царя Алексѣя слишкомъ революціоннымъ, а патріарха Никона слишкомъ смѣлымъ новаторомъ, только тамъ я понялъ всю разницу между міромъ, который я только что покинулъ, и міромъ, въ который я только что вступалъ.

Тощіе евреи, съ черной бархатной ермолкой на головѣ, на тонкихъ ногахъ, въ короткихъ панталонахъ, въ бумажныхъ чулкахъ и туфляхъ даже въ суровую балтійскую зиму; нѣмецкіе торговцы важные, какъ сенаторы, видъ которыхъ заставляетъ избѣгать встрѣчи съ ними... Въ казино и клубахъ только и говорятъ о привилегіяхъ, данныхъ городу въ 1600, о вольностяхъ, пожалованныхъ въ 1450, и о нововведеніяхъ, сдѣланныхъ въ 1701 годахъ...

Прибалтійскіе нѣмцы, сыны древней цивилизаціи, вотъ уже нѣсколько вѣковъ стоятъ вдали отъ всякаго великаго историческаго движенія; они приняли неизмѣнныя привычки и остановились на томъ, чѣмъ они были, ничего не пріобрѣтя съ тѣхъ поръ; они установили порядокъ, правило, мѣру въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ, чтобъ уже никогда больше отъ нихъ не уклоняться. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что они должны ненавидѣть съ тѣхъ поръ неопредѣленность, преувеличенія и безпорядокъ, которые царствуютъ не только въ нашихъ законахъ, но и въ обычаяхъ.

Мы совершенно еще не установились, мы еще ищемъ, мы стремимся къ соціальному порядку, болѣе соотвѣтствующему нашей натурѣ, и временно остаемся подъ властью произвола, ненавидя его и принимая, желая отдѣлаться отъ него и подчиняясь ему, скрѣпя сердце. Они, наоборотъ, они настоящіе консерваторы. Они многое потеряли и боятся потерять остальное. Мы же только можемъ выиграть, ибо намъ нечего терять. Мы покинуемся по принужденію, и законы, которые нами правятъ, принимаемъ за запрещеніе или за оковы. Мы нарушаемъ эти законы, когда можемъ или смѣемъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно не строги. У нихъ, наоборотъ, каждый законъ — святыня, нарушить его было бы преступленіемъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Эта сторона жизни поддерживаетъ и другую, нелѣпость которой очевидна для всѣхъ.

У нихъ опредѣленная мораль, у насъ — моральный инстинктъ.

Ихъ преимущество надъ нами — это положительно выработанныя правила. Они принадлежатъ къ великой европейской цивилизаціи. Наше преимущество надъ ними — это смѣлыя силы съ до-

вольно широкими надеждами. Тамъ, гдѣ ихъ останавливаетъ собственное сознаніе, насъ задерживаетъ жандармъ. Ариѳметически слабые мы уступаемъ; ихъ же слабость — слабость алгебраическая, которая заключается въ самой формулѣ.

Мы ихъ глубоко отталкиваемъ нашей беззаботностью, нашимъ поведеніемъ, не вполнѣ серьезнымъ отношеніемъ къ установленнымъ формамъ и распущенностью нашихъ полуварварскихъ и полуизвращенныхъ страстей. Они до смерти докучаютъ намъ своимъ буржуазнымъ педантизмомъ, ходульнымъ пуританствомъ и своей чопорной мелочностью.

Наконецъ у нихъ человѣкъ, расходующій болѣе половины своихъ доходовъ, считается мотомъ и расточителемъ. У насъ же человѣкъ, который тратитъ лишь свои доходы, слыветъ чудовищемъ скаредности...

Эта разница между Россіей и Европой, какъ было упомянуто, почти что преувеличенная, лежитъ глубоко въ характерѣ народовъ Запада и въ характерѣ народовъ славянскаго міра.

Состоитъ она въ томъ, что въ славянскомъ мірѣ начало западной цивилизаціи существуетъ на поверхности, въ то время какъ въ основаніи европейскаго міра скрытъ глубоко варварскій элементъ. Въ то время какъ псковскіе крестьяне совершенно чужды всякой цивилизаціи, прибалтійскіе нѣмцы, какъ народъ, съ виду не варварскій и однородный, на самомъ дѣлѣ находятся на пути къ разложенію и совершенно разнородны.

Германо-романскіе народы создали двѣ исторіи, создали два міра во времени и два въ пространствѣ. Они ихъ использовали два раза. Вполнѣ возможно, у нихъ хватило бы силъ создать третью метаморфозу, но завершиться при помощи существующихъ формъ она не могла бы, такъ какъ эти формы стоятъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ революціонной мыслью. Мы видѣли, что великимъ идеямъ европейской цивилизаціи для своего осуществленія надо было пересѣчь океанъ и искать почву, менѣе заваленную обломками.

Напротивъ, все прошлое славянскихъ народовъ носитъ характеръ начала, завоеванія власти, печать роста и способности. Они никогда не развивались сообразно природнымъ склонностямъ, генію и стремленіямъ. Каковы же эти стремленія? Мы увидимъ это впослѣдствіи. Я ограничусь лишь указаніемъ на то, что они не получили формулировки, но они существуютъ въ жизни народа, его пѣсняхъ и преданіяхъ, что они всегда существовали въ Habitus всѣхъ славянскихъ народностей. Это скорѣе инстинктъ, чѣмъ прочно разрѣшенныя мысли, постоянное и твердое, но нестройное и запутанное національными и религіозными исканіями естественное влеченіе.

Исторія славянъ бѣдна.

За исключеніемъ Польши, славяне — скорѣе достояніе географіи, чѣмъ исторіи.

Былъ славянскій народъ, который существовалъ лишь въ теченіе одной борьбы — войны табаритовъ.

Существуетъ другой, едва начинающій намѣчать свои руководящія идеи. Онъ готовитъ себѣ мѣсто, пока связывая вынужденнымъ единствомъ шестую часть земного шара, гордо принявъ ее за свою арену...

... Имѣютъ ли какое-либо право на будущее эти народы, такъ мало замѣчательные въ своемъ прошломъ, такъ мало извѣстные въ своемъ настоящемъ?

Мы далеки отъ предположенія, что будущее принадлежитъ всѣмъ расамъ, которыя ничего не сдѣлали и лишь только много претерпѣли, но оно можетъ принадлежать тѣмъ изъ нихъ, которыя безъ титула, безъ приглашенія, смѣло занимаютъ свое мѣсто въ великомъ соборѣ дѣятельныхъ націй,—расамъ, которыя насильно вступаютъ въ исторію и вмѣшиваются во всѣ рѣшительныя дѣла; онѣ занимаютъ воображеніе всѣхъ и стремительно бросаются въ потокъ исторической аорты.

Въ появленіи нѣкоторыхъ народовъ есть что-то, что останавливаетъ мыслителя, заставляетъ его задуматься, дѣлаетъ его безпокойнымъ, какъ будто бы онъ чувствуетъ новый подземный источникъ, новую силу, глухое броженіе, ищущее выхода, какъ будто бы онъ слышитъ вдалекѣ все болѣе и болѣе приближающіеся шаги гиганта.

Такова роль Россіи до Петра I.

Нѣтъ еще столѣтія, какъ Франція отвергала титулъ императора у царей. Теперь дѣло идетъ не о *титулѣ*, но о *фактѣ* владычества Россіи, которое она простираетъ до Рейна, спускаетъ до Босфора и отодвигаетъ съ другой стороны до Тихаго океана.

Какой же смыслъ этихъ безумныхъ требованій, этихъ жалкихъ уступокъ?

Не гунны ли это, которые появляются, чтобы покончить съ Римомъ и затѣмъ потеряться среди

труповъ? Или османы, которые хотятъ еще разъ испробовать, не созрѣло ли западное христіанство для могилы?

Или, можетъ-быть, это катастрофа, переворотъ, туча саранчи, ужасный случай, происшедшій во время антракта, который отдѣляетъ два міра, одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій, которыя ускоряютъ развязку? Или это самое начало новаго порядка вещей и славяне — древніе германцы по отношенію къ разрушающемуся міру?

Достаточно возможности поставить этотъ вопросъ, чтобы все, что можно было бы сказать объ этомъ предметѣ, представляло изъ себя чрезвычайный интересъ. А что, если бъ имѣли смѣлость дойти до утвержденія, что среди этихъ неопредѣленныхъ стремленій славянскихъ народовъ существуютъ стремленія, которыя сольются со стремленіями революціонныхъ массъ Европы, что въ этихъ отдаленныхъ хорахъ звучатъ тѣ же аккорды, которые раздаются въ глубинахъ стараго міра? Что, если докажутъ, что сѣверные варвары и свои «домашніе» варвары, не вѣдая сами того, имѣютъ общаго врага — дряхлое феодально-монархическое зданіе и одну общую надежду — соціальную революцію?..

Императоръ Николай, вершитель великихъ событій, смыслъ которыхъ ему не извѣстенъ, можетъ по своему желанію унизить безплодную гордость Франціи и величественную мудрость Англіи, онъ можетъ провозгласить русскую Порту и московскую Германію — намъ не жаль всѣхъ этихъ инвалидовъ. Но не въ его власти помѣшать образованію за его спиной другого союза. Не властенъ онъ

помѣшать и тому, чтобы русское вмѣшательство,— эта милость для всѣхъ монарховъ континента и реакціи, — не явилось бы началомъ вооруженной, ужасной и рѣшительной соціальной борьбы.

Самодержавная власть царей не выживетъ этой борьбы. Побѣда или пораженіе — она принадлежитъ все равно прошлому. Она не русская, а глубоко нѣмецкая, нѣмецко-византійская. Итакъ, за ней двойное право на смерть.

За нами — двойное право на жизнь: элементъ соціализма и юность.

— Молодые люди тоже умираютъ, — сказалъ одинъ почтенный человѣкъ, съ которымъ въ Лондонѣ мы говорили о славянскомъ вопросѣ.

— Вѣрно, — отвѣтилъ я, — но еще вѣрнѣе, что старики умираютъ всегда.

Лондонъ. 1 августа 1853 г.

I.

Россія и Европа.

Два года тому назадъ мы опубликовали письмо о Россіи въ брошюрѣ, озаглавленной: «Съ того берега». Такъ какъ съ тѣхъ поръ наша точка зрѣнія не измѣнилась, мы считаемъ не лишнимъ привести оттуда слѣдующія выписки:

«Наше время ужасно; все вокругъ насъ рушится, все мечется, какъ въ лихорадкѣ. Самыя черныя предчувствія сбываются съ головокружительной быстротой...

«Свободный человѣкъ, который отказывается склониться передъ силой, не будетъ вскорѣ имѣть никакого убѣжища, кромѣ мостика парохода, готоваго отплыть въ Америку.

«Ужъ не должны ли мы поразить себя кинжаломъ подобно Катону, такъ какъ нашъ Римъ падаетъ, и мы ничего не видимъ или не хотимъ видѣть внѣ Рима?..

«Между тѣмъ извѣстно, что этотъ римскій мыслитель, который глубоко чувствовалъ всю горечь своего времени, въ печали и отчаяніи, прекрасно понимая, что народъ, къ которому онъ принадлежалъ, шелъ быстрыми шагами къ паденію, бросилъ взглядъ на ту сторону національнаго горизонта и написалъ книгу: «De moribus Germano-

rum». Онъ былъ правъ, такъ какъ будущее принадлежало этимъ дикимъ племенамъ.

«Мы вовсе не пророчествуемъ, но и не видимъ, чтобы судьбы человѣчества неразрывно были связаны съ Западной Европой. Если Европа не можетъ возвыситься перемѣной своего соціальнаго строя, — другимъ странамъ удастся это. Нѣкоторыя изъ нихъ уже готовы къ этому движенію, другія приготовляются. Одна изъ нихъ извѣстна,— это Сѣверно-Американскіе Штаты; другая полна силы, но также полна и варварства, — ее знаютъ мало и плохо.

«Вся Европа на разные лады въ парламентахъ, въ клубахъ, на улицахъ и въ журналахъ стала повторять крикъ берлинскаго Krakehler'a: *Подступаютъ русскіе! Подступаютъ русскіе!* Въ дѣйствительности они не только наступаютъ, но уже и появились, благодаря дому Габсбурговъ и, быть-можетъ, подвинутся еще далѣе, благодаря дому Гогенцоллерновъ. Однако никто еще хорошо не знаетъ, что такое эти *русскіе*, эти *варвары*, эти *казаки*. Европа знаетъ этотъ народъ только по той борьбѣ, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. Цезарь зналъ галловъ лучше, чѣмъ современная Европа Россію. Пока она вѣрила въ самое себя, пока будущее представлялось ей, какъ продолженіе ея развитія, она могла не заниматься другими народами. Теперь обстоятельства перемѣнились, — это великолѣпное невѣдѣніе Европы исчезло.

«Каждый разъ, какъ русскихъ станутъ упрекать, что они *рабы*, они будутъ въ правѣ спросить: *А вы, — развѣ вы свободны?*

«По правдѣ сказать XVIII вѣкъ удѣлялъ Россіи вниманіе болѣе глубокое и серьезное, чѣмъ XIX, быть-можетъ потому, что онъ ее менѣе боялся.

«Такіе люди, какъ Мюллеръ, Шлоссеръ, Эверсъ, Левескэ, посвятили часть своей жизни изученію русской исторіи съ чисто научной точки зрѣнія. Ея физическую исторію намъ дали Палласъ и Гмелинъ. Вслѣдъ за ними философы и публицисты стали съ любопытствомъ изучать это въ одно и то же время деспотическое и революціонное государство. Они видѣли, что основанный Петромъ I престолъ имѣлъ мало аналогіи съ феодальными и традиціонными тронами Европы.

«Два раздѣла Польши были первымъ безславіемъ, покрывшимъ Россію. Европа не поняла всей важности этого событія, такъ какъ тогда она была отвлечена другими заботами. Она была свидѣтельницей великихъ событій, уже возвѣщавшихъ французскую революцію. Русская императрица, естественно, протянула свою обагренную польской кровью руку реакціи. Она ей предложила шпагу Суворова, этого звѣря — палача Праги. Походъ, который предпринялъ Павелъ въ Италію и Швейцарію, совершенно не имѣлъ никакого смысла и лишь возстановилъ общественное мнѣніе противъ Россіи.

«Необыкновенная эпоха этихъ нелѣпыхъ войнъ, которую французы еще до сихъ поръ называютъ періодомъ своей славы, заканчивается съ ихъ вторженіемъ въ Россію. Это было такое же заблужденіе генія, какъ и походъ въ Египетъ. Бонапарту хотѣлось показать себя всему міру стоящимъ на грудѣ труповъ, къ тщеславію пирамидъ

онъ хотѣлъ прибавить тщеславіе Москвы и Кремля. Въ этотъ разъ ему не посчастливилось. Онъ возбудилъ противъ себя весь народъ, который рѣшительно взялся за оружіе, прошелъ вслѣдъ за нимъ Европу и овладѣлъ Парижемъ.

«Участь этой части свѣта была въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ рукахъ императора Александра, но онъ не сумѣлъ воспользоваться ни своей побѣдой ни своимъ положеніемъ. Онъ поставилъ Россію подъ то же знамя, что и Австрія, какъ будто у этой изношенной и умирающей имперіи было что-либо общее съ молодымъ государствомъ, только что появившимся во всемъ своемъ блескѣ; какъ будто у наиболѣе энергичнаго представителя славянскаго міра тѣ же интересы, что и у наиболѣе яраго притѣснителя тѣхъ же славянъ.

«Вслѣдствіе этого чудовищнаго союза съ европейской реакціей Россія, едва выросши своими побѣдами, пала въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Они печально поникли подъ вліяніемъ того, что эта, недавно въ первый разъ доказавшая свою силу, страна тотчасъ предлагаетъ, даже въ ущербъ своимъ интересамъ, руку помощи всему, что только есть ретроградная и консервативнаго.

«Чтобы рѣшительно вооружить всѣ націи противъ Россіи, недоставало только ужасной расправы съ поляками. Когда благородные и несчастные обломки польской революціи въ своихъ скитаньяхъ по всей Европѣ распространили тамъ вѣсть объ ужасныхъ жестокостяхъ побѣдителей, со всѣхъ сторонъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ грянуло противъ Россіи дружное проклятіе. Гнѣвъ народа былъ справедливъ...

«Краснѣя за свою слабость и безсиліе, мы сознавали, что̀ исполнило наше правительство нашими руками. Наши сердца обливались кровью отъ скорби, а глаза наполнялись горькими слезами.

«И каждый разъ при встрѣчѣ съ полякомъ у насъ нехватало смѣлости взглянуть прямо ему въ глаза. Я, однако, не знаю, справедливо ли винить весь народъ и возлагать на него отвѣтственность за дѣла его правительства

«Развѣ Австрія и Пруссія не помогали этому? А Франція, коварная дружба которой принесла Польшѣ столько же зла, сколько ненависти со стороны другихъ народовъ? Въ это время она развѣ не выпрашивала всячески милости при петербургскомъ дворѣ? Развѣ Германія не была тогда въ томъ же положеніи, въ какомъ теперь противъ воли находятся Молдавія и Валахія? Небыла ли она въ то время, такъ же, какъ и теперь, подъ управленіемъ русскихъ чиновниковъ и этого царскаго проконсула, который носитъ титулъ короля Пруссіи?

«Одна лишь Англія держалась съ достоинствомъ, дружественно и независимо. Но и она ничего не сдѣлала для поляковъ. Можетъ-быть, она думала о своихъ грѣхахъ въ Ирландіи? Русское правительство заслуживаетъ ненависти и упрековъ не болѣе, чѣмъ прочія правительства. Я хочу эту ненависть распространить и на всѣ другія правительства, такъ какъ не надо отдѣлять ихъ другъ отъ друга: всѣ они — только варіаціи на одну и ту же тему.

«Событія послѣднихъ лѣтъ многому насъ научили. Съ тѣхъ поръ, какъ порядокъ царствуетъ

въ Парижѣ и взять Римъ, когда одинъ прусскій принцъ распоряжается разстрѣлами, а дряхлая Австрія пытается вновь вернуть юность своимъ разбитымъ членамъ, купаясь въ крови, порядокъ, возстановленный въ Польшѣ, и взятіе Варшавы отодвинуты на задній планъ.

«Позорно видѣть царизмъ только подъ 59° сѣверной широты! И это въ 1849 году, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, потери пріобрѣтеній, возлѣ труповъ тѣхъ самыхъ, кого разстрѣляли, кого душили, бросали въ оковы и безъ суда высылали. Это позоръ, говорю я, на взглядъ тѣхъ несчастныхъ, гонимыхъ изъ страны въ страну, кому, подобно средневѣковымъ евреямъ, даютъ пріютъ, кому, какъ собакамъ, бросаютъ кусокъ хлѣба, чтобы принудить продолжать путь. Сколько угодно оскорбляйте, упрекайте петербургскій абсолютизмъ и печальное упорство нашей покорности, но оскорбляйте деспотизмъ вездѣ и признавайте его повсюду, подъ какимъ бы флагомъ онъ ни являлся. Конецъ оптической иллюзіи, при помощи которой рабству давали видъ свободы.

«Повторяю: если ужасно жить въ Россіи, не менѣе ужасно жить и въ Европѣ. Почему же я покинулъ Россію? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я приведу нѣсколько словъ изъ моего прощальнаго письма къ друзьямъ: «Не заблуждайтесь насчетъ этого; я не нашелъ здѣсь ни радости, ни развлеченія, ни покоя, ни личной безопасности. Я даже не могу представить себѣ, чтобы кто-нибудь могъ найти теперь въ Европѣ покой и радость.

«Я думаю здѣсь только о движеніи, жалѣю только жертвы, люблю лишь то, что подвергаютъ

гоненію, и уважаю лишь то, что наказываютъ. Однако я остаюсь. Я остаюсь, чтобы вдвойнѣ выстрадать и нашу печаль и ту, что я нашелъ здѣсь, быть-можетъ, для того, чтобы впасть въ общее противорѣчіе. Я остаюсь потому, что борьба завязалась, потому что здѣсь у ней одинъ только голосъ.

«Горе тѣмъ, кто здѣсь побѣжденъ, но онъ не погибаетъ, не услышавъ своего голоса, не испытавъ своихъ силъ въ борьбѣ. И ради этого голоса, ради этого начатаго боя, ради этой гласности я остаюсь».

«Вотъ что я писалъ 1-го марта 1849 года. Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Подобно Петербургу, въ Европѣ съ каждымъ днемъ все болѣе суживается привилегія быть выслушаннымъ. Есть страны, болѣе близкія Петербургу, чѣмъ сама Россія.

«Если дѣло дойдетъ до того, что даже въ Европѣ намъ будутъ зажимать ротъ, подавляя наши громкія проклятія нашимъ притѣснителямъ, тогда мы удалимся въ Америку, все отдавая въ жертву человѣческому достоинству и свободѣ слова».

II.

Россія до Петра I.

Русская исторія — лишь эмбріологія будущаго славянскаго государства. Россія еще находится въ состояніи формированія. Все прошлое этой страны, начиная съ IX столѣтія, надо разсматривать, какъ

путь къ невѣдомому будущему, первые проблески котораго только начинаютъ еще появляться.

Истинная русская исторія начинается лишь съ 1812 года. Все предшествующее было только вступленіемъ.

Силы русскаго народа существенно никогда на самомъ дѣлѣ не поглощались его развитіемъ, какъ это было у германо-романскихъ народовъ.

Въ IX столѣтіи эта страна представляетъ совершенно несходную съ государствами Запада картину. Главная масса населенія принадлежала къ одной народности, размѣщенной по огромной и пустынной территоріи. Здѣсь совершенно не встрѣчаемъ мы того различія между расой побѣдителей и покоренной народностью, которое наблюдается повсюду среди другихъ народовъ. Слабые насынки судьбы, финскія племена, разсѣянныя и почти теряющіяся среди славянъ, прозябали вдали отъ всякаго движенія, частью пассивно подчиняясь, частью оставаясь въ своей независимой дикости. Они не имѣли никакого значенія въ русской исторіи. Норманны (варяги), давшіе Руси княжеское племя, которое властвовало тамъ безъ перерыва до конца XVII вѣка, были болѣе организаторами, чѣмъ завоевателями. Призванные жителями города Новгорода они завладѣли властью и скоро распространили ее до Кіева.

Варяжскіе князья и ихъ дружина потеряли черезъ нѣсколько поколѣній свой національный характеръ и смѣшались со славянами, давъ всему толчокъ и сообщивъ этому едва сложившемуся государству во всѣхъ его частяхъ новую жизнь.

Характеръ славянъ имѣетъ въ себѣ что-то женственное; этотъ умный храбрый народъ, съ весьма различными наклонностями, лишенъ инициативы и энергіи. Можно сказать, что славянская натура, не находя въ себѣ самой всего нужнаго, ждетъ извнѣ толчка, который бы ее пробудилъ. Первый шагъ обходится ему очень дорого, но при дальнѣйшихъ усиліяхъ онъ развиваетъ необычайную силу. Роль норманновъ была подобна той роли, которую позднѣе выполнилъ Петръ Великій при помощи западной цивилизаціи.

Населеніе было раздѣлено на небольшія деревенскія общины, города были рѣдки и не отличались отъ деревень ничѣмъ инымъ, какъ большимъ пространствомъ и оградой, которая ихъ окружала (русское слово *городъ* происходитъ отъ слова *городить*). Каждая община, такъ сказать, имѣла началомъ семью, которая владѣла имуществомъ безъ личнаго дѣлежа, сообща, подъ патріархальною властью, которою обладалъ одинъ изъ представителей семейства, самый старшій въ родѣ. Этотъ всецѣло монархическій режимъ уравновѣшивался властью «міра», т.-е. совокупностью всѣхъ членовъ общины. И изъ того, что соціальная организація городовъ была такою же, какъ организація деревень, очевидно, что общее собраніе горожанъ (вѣче) служило противовѣсомъ власти князя.

Не было никакого различія между правами горожанъ и жителей деревни. Вообще мы не встрѣчаемъ въ старой Руси классоваго различія, ни привилегій ни изолированности. Только одинъ *народъ*, одно племя или, скорѣе, княжеская правящая семья, потомки варяга Рюрика, была

совершенно отлична отъ народа. Члены княжескаго рода дѣлили между собою всю Русь сообразно со старшинствомъ вѣтвей, къ которымъ они принадлежали, и ихъ собственному старшинству. Государство было раздѣлено на удѣлы, которые не представляли изъ себя чего-либо опредѣленнаго и управлялись каждый своимъ княземъ подъ главенствомъ самаго старшаго въ родѣ, который носилъ названіе *великаго князя* и имѣлъ удѣломъ Кіевъ, позднѣе—Владиміръ и Москву. Власть великаго князя надъ прочими князьями была очень ограниченной. Эти послѣдніе признавали первенство Кіева, но не было почти никакой дѣйствительной зависимости, никакой административной централизаціи. Удѣлы не разсматривались, какъ личная собственность князей: они не могли быть таковыми, такъ какъ князья переходили часто съ одного удѣла на другой, соединяя за разъ нѣсколько вмѣстѣ по праву наслѣдства или, наоборотъ, раздѣляя ихъ на столько частей, сколько у нихъ было сыновей и сколько было наслѣдниковъ мужского пола; они становились великими князьями по старшинству (преемникомъ великаго князя былъ не его сынъ, а слѣдующій по старшинству братъ). Безъ труда можно себѣ представить, къ какимъ кровавымъ столкновеніямъ, къ какимъ вѣчнымъ спорамъ вела столь сложная система наслѣдованія. Войны между великими и удѣльными князьями происходили вплоть до установленія московской централизаціи.

Вокругъ князей мы находимъ небольшую группу ихъ соратниковъ, друзей или приближенныхъ, которая образуетъ нѣчто въ родѣ аристократіи, очень

трудно поддающейся опредѣленію. Дѣло въ томъ, что она не представляла изъ себя ничего опредѣленнаго, ничего установленнаго, и хотя титулъ *боярина* былъ почетнымъ, онъ не давалъ, однако, никакого положительнаго права и даже не былъ наслѣдственнымъ. Всѣ другіе титулы представляли изъ себя только должности, такъ что лѣстница должностей нисходитъ незамѣтно къ широкому слою жителей деревни. Точно такъ же и весь этотъ высшій слой общества пополнялся изъ народа; потомки варяжскихъ воиновъ, которые пришли съ Рюрикомъ, принесли со своимъ появленіемъ идею аристократизма, но славянскій духъ изуродовалъ ее сообразно своей патріархальной и демократической національности. Дружина, видъ постоянной охраны князя, была слишкомъ малочисленна, чтобы сформироваться въ отдѣльный классъ. Власть князя была слишкомъ далека отъ той неограниченности, въ какой она проявилась значительно позднѣе въ Москвѣ. Князь въ дѣйствительности былъ только старѣйшиной нѣсколькихъ городовъ и деревень, которыми онъ управлялъ совмѣстно съ *общимъ собраніемъ* (вѣче), но онъ пользовался неизмѣримымъ преимуществомъ въ томъ отношеніи, что не былъ избираемъ и дѣлилъ верховныя права съ своимъ родомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Между прочимъ великій князь былъ высшимъ судьею страны, и власть судебная не была отдѣлена отъ исполнительной. Эта странная федерализація, единство которой выражалось въ единствѣ властвующаго племени и совершенно не терялось, несмотря на то, что страна была раздѣлена на части, несмотря на то, что

отсутствовала централизація, федерализація съ ея однороднымъ населеніемъ безъ различія классоваго, безъ различія между городами и деревнями, съ ея земельными владѣніями при коммунистическомъ режимѣ, ни въ чемъ не походитъ на положеніе другихъ государствъ той же эпохи. Но если это положеніе такъ существенно отличалось отъ того состоянія, въ которомъ находилась Западная Европа, то совершенно не слѣдуетъ предполагать, что оно было ниже по отношенію къ Западной Европѣ до XIV столѣтія. Русскій народъ былъ тогда свободнѣе народовъ феодальнаго Запада. Съ другой стороны, это славянское государство не походило также на сосѣднія государства Азіи. Если сюда и входило нѣсколько элементовъ Востока, все же тамъ господствовалъ европейскій характеръ. Славянскій языкъ принадлежитъ, безспорно, къ языкамъ индо-европейскимъ, а не къ языкамъ индо-азіатскимъ. Между прочимъ славяне не имѣютъ тѣхъ внезапныхъ порывовъ, которые возбуждаютъ фанатизмъ цѣлаго народа, ни той апатіи, которая заставляетъ влачить цѣлыми вѣками отъ поколѣнія къ поколѣнію то же самое соціальное существованіе. Личная независимость такъ же мало развита у славянскихъ народовъ, какъ и у народовъ Востока. Однако можно установить между ними ту разницу, что личность славянина была поглощена общиной, которой этотъ славянинъ являлся дѣятельнымъ членомъ, между тѣмъ, какъ на Востокѣ личность была поглощена племенемъ или общественнымъ укладомъ, съ которыми эта личность была связана лишь пассивно.

На взглядъ Европы Россія представлялась азіатской страной, на взглядъ же Азіи — европейской. И этотъ дуализмъ вполнѣ подходилъ къ ея характеру и ея назначенію, которое отчасти состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться великимъ караванъ-сараемъ между Европой и Азіей.

Сама религія продолжила этотъ дуализмъ. Христіанство это — Европа, это — религія Запада. Россія, принимая его, удалялась отъ Азіи: христіанство, которому она послѣдовала, было порожденіемъ Востока — оно являлось изъ Византіи.

Характеръ русскихъ славянъ имѣетъ большое сродство съ характеромъ вообще всѣхъ славянъ, начиная съ иллирійцевъ и черногорцевъ и кончая поляками, съ которыми русскіе такъ долго вели ожесточенную борьбу. Главнымъ отличіемъ русскихъ славянъ (исключая чужеземное вліяніе, которому подверглись различныя русскія племена) служитъ непрерывное, упорное стремленіе образовать изъ себя независимое и сильное государство. Этой соціальной тенденціи нехватало болѣе или менѣе другимъ славянскимъ племенамъ, даже полякамъ. Идея стремленія организовать и расширить государство пробуждается со времени первыхъ князей, которые прибыли въ Кіевъ. Точно такъ же тысячу лѣтъ спустя мы ее находимъ у Николая. Ее можно узнать въ постоянной идеѣ завоевать Византію и въ томъ единодушіи, съ которымъ поднялся весь народъ (въ 1612 и 1812 гг.), когда угрожала опасность его національной независимости. Инстинктъ или завѣтъ *норманновъ*, или и то и другое вмѣстѣ, являются неопровержимымъ фактомъ и причиной, вслѣдствіе которой Россія

была единственной славянской страной съ такой могучей организаціей. Чужеземное вліяніе даже помогло различными способами этому развитію, облегчая централизацію и доставляя государству средства, которыхъ оно не имѣло.

Первымъ чужеземнымъ элементомъ послѣ норманскаго, смѣшавшагося съ русской національностью, былъ элементъ византійскій. Въ то время какъ преемники Святослава только и бредили завоеваніемъ восточнаго Рима, этотъ послѣдній предпринялъ и совершилъ ихъ интеллектуальное подчиненіе. Обращеніе русскихъ въ православіе является однимъ изъ тѣхъ важныхъ событій, послѣдствія которыхъ не могутъ быть исчислены: эти послѣдствія раскрываются лишь вѣками и порою мѣняютъ обликъ всего міра. Нѣтъ сомнѣнія, что полвѣкомъ или столѣтіемъ позднѣе католицизмъ уже не могъ бы проникнуть въ Россію и не превратилъ бы ея во вторую Кроацію или вторую Богемію.

Пріобрѣтеніе Россіи было громадной побѣдой для умирающей Византійской имперіи, а также для Церкви, униженной своей соперницей. Константинопольское духовенство со своимъ обычнымъ коварствомъ, которое его характеризуетъ, поняло это отлично. Оно стало окружать князей монахами и подавляло высшія духовныя власти. Наслѣдникъ, защитникъ, мститель за все то, что претерпѣла или должна была претерпѣть греческая Церковь былъ найденъ не въ Анатоліи или Антіохіи, но среди того народа, который съ одной стороны соприкасался съ Чернымъ, а съ другой — съ Бѣлымъ моремъ.

Православіе создало неразрывную связь между Россіей и Константинополемъ; оно укрѣпило природныя влеченія къ этому городу и завоеваніемъ религіознымъ подготовило почву для будущаго завоеванія восточной столицы единственно могущественнымъ народомъ, исповѣдующимъ православіе.

Церковь бросилась къ ногамъ русскихъ князей, когда Магометъ II вошелъ въ качествѣ побѣдителя въ Константинополь, и съ этого времени духовенство не перестаетъ указывать имъ пальцемъ на полумѣсяцъ, красующійся на соборѣ святой Софіи. Г-нъ Фалльмерайеръ разсказываетъ въ своихъ «Fragments de l'Orient», какъ греческое духовенство было наэлектризовано, когда оно внимало въ Трапезундѣ канонадѣ Паскевича, и какъ монахи Гагіонъ-Ороса и Авона ожидали своего православнаго избавителя. Результатъ турецкаго владычества былъ гораздо счастливѣе, чѣмъ можно было предугадать заранѣе. Католическая Европа въ теченіе этихъ послѣднихъ четырехъ вѣковъ не оставила бы восточную Римскую имперію въ покоѣ, разъ ужъ латиняне властвовали надъ ней. Вполнѣ вѣроятно, что они сослали бы императоровъ въ какой-нибудь уголъ Малой Азіи, а грековъ обратили бы въ католицизмъ. Въ этомъ случаѣ Россія была бы не въ силахъ противиться захватамъ со стороны Запада. Своей побѣдой турки спасли Константинополь отъ владычества папъ. Только вначалѣ иго османовъ отличалось суровостью и кровавой жестокостью. Когда имъ нечего было болѣе страшиться, они предоставили полную свободу вѣроисповѣданія побѣжденнымъ народамъ и не нарушили строя ихъ жизни. Такъ

прошли четыре послѣднихъ столѣтія. Съ того времени Россія выросла, Европа состарѣлась. Даже сама Высокая Порта подверглась вліянію Морен и султана-реформатора. Затѣмъ къ византійскому вліянію присоединилось монгольское вліяніе, еще болѣе чуждое духу Запада. Подобно тучѣ саранчи, урагану, сметающему все на своемъ пути, прошли татары по Руси. Они грабили города, сжигали деревни, обкрадывали другъ друга и, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, скрывались за Каспійское море, посылая отъ времени до времени дикія орды, чтобы напомнить покореннымъ народамъ о своемъ владычествѣ. Что же касается до внутренней организаціи государства, его администраціи и правителей, — все это побѣдители-кочевники оставили по-старому. Они не только оставляли полную свободу вѣроисповѣданій, но даже ограничивали свое владычество надъ русскими князьями лишь требованіемъ являться къ ханамъ за полученіемъ инвеституры, признать ихъ господство, уплативъ установленный налогъ. Тѣмъ не менѣе, татарское иго нанесло страшный ударъ странѣ: постоянныя опустошенія истощили народъ, и онъ впалъ въ ужасную бѣдность. Народъ оставлялъ деревни, блуждалъ по лѣсамъ, и всякая безопасность для жителей исчезла. Страшно увеличилось бремя налога, который при малѣйшемъ замедленіи являлись собирать *баскаки*, облеченные широкой властью, въ сопровожденіи тысячъ татаръ и калмыковъ. Съ этого печальнаго времени, которое длилось около двухъ вѣковъ, Россія дала себя опередить Европѣ. Народъ, преслѣдуемый, разоренный, въ вѣчномъ страхѣ, пріобрѣлъ лукавство и угодливость рабовъ; настроеніе всего общества стало угнетеннымъ.

Самому единству государства угрожала опасность,—оно готово было распасться во всѣ стороны. Югъ начиналъ все болѣе и болѣе отдѣляться отъ центральной Руси, одна часть склонялась къ Польшѣ, другая — къ Литвѣ. Московскіе великіе князья не заботятся уже болѣе о Кіевѣ. Украйна начинаетъ заселяться независимыми казаками, этими вооруженными ордами, образующими военныя республики. Онѣ составлялись изъ бѣглецовъ, выходцевъ со всѣхъ концовъ Руси, не признававшихъ надъ собой никакой власти. Новгородъ и Псковъ, защищенные отъ монголовъ громаднымъ разстояніемъ и болотами, старались или сдѣлаться независимыми отъ центра или покорить его. Въ серединѣ государства, слѣдовательно въ наиболѣе опустошенной его части, выросталъ новый городъ, безъ авторитета, совершенно неизвѣстный народу,—городъ, гордо претендовавшій на титулъ столицы Руси. Казалось, что затерянный въ глуши сосновыхъ лѣсовъ онъ не сыграетъ никакой роли, но именно въ немъ-то и забился пульсъ русской жизни.

Характеръ княжеской власти измѣнился, какъ только князья покинули Кіевъ. Во Владимирѣ они сдѣлались болѣе независимыми. Они стали смотрѣть на свои удѣлы, какъ на личную собственность, на наслѣдство, такъ что переходы князей изъ удѣла въ удѣлъ прекратились. Московскіе князья измѣнили порядокъ наслѣдованія. Отнынѣ ихъ преемникомъ являлся уже не старшій братъ, а старшій сынъ. Они стали уменьшать удѣлы

прочихъ членовъ рода. Вѣче не могло быть сильнымъ въ городѣ молодомъ, безъ установившихся обычаевъ и традицій, и это-то особенно привлекало князей въ Москву. Идея соединенія всѣхъ частей государства была господствующей мыслью московскихъ князей, начиная съ Ивана Калиты, типичнаго представителя этой эпохи, политика, лукаваго и ловкаго хитреца, который снискалъ расположеніе монголовъ своей полнѣйшей покорностью имъ и въ то же время старался воспользоваться и завладѣть всѣмъ тѣмъ, что могло увеличить его могущество. Москва росла съ небывалой быстротой. Настойчивости князей благопріятствовало географическое положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Москва была центромъ Великороссіи, имѣя въ своемъ распоряженіи на небольшихъ разстояніяхъ, отъ 150 до 200 верстъ, города Тверь, Владиміръ, Ярославль, Рязань, Калугу и Орелъ и затѣмъ болѣе удаленные — Новгородъ, Кострому, Воронежъ, Курскъ, Смоленскъ, Псковъ и Кіевъ.

Необходимость централизаціи была очевидна: безъ нея невозможно было ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. Однако мы не думаемъ, что московскій абсолютизмъ былъ единственнымъ средствомъ спасенія для Россіи.

Мы хорошо знаемъ, какое скромное мѣсто отведено гипотезамъ въ исторіи, однако нѣтъ повода отбрасывать безъ изслѣдованія всѣ вѣроятности, ограничиваясь лишь дѣйствительными фактами. Мы совершенно не признаемъ того фатализма, который видитъ абсолютную необходимость въ событіяхъ той теоретической, абстрактной идеи, которую какъ въ исторію, такъ и въ толкованіе

природы внесла спекулятивная философія. Все, что произошло, безъ сомнѣнія, имѣетъ смыслъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ другія комбинаціи были бы невозможны; онѣ сдѣлались невозможными вслѣдствіе чисто случайныхъ причинъ. Исторія далеко не такъ опредѣленна, какъ это привыкли думать.

Въ XV и даже въ началѣ XVI столѣтія въ ходѣ русскихъ событій существовало теченіе, по которому нельзя еще было опредѣлить, какой изъ двухъ принциповъ, образующихъ общественную и политическую жизнь, возьметъ перевѣсъ: князь или коммуна, Москва или Новгородъ. Новгородъ, свободный отъ монгольскаго ига, большой и сильный, всегда ставящій права общины выше права князей, привыкъ считать себя властелиномъ, столицей съ обширными колоніями на Руси.

Новгородъ былъ богатъ, благодаря торговлѣ, которую онъ дѣятельно поддерживалъ съ городами Азіи. Москва,— вѣрный ленъ своихъ князей,— возвышаясь милостью татаръ на развалинахъ разрушенныхъ городовъ, съ ея исключительной національностью и отсутствіемъ настоящей коммунальной свободы, взяла верхъ надъ Новгородомъ. Но Новгородъ также имѣлъ успѣхъ, и это объясняетъ какъ ожесточенную борьбу между этими двумя городами, такъ и тѣ жестокости, которыя употребилъ по отношенію къ Новгороду Иванъ Грозный. Россія могла быть спасена или развитіемъ общиннаго строя или чистымъ абсолютизмомъ. Событія высказались въ пользу абсолютизма. Россія была спасена. Она сдѣлалась великой и сильной. Но какою цѣной? Это — самая не-

счастная, самая рабская въ подлунномъ мірѣ страна. Москва спасла Россію, задушивши все свободное въ русской жизни.

Великіе князья московскіе перемѣнили свой титулъ на «Царя всея Руси». Ничтожный титулъ великаго князя ихъ не удовлетворялъ, напоминая имъ эпоху Кіева и вѣча. Около того же времени подъ стѣнами Константинополя палъ послѣдній византійскій императоръ. Иванъ III женился на Софіи Палеологъ; двуглавый орелъ, изгнанный изъ Константинополя, сталъ красоваться на царскомъ флагѣ въ Москвѣ. Греческіе монахи проповѣдывали по всему христіанскому Востоку, что мщеніе уже близко, и что оно придетъ съ сѣвера. Греческое духовенство больше всего боялось, чтобы *латиняне* не пришли къ нимъ на помощь, и всѣ свои надежды возлагало только на царей. Тогда-то царь принялся прививать византійскій духъ къ русскимъ учрежденіямъ. Духовенство въ силу необходимости должно было желать устроить Русь по образцу Комненовъ и Палеологовъ, т.-е. сдѣлать изъ нея рабски послушную имперію, лишенную всякаго свѣта, во главѣ съ обожествленнымъ царемъ, который, въ свою очередь, долженъ повиноваться духовенству. Оправившійся мало-по-малу отъ монгольскихъ опустошеній народъ очутился лицомъ къ лицу съ царемъ, съ неограниченной монархіей, благодаря ханамъ пріобрѣвшей громадный вѣсъ. Царь собралъ уже бо́льшую часть удѣловъ и включилъ ихъ подъ начало Москвы. Онъ сдѣлался могущественнѣе всѣхъ прочихъ князей, народа и городовъ. И если онъ встрѣчалъ непокорныхъ князей или города, онъ усмирялъ ихъ съ ужасной жестокостью. Новгородъ упорно защищался, но въ концѣ-концовъ палъ. Большой колоколъ, который сзывалъ народъ на вѣче, колоколъ, такъ называемый «вѣчевой», былъ перевезенъ въ качествѣ трофея побѣды въ Москву, въ городъ, который новгородцы еще такъ недавно презирали. Новгородскіе послы сказали Ивану III: «Ты приказываешь намъ сообразоваться съ московскими законами, но мы *не вѣдаемъ законовъ* Москвы; ты научи насъ узнать ихъ». Иванъ IV не забылъ этого ироническаго отвѣта. Послѣ разоренія Новгорода, взятія Пскова и униженія Твери другіе города не смѣли и думать о серьезномъ сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что они пострадали частью отъ татаръ, частью отъ поляковъ, частью отъ литовцевъ. Вѣче мало-по-малу заглохло; глубокое молчаніе царило на Руси; цари становились всемогущими самодержцами.

Однако вліяніе Византіи оставалось болѣе на поверхности и не затрогивало основъ націи. Оно было чуждымъ не только національному характеру, но даже и правительству. Духъ Византіи того времени — это дряхлость, усталость, непротивленіе агоніи. Русскій народъ находился въ крайней нищетѣ, былъ окончательно разоренъ, у него не было достаточно энергіи, чтобы подняться изъ подобнаго положенія; однако онъ былъ молодъ и, въ дѣйствительности, не отчаивался; скорѣе онъ бѣжалъ съ поля битвы, чѣмъ былъ побѣжденъ: онъ потерялъ свои права въ городахъ, но онъ сохранялъ ихъ въ лонѣ деревенской общины. Какъ могъ онъ живымъ лечь въ гробъ, какъ это

сдѣлалъ Карлъ V, и ограничиться пышными похоронами по византійскому обряду!

И это настолько дѣйствительно, что каждая энергичная личность, которая занимала московскій тронъ, прилагала всѣ усилія, чтобы разрушить тѣсный кругъ формализма, въ который была заключена его власть. Иванъ IV, Борисъ Годуновъ, Лже-Дмитрій еще до Петра I старались измѣнить снотворную и удушливую атмосферу московскаго кремля,— они сами задыхались въ ней. Они видѣли, что при такомъ режимѣ дѣтскихъ формальностей и дѣйствительнаго рабства страна не только не прогрессировала, но, наоборотъ, деморализировалась, что управленіе провинціями тяготило подданныхъ, не принося никакой пользы государству. Они видѣли, что еще недостаточно молитвъ московскаго патріарха и чудотворныхъ иконъ съ горы Аѳона, чтобъ излѣчить ихъ отъ этого преждевременнаго оцѣпенѣнія.

Иванъ Грозный составилъ свой судебникъ на общинныхъ началахъ, въ духѣ прежнихъ льготъ. Онъ поручилъ взиманіе налоговъ и все управленіе выборнымъ чиновникамъ, расширилъ компетенцію суда, отдавъ въ его вѣдѣніе уголовныя дѣла, при чемъ для заключенія въ темницы требовалось судебное постановленіе. Онъ пожелалъ также уничтожить должность намѣстниковъ въ провинціяхъ, предоставивъ этимъ послѣднимъ полную свободу управленія подъ наблюденіемъ особаго учрежденія ad hoc. Однако общинная свобода, попранная его предшественниками, не возродилась по приглашенію всемогущаго и свирѣпаго царя. Всѣ его проекты были сведены къ нулю,

остались, такимъ образомъ, безплодными, и къ концу XVI столѣтія повсюду царили полная неурядица и общая апатія. Въ бѣшенствѣ и отчаяніи Иванъ удвоилъ свои преслѣдованія. Его утонченную жестокость руководили ненависть и отвращеніе. «Я — не русскій, а я — нѣмецъ», сказалъ онъ однажды своему иностранному ювелиру.

Борисъ Годуновъ рѣшительно задумалъ войти въ сношенія съ Европой, ввести у себя искусства и науки Запада и образовать школы, но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ встрѣтилъ со стороны духовенства самый сильный отпоръ. Духовенство соглашалось на все, кромѣ просвѣщенія, въ числѣ источниковъ котораго православію не было мѣста. Другой трудностью являлось приглашеніе въ Россію иностранцевъ, потому что жившіе у Балтійскаго моря народы преграждали имъ путь. Можно сказать, что, въ предвидѣніи будущаго порабощенія Россіей ихъ потомковъ, они всѣми мѣрами старались помѣшать малѣйшему движенію просвѣщенія съ Запада. Лже-Дмитрій пытался совершить то, чего не посмѣлъ сдѣлать Годуновъ. Этотъ въ высокой степени образованный человѣкъ съ рыцарской душой сѣлъ на тронъ, благодаря междоусобной войнѣ съ поляками и казаками, начатой во имя законности. Дмитрій напалъ на нравы и обычаи, царившіе на Руси, рѣшительнѣе своего предшественника и, не скрывая своихъ плановъ реформъ, отдавалъ предпочтеніе всему польскому и католической церкви. Поднявъ во имя православія и національной безопасности населеніе Москвы, непокорные бояре ворвались съ нею во дворецъ и убили юнаго царя. Надругавшись надъ его тру-

помъ, они сожгли его, а пепелъ разсѣяли по воздуху, забивъ изъ него зарядъ въ пушку.

Эти событія распространили съ лихорадочной поспѣшностью волненіе по всему государству. Россія заволновалась отъ Казани до самой Невы и Польши. Было ли это инстинктивное усиліе народа создать себѣ новую форму, или то была послѣдняя судорога отчаянія, послѣ чего онъ до самыхъ послѣднихъ дней безучастно позволилъ собою править?

Смятеніе и раздраженіе дошли до крайности, кровь лилась повсюду. За смертью Лже-Дмитрія явился второй претендентъ, затѣмъ третій... Одинъ изъ нихъ, расположившись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, въ укрѣпленномъ лагерѣ, окружилъ себя русскими добровольцами, поляками и казаками. Поднялись и провинціи: однѣ, чтобы помочь Москвѣ, другія—подать помощь претендентамъ. Дворецъ въ кремлѣ былъ свободенъ, не было не только царя, но даже правильнаго управленія. Польскій король Сигизмундъ хотѣлъ навязать Россіи своего сына Владислава. Шведское войско, занявъ сѣверъ Россіи, предлагало на русскій престолъ одного изъ своихъ принцевъ. Москвичи стояли за князей Шуйскихъ, въ то время какъ провинціи не хотѣли объ этомъ и слышать. Междуцарствіе, гражданская война, война съ Польшей, казаки и шведы, отсутствіе управленія продолжались въ теченіе четырехъ лѣтъ. Послѣднія силы народа были истощены въ защитѣ политической независимости, и онъ былъ готовъ на всякія жертвы. Нижегородскій мясникъ Мининъ и князь Пожарскій спасаютъ отечество, но спасаютъ его только отъ иностранцевъ. Народъ, измученный смутами, претендентами, войной, грабежомъ, хотѣлъ покоя во что бы то ни стало. Тогда ничего не оставалось, какъ, пренебрегая всякой законностью, безъ согласія народа сдѣлать поспѣшный выборъ: указывали на молодого Романова, какъ на царя всей Россіи. Выборъ палъ именно на него, такъ какъ по своему возрасту онъ ни одной партіи не внушалъ подозрѣнія. Этотъ выборъ внушала усталость

Правленіе Романова, предшественника Петра I, было цвѣтомъ псевдовизантійскаго режима; народъ былъ мертвъ или выказывалъ признаки жизни только тѣмъ, что создавалъ шайки разбойниковъ, которыя разгуливали вдоль береговъ Волги и вокругъ Самары. Неповоротливая система плохо освѣдомленной администраціи разорила народъ; правитель чувствовалъ свою неспособность и пригласилъ иностранцевъ, не будучи въ состояніи выпутаться изъ бѣды безъ примѣра Европы. Однако по какому-то нелѣпому противорѣчію онъ снова замкнулся въ своей исключительной національности и продолжалъ держаться дикой ненависти ко всякому нововведенію.

Нужно только прочесть разсказъ о московскихъ обычаяхъ того времени, написанный русскимъ подьячимъ посольскаго приказа Котошихинымъ, который въ концѣ XVII вѣка бѣжалъ въ Стокгольмъ. Съ ужасомъ отступаешь передъ затхлой соціальной атмосферой того времени, передъ этими обычаями, которые были не что иное, какъ пародія дурныхъ вкусовъ восточной Римской имперіи. Обѣды, шествія, всенощныя, обѣдни, пріемы пос-

ловъ, перемѣны одѣяній три или четыре раза въ день составляли все дѣло царей. Вокругъ нихъ группировалась необразованная и совершенно некультурная знать. Этихъ гордыхъ аристократовъ, тщеславныхъ тѣмъ положеніемъ, которое занимали ихъ отцы, пороли на конюшняхъ царя, даже наказывали кнутомъ на площади, и они не чувствовали оскорбленія. Не было ничего человѣчнаго въ этомъ невѣжественномъ, тупомъ и безучастномъ обществѣ. Во что бы то ни стало надо было выйти изъ этого положенія или погибнуть безъ расцвѣта. Выйти? Но какимъ образомъ? Откуда ожидать спасенія? Очевидно, оно не могло явиться отъ духовенства, находившагося въ то время на высотѣ своего величія. Народъ преклонялся и держался въ сторонѣ. Могли ли бояре, которыхъ пороли, указать ему путь? Конечно, нѣтъ. Однако, когда нужда даетъ себя чувствовать, всегда найдутся средства избѣжать ее.

Переворотъ, который долженъ былъ спасти Россію, вышелъ изъ рода, до сихъ поръ бездѣятельнаго, именно изъ рода Романовыхъ.

Прежде чѣмъ итти далѣе, намъ придется затронуть одинъ изъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ русской исторіи, вопросъ о развитіи крѣпостного права. Ни въ древней ни въ современной исторіи нѣтъ ничего аналогичнаго тому, что произошло въ Россіи въ XVII и было окончательно утверждено въ XVIII столѣтіи по отношенію къ крестьянамъ. Вслѣдствіе ряда простыхъ полицейскихъ мѣръ, вслѣдствіе насилій со стороны помѣщиковъ, владѣвшихъ землями, попущеній правительства и инертности самихъ крестьянъ, эти послѣдніе пре-

вратились изъ свободныхъ, каковыми они были ранѣе, въ «крѣпкихъ землѣ», въ собственность, неотдѣлимую отъ земли. Поэтому намъ думается, что ихъ человѣческія права, прежде чѣмъ быть отвоеванными страданіями и революціей, должны были пройти чрезъ ужасное горнило абсолютизма и произвола.

Деревенская община оставалась нетронутой въ то время, какъ цари подкапывались подъ вольности городовъ и селъ. Дошла очередь и до крестьянъ, но уничтожена была не община, а самъ вольный крестьянинъ. Въ началѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемъ при царѣ Годуновѣ законъ, который регулировалъ и ограничивалъ право перехода съ земель одного помѣщика на земли другихъ. Этотъ законъ не подвергалъ никакому сомнѣнію ни самаго права перехода ни личной свободы крестьянина—мотивировкой его служили экономическія соображенія, достаточно основательныя съ точки зрѣнія правительства. Крестьяне покидали земли бѣдныхъ помѣщиковъ и стекались на земли богатыхъ; такимъ образомъ плодородныя земли оказывались населенными въ избыткѣ, въ то время какъ на безплодныхъ земляхъ нехватало рабочихъ рукъ. Царь Годуновъ, котораго ненавидѣли крупные помѣщики, думалъ угодить этимъ закономъ мелкимъ собственникамъ. Таковъ былъ первый шагъ къ закрѣпощенію. Вскорѣ тотъ же Годуновъ издалъ другой законъ,—законъ едва объяснимый. Чтобы понять его, слѣдуетъ замѣтить, что вначалѣ число рабовъ на Руси было очень ограниченно. Это были или военные плѣнники или купленные за границей (холопы) и, наконецъ, тѣ,

которые продавали себя съ семьями (кабальные люди). Всѣ они не имѣли ничего общаго ни съ крестьянами, членами общины, обрабатывающими помѣщичью землю, ни съ свободными слугами бояръ. Этихъ послѣднихъ бояре часто прогоняли, и они шли въ качествѣ нищихъ или воровъ на большую дорогу или присоединялись къ волжскимъ разбойникамъ и донскимъ казакамъ, этимъ укрывателямъ всѣхъ, кто велъ войну съ обществомъ. Борисъ, всегда отличавшійся осторожностью, боялся этой недовольной массы. Чтобы положить конецъ неудобствамъ и быть увѣреннымъ, что эти люди прокормятся во время голода и не станутъ разбѣгаться, онъ постановилъ, чтобы всѣ слуги, пробывшіе извѣстное время у своихъ господъ, становились ихъ рабами и не могли ни покинуть ихъ ни быть прогнанными. Такъ тысячи людей стали рабами, почти не замѣчая того. Побѣги отъ этого не уменьшились. Было бы трудно исчислить, сколько солдатъ доставилъ этотъ законъ бандамъ Дмитрія, Гонсѣвскаго, Жолкѣвскаго, гетмана Запорожья, и всѣмъ тѣмъ condotieri, которые опустошали Россію въ началѣ XVII столѣтія. Съ правленія Бориса, кончая Екатериной II, глухое движеніе волновало населеніе деревень, и пугачевское возстаніе еще живетъ въ его памяти.

Каждый помѣщикъ въ миніатюрѣ повторялъ роль московскаго великаго князя, и какъ города растеряли свои вольности, благодаря неопредѣленности ихъ установленій, такъ община оказалась побѣжденной принципомъ авторитета и индивидуализма, болѣе эгоистичнаго и болѣе энергичнаго, чѣмъ она. Царизмъ, самъ основанный на неограниченной власти, по необходимости долженъ былъ покровительствовать попыткамъ помѣщиковъ, устраняя естественныхъ защитниковъ крестьянъ — избранныхъ судей — и отдавая ему предпочтеніе во всѣхъ распряхъ съ крестьянами. Однако законъ ничего не опредѣлялъ, ничего не утверждалъ. Это было злоупотребленіе со стороны правительства и пассивное отношеніе со стороны народа.

Въ такомъ положеніи застала дѣла первая ревизія, произведенная по указу Петра I; она дала въ 1710 году законную почву этимъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ, а цивилизаторъ Россіи далъ имъ санкцію. Трудно сказать, какія причины побудили его такъ дѣйствовать. Являлось ли это ошибкой и злобой или было прозрѣніемъ будущаго? Подобно Петру I, въ одно и то же время представителю царизма и переворота, помѣщикъ сталъ и представителемъ недѣлимой власти и зародышемъ революціи. Петръ I сообщилъ движеніе государству, помѣщикъ такъ или иначе толкнетъ въ революцію лишенную правъ и безучастную общину. Не подлежитъ сомнѣнію, что община побѣдитъ, когда абсолютизмъ будетъ исчерпанъ. Независимая личность человѣка вполнѣ покрывается выросшей изъ земли общиной, которая не въ силахъ ни сама избѣжать деспотизма ни освободить своихъ членовъ. Она должна быть реорганизована, чтобъ имѣть право на существованіе.

Предъ личностью московскихъ царей погибли вольности общины, но, по счастью, изъ царскаго племени вышелъ Петръ, истинный выразитель скрытаго въ русскомъ народѣ революціоннаго духа.

«Петръ I,—сказалъ одинъ изъ молодыхъ русскихъ историковъ, — это первая русская личность, осмѣлившаяся стать независимо». Та же роль выпала на долю русскому дворянству: будучи выразителемъ индивидуалистическаго принципа по отношенію къ общинѣ, оно тѣмъ самымъ стоитъ въ оппозиціи абсолютизму. Не уничтожая общины, оно будетъ ее ограничивать, пока эта послѣдняя не возмутится. Разъ община сохранила въ теченіе столькихъ вѣковъ свою жизненность, она неразрушима. Отдѣляя дворянъ отъ народа и предоставляя имъ власть, Петръ I создалъ между крестьянами и дворянствомъ тотъ антагонизмъ, котораго ранѣе или совсѣмъ не существовало, а если и существовалъ, то въ самой слабой мѣрѣ. Антагонизмъ этотъ завершится соціальной революціей, и въ Зимнемъ дворцѣ еще нѣтъ того Бога, который имѣлъ бы власть отвести отъ Россіи эту предназначенную ей чашу.

III.

Петръ I.

Все болѣе и болѣе нарастало стремленіе вывести государство изъ тяжелаго положенія, когда на царскомъ престолѣ явился въ концѣ XVII вѣка смѣлый революціонеръ, одаренный разносторонними дарованіями и желѣзной волей.

Петръ I не былъ ни восточнымъ царемъ ни правителемъ въ силу только своей принадлежности

къ династіи. Это былъ типъ деспота изъ Комитета общественнаго спасенія, деспота по природѣ и во имя великой идеи, что твердо ставило его высоко надъ головами окружающихъ. Уничтоживъ окружавшую личность царя таинственность, онъ съ отвращеніемъ бросилъ далеко отъ себя тѣ византійскіе лохмотья, съ которыми жили его предшественники. Петръ I не могъ удовольствоваться плачевной ролью украшеннаго золотыми тканями и драгоцѣнными каменьями христіанскаго Далай-Ламы, который въ отдаленіи являлся народу во время торжественныхъ шествій изъ своего дворца въ Успенскій соборъ и изъ Успенскаго собора къ себѣ во дворецъ. Петръ являлся предъ своимъ народомъ, какъ простой смертный. Съ утра до вечера его видали неутомимымъ работникомъ, одѣтымъ въ простой военный сюртукъ; видали, какъ онъ отдаетъ приказанія и указываетъ то, что надо исполнить. Онъ былъ и кузнецъ и столяръ, инженеръ, архитекторъ и плотникъ. Его видѣли повсюду безъ свиты, чаще всего съ однимъ адъютантомъ, возвышающимся надъ толпой своимъ ростомъ. Петръ Великій, какъ мы говорили, былъ первой освободившейся изъ-подъ опеки личностью въ Россіи и въ силу этого самаго революціонеромъ, но только коронованнымъ.

Онъ сомнѣвался въ своемъ происхожденіи отъ царя Алексѣя. Однажды за ужиномъ онъ наивно спросилъ графа Ягужинскаго, не онъ ли былъ его отцомъ? «Кто ее знаетъ,—отвѣтилъ Ягужинскій смущенный. — Покойная царица имѣла столько любовниковъ». Вотъ вамъ и законное наслѣдованіе престола! Что касается династическихъ интересовъ,

то мы знаемъ, что Петръ, находясь на Прутѣ въ отчаянномъ положеніи, писалъ Сенату о выборѣ себѣ болѣе достойнаго преемника, думая, что его сынъ неспособенъ ему наслѣдовать. Онъ приказалъ его судить и затѣмъ заключить въ тюрьму. Петръ I короновалъ императрицей простую служанку, сначала жену одного шведскаго солдата, а потомъ любовницу его фаворита князя Меншикова, бывшаго мальчика-пирожника. Обстоятельства, при которыхъ митрополитъ Ѳеофанъ и князь Меншиковъ объявили послѣднюю волю Петра, давали мѣсто большимъ сомнѣніямъ, но — фактъ, что авантюристка изъ Лифляндіи, съ трудомъ изъясняющаяся по-русски, послѣ его смерти была провозглашена императрицей, и никому не пришло въ голову оспаривать у нея права.

Петръ I почти не скрывалъ своего равнодушія, почти презрѣнія къ греческой Церкви, и ту немилость, которую онъ выказывалъ старому укладу жизни, она должна была раздѣлять по необходимости. Открытіе новыхъ мощей и чудеса имъ были запрещены. Вмѣсто патріарха онъ учредилъ Синодъ, куда въ качествѣ оберъ-прокурора назначилъ кавалерійскаго офицера. Верховныхъ правъ и совершенно независимаго отъ царя положенія патріархъ не имѣлъ никогда, но онъ придавалъ Церкви извѣстное единство. Въ силу этого Петръ убралъ его престолъ, обыкновенно занимающій мѣсто рядомъ съ царскимъ трономъ. Однако Петръ былъ лишь начальникомъ Церкви, и эта его власть была чисто свѣтской. Петербургскій имперіализмъ сохранилъ тотъ же характеръ своей власти надъ Церковью: его цѣль и средства были практическія,

свѣтскія, мірскія. Онъ не выходилъ изъ рамокъ практическаго интереса и, парализовавъ дѣятельность Церкви, болѣе не думалъ ни о Церкви ни о религіи. У него была иная идея,— ему грезилась колоссальная Россія, гигантское государство, которое можетъ растянуть свои вѣтви въ глубь Азіи, быть властителемъ Константинополя и судебъ Европы.

Обыкновенно въ Европѣ преувеличено представленіе о силѣ духовной власти русскихъ императоровъ. Эта ошибка имѣетъ свое начало не въ русской исторіи, а въ лѣтописи восточной Римской имперіи. Греческая Церковь всегда была въ пассивной покорности у государства и дѣлала все то, что хотѣла власть, но власть съ своей стороны никогда прямо не вмѣшивалась въ интересы религіи и духовенства. Русская Церковь имѣетъ свою собственную юрисдикцію, основанную на греческомъ Номоканонѣ. Можно ли думать, что довольно провозгласить себя начальникомъ Церкви вмѣсто ея естественнаго главы, чтобы пріобрѣсти дѣйствительную религіозную власть? Если бы дѣло шло о московскихъ царяхъ, напримѣръ, объ Иванѣ IV, въ которомъ было что-то общее съ Константиномъ Копронимомъ и Генрихомъ VIII, и который занимался экзегетикой, когда некого было вѣшать, такое предположеніе было бы еще допустимо, но преемники Петра Великаго, въ числѣ которыхъ были четыре женщины, и только одна изъ нихъ была русская, исключаетъ всякую мысль объ этомъ. Идея сдѣлаться главою Церкви была далека отъ ихъ намѣреній въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Честь выведенія ея на свѣтъ принадле-

жить Павлу I. Быть-можетъ, завидуя Робеспьеру, онъ приказалъ къ своей коронаціи сдѣлать себѣ наполовину солдатское, наполовину поповское платье; говоря о своемъ духовномъ главенствѣ, онъ желалъ самъ священнодѣйствовать въ Казанскомъ соборѣ. Его отговорили отъ этого шутовства. Извѣстно, что этотъ самый Павелъ I, схизматикъ, притомъ женатый, добылъ титулъ великаго магистра Мальтійскаго ордена, и почти никому не тайна, что во всѣхъ отношеніяхъ это былъ полупомѣшанный.

Чтобы совершенно порвать со старой Россіей, Петръ I оставилъ восточный титулъ царя и покинулъ Москву, чтобы жить въ одной гавани Балтійскаго моря, гдѣ онъ принялъ титулъ императора. Петербургскій періодъ, открывшійся такимъ образомъ, не былъ продолженіемъ исторической монархіи, это было начало деспотизма молодого, дѣятельнаго, необузданнаго, готоваго какъ на великія дѣла, такъ и на великія преступленія.

Одна только идея связываетъ петербургскій періодъ съ московскимъ, это — идея расширенія предѣловъ государства. Все было посвящено ей: достоинство государей, кровь подданныхъ, справедливость по отношенію къ сосѣдямъ и благосостояніе цѣлой страны... Кромѣ этого сходства, Петръ Великій былъ постояннымъ протестомъ старой Россіи. Мы видѣли, что въ династическихъ и религіозныхъ вопросахъ онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, вполнѣ просвѣщенный. Своей жизнью онъ находился въ полномъ противорѣчіи съ нравами страны. Онъ выставлялъ на показъ свои шумныя удовольствія. Сколько разъ Петербургъ

видѣлъ своего императора, выходящимъ на зарѣ съ обильнаго ужина подъ вліяніемъ венгерскаго вина и анисовой и бьющимъ въ барабанъ зорю среди своихъ министровъ, еле державшихся на ногахъ. Не разъ видѣли, какъ онъ бѣгалъ по улицамъ съ ряженными, самъ тоже ряженый. Старые бояре съ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ, который скрывалъ за собой бездну глупости и тщеславія, съ ужасомъ смотрѣли на праздники, которые онъ устраивалъ англійскимъ и голландскимъ морякамъ, гдѣ его православное величество безъ-удержу предавалось оргіи. Съ глиняной трубкой во рту, съ кружкой пива въ рукѣ онъ задавалъ тонъ своимъ гостямъ и не уступалъ имъ въ ругательствахъ. Верхъ негодованія охватилъ бояръ, когда онъ приказалъ имъ женамъ и дочерямъ, запертымъ какъ на Востокѣ, принимать участіе въ этихъ самыхъ праздникахъ. Подъ императорской мантіей въ Петрѣ всюду проскальзывалъ революціонеръ. Въ то время, какъ, столѣтіе спустя, Наполеонъ каждый годъ покрывалъ свое низкое происхожденіе какимъ-нибудь новымъ царскимъ тряпьемъ, Петръ I каждый день освобождался отъ какого-нибудь лоскута царизма, чтобъ остаться самимъ собой со своей великой идеей, опиравшейся на непреклонную волю и на жестокость террориста.

Переворотъ, произведенный Петромъ, раздѣлилъ Россію на двѣ части. Съ одной стороны, сохранилось дѣленіе крестьянъ на свободныхъ, помѣщичьихъ, городскихъ и посадскихъ. Это была старая Россія, консервативная, традиціонная, строго православная или раскольничья, всегда религіоз-

ная, носящая національный костюмъ и ничего не перенявшая отъ европейской цивилизаціи. На эту часть націи, какъ это обыкновенно случается при удачныхъ переворотахъ, правительство смотрѣло, какъ на недовольную и почти мятежную. Она была въ немилости, поставлена внѣ всякаго закона и отдана въ распоряженіе другой части націи. Новая же Россія составлялась изъ знати, которую Петръ Великій набралъ изъ потомковъ бояръ, всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и, наконецъ, арміи. Быстрота, съ которой эти разношерстные классы покинули свои старые обычаи, была поразительной. Они отказались отъ прошлаго безъ всякаго сопротивленія; только одни стрѣльцы пытались оказать его. Вотъ доказательство подвижности русскаго характера и въ то же время совершенной своевременности преобразованій Петра. Съ восторгомъ покидались старыя и тяжелыя формы московскаго режима. Откуда же являлось упрямство русскаго крестьянина? Крестьяне вообще образуютъ наименѣе прогрессивную часть у всѣхъ націй; въ частности русскіе крестьяне-общинники оставались внѣ всякаго движенія и попытокъ къ тому правительства. Централизація политическая не была поддержана централизаціей административной. Мѣры, принятыя для прекращенія переходовъ крестьянъ, интересовали только тѣхъ изъ нихъ, которые жили на господскихъ земляхъ, или, скорѣе, то подвижное меньшинство, которое постоянно мѣняло свои мѣста. Реформа Петра представлялась этимъ послѣднимъ не только покушеніемъ на ихъ традиціи, на ихъ жизненный укладъ, но и какъ вмѣшательство государ-

ства въ ихъ собственныя дѣла, какъ бюрократическія придирки, какъ нескончаемое увеличеніе тяжести рабства. Они молча и пассивно стояли въ оппозиціи, которая продолжается до нашихъ дней и которая оправдывается принимавшимися Петромъ и его преемниками мѣрами противъ народа. Деревня осталась внѣ всякой реформы. Невозможно оставаться русскимъ крестьяниномъ, когда покидаются старые обычаи. Крестьянинъ можетъ выйти изъ состава общины, сдѣлаться слугой или чиновникомъ правительства, но прежде всего во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ освободиться отъ духа общины. Членомъ крестьянской общины можетъ быть только крестьянинъ и, какъ таковой, долженъ носить бороду и національный костюмъ. Этого нѣтъ ни въ какихъ законахъ, этого требуетъ лишь обычай, который только и дѣлаетъ его такимъ живучимъ. Такимъ образомъ крестьяне остаются чистыми отъ всякаго соприкосновенія съ правительствомъ—ими управляютъ, но они ничего не утверждали своимъ согласіемъ. Они не одобряютъ нашей жизни, упорно держатся своихъ обычаевъ, гораздо религіознѣе насъ и протестуютъ противъ нашего индиферентизма; они сдѣлались раскольниками, протестуя противъ офиціальной Церкви, которая мирится съ *нѣмецкой* цивилизаціей.

Съ этой именно точки зрѣнія надо цѣнить всю важность приказаній Петра брить бороду и одѣваться по-нѣмецки. Борода и костюмъ образуютъ глубокое различіе между униженной тройнымъ игомъ и охраняющей свою національность Россіей и Россіей, которая приняла европейскую цивилизацію вмѣстѣ съ императорскимъ деспотизмомъ.

Между человѣкомъ съ бородой, который носитъ рубашку поверхъ штановъ, который не имѣетъ ничего общаго съ правительствомъ, и человѣкомъ бритымъ, одѣтымъ въ нѣмецкое платье и чуждымъ общинѣ, существовала только единственная живая связь — солдатъ. Правительство замѣтило это и, боясь, чтобы солдатъ вновь не сдѣлался крестьяниномъ, прибѣгло къ ужаснымъ мѣрамъ,— оно опредѣлило чудовищный срокъ службы двадцатью двумя годами въ началѣ того столѣтія и отъ 15 до 17 въ наши дни. Подъ предлогомъ воспитанія солдатскихъ дѣтей оно учредило настоящую касту индійскихъ кшатріевъ, приковывая ихъ къ военному сословію, и, какъ будто этого не было довольно, обязало ветерановъ подъ страхомъ большого наказанія брить бороды и никогда не носить національнаго платья. Русскій народъ остался, такимъ образомъ, внѣ всякаго движенія, изолированнымъ съ своей горестной надеждой; если онъ не погибъ, то благодаря своей натурѣ и общинѣ, но большаго онъ ничего не достигъ. Народной политической идеи не проникало къ нему, но появились интересы, которые не замедлили взволновать русскую общину.

Европа не поняла вопроса освобожденія. Вообще думаютъ, что дѣло идетъ о личной свободѣ, которая не имѣетъ никакого значенія при петербургскомъ деспотизмѣ. Весь вопросъ сводится къ освобожденію крестьянъ вмѣстѣ съ землею. Эта задача занимаетъ правительство, которое не сдѣлаетъ ничего, аристократію, которая не посмѣетъ ничего сдѣлать, и уставшій народъ, который ропщетъ и, можетъ-быть, что-нибудь сдѣлаетъ.

Пока что все умственное и политическое движеніе ограничилось аристократіей. Русская исторія, начиная съ реформъ Петра Великаго, за исключеніемъ пугачовскаго эпизода и народнаго пробужденія въ 1812 году, представляетъ лишь исторію русскаго правительства и русской аристократіи. Если бы русскую аристократію считать подобной всемогущей аристократіи Англіи или ничтожной аристократіи Германіи, то никогда нельзя было бы понять того, что происходитъ теперь въ Россіи.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что аристократія, организованная Петромъ I, не является замкнутой кастой; наоборотъ, она безпрестанно вбираетъ въ себя все то, что порождаетъ демократическая почва, и постоянно черпаетъ изъ этой послѣдней свои силы. Солдатъ съ полученіемъ офицерскаго чина становится потомственнымъ дворяниномъ; причетникъ и писецъ, пробывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ государственнымъ чиновникомъ, становится личнымъ дворяниномъ; если онъ получаетъ болѣе высокій чинъ, онъ пріобрѣтаетъ потомственное дворянство. Сынъ свободнаго крестьянина, окончивъ ученіе въ гимназіи, становится привилегированнымъ. Получившіе орденъ и принятые въ академію становятся дворянами. Такимъ образомъ подъ именемъ дворянства въ Россіи слѣдуетъ разумѣть всѣхъ тѣхъ, кто, не принадлежа къ деревенской или городской общинѣ, состоитъ на государственной службѣ. Права и привилегіи остаются одни и тѣ же какъ для потомковъ Рюриковичей и бояръ, такъ и для сына низшаго чиновника, получившаго потомственное дворянство.

Русская аристократія—это государство въ государствѣ — оказалась побѣжденной безъ сраженія.

Было бы абсурдомъ искать какого-либо единства въ классѣ, который содержитъ въ себѣ какъ солдатъ, причетниковъ, сыновей поповъ, такъ и помѣщиковъ, владѣтелей тысячъ крестьянъ.

Но пропустимъ времена, слѣдовавшія за царствованіемъ Петра. Полная правительственная анархія разразилась послѣ его смерти, и въ продолженіе двадцати лѣтъ новый порядокъ постоянно колебался до основанія, лишь только исчезла желѣзная рука Петра; народныя традиціи были разрушены, не стало вѣры въ династію. Народъ, вставшій на защиту человѣка, котораго онъ считалъ сыномъ Ивана IV, даже не зналъ именъ всѣхъ *Романовыхъ*, Брауншвейгъ-Вольфенбюттелей и Голштинъ-Готторпскихъ, которые, какъ тѣни, скользили по ступенямъ трона и исчезали въ снѣгахъ ссылки, въ темницахъ или на плахѣ...

Высшая аристократія, не имѣвшая никакого общаго интереса, ради вѣчнаго повторенія дворцовыхъ переворотовъ въ качествѣ солдатъ служила въ гвардіи. Солдаты со своей стороны не знали другой морали, кромѣ послушанія тому, у кого въ рукахъ была сила и кто ее умѣлъ удержать. Кумиръ, разъ поверженный, тотчасъ всѣми предавался забвенію. Прогрессъ, который произвелъ политическое развращеніе того времени, превосходитъ все, что можно вообразить. Императорскій тронъ походилъ на ложе Клеопатры; толпа вельможъ и клинокъ янычара вѣнчали иностраннаго принца, женщину, дитя, отдаленнаго родственника какого-нибудь изъ родственниковъ Петра, сажали

ихъ на тронъ, оказывали имъ почести и наказывали кнутомъ тѣхъ, которые порицали ихъ за это. Но лишь только избранникъ успѣвалъ вкусить всѣ прелести чрезмѣрной власти, какъ кучка сановниковъ и преторіанцевъ увлекала его со всѣми его приближенными въ пропасть. Министры и генералы почти каждый день появлялись на площади, гдѣ производились казни, или ссылались въ Сибирь. Эти перевороты производились такъ быстро, что фельдмаршалъ Минихъ, который отправилъ Бирона въ ссылку, высланный, въ свою очередь, догналъ его при переправѣ черезъ Волгу, гдѣ Биронъ былъ задержанъ разливомъ рѣки. Эта *bufera internale* увлекала всѣхъ правителей съ такой быстротой, что не только нельзя уловить ихъ черты, но — верхъ ироніи — мы видимъ удержавшимся только одного начальника тайной канцеляріи Бестужева. Этотъ почтенный сановникъ сохранилъ свой постъ, несмотря на всѣ перевороты, и, такимъ образомъ, имѣлъ случай производить дознанія, пытать и казнить всѣхъ своихъ друзей, благодѣтелей и враговъ.

Можно ли вѣрить, что послѣ всего этого народъ видѣлъ въ своихъ преходящихъ государяхъ главу православной Церкви? Кромѣ политическихъ интригъ, не слѣдуетъ забывать, что тотъ вольный духъ, который ввелъ Петръ I и который такъ шелъ къ нему, вскорѣ перешелъ ко всему двору и выродился здѣсь въ грязное безпутство и дикій разгулъ. Елисавета, дочь Петра I, будучи еще великой княжной, проводила ночи въ оргіяхъ съ гренадерами изъ караула и гуляла съ ними въ Лѣтнемъ саду. Она въ концѣ-концовъ пріі-

обрѣла такую привычку къ спиртнымъ напиткамъ, что напивалась каждый день. Пріостанавливались самыя важныя дѣла, послы не могли добиться у нея аудіенціи въ продолженіе цѣлыхъ недѣль въ то время, когда она была пьяна. Императрица Анна жила какъ добрая супруга съ своимъ бывшимъ конюхомъ Бирономъ, котораго она сдѣлала герцогомъ Курляндіи. Регентша Анна Брауншвейгская спала лѣтомъ со своимъ любовникомъ на освѣщенномъ дворцовомъ балконѣ.

Среди этой эпохи, скандальной событіями и паденіями троновъ, этой оргіи и дикаго деспотизма вмѣстѣ съ угодливой олигархіей, которая располагала короной, какъ евнухи восточной Римской имперіей, единственнымъ проблескомъ на политическомъ горизонтѣ были условія принятія короны, предложенныя императрицѣ Аннѣ. Анна дала клятву, согласилась на все, но тотчасъ, поддерживаемая нѣмецкой партіей, во главѣ которой стоялъ Биронъ, разорвала подписанную грамоту и устранила всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ ограничить власть короны. Между нѣмцами и ихъ сообщниками, съ одной стороны, и русскими вельможами, которые окружали тронъ, съ другой стороны, существовала давнишняя вражда. Ненависть нѣмцевъ облегчила вступленіе на тронъ Елисаветѣ. Эта неспособная и жестокая женщина сдѣлалась популярной, льстя національной партіи.

Однако не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этихъ партій. Нѣмецкая партія не являлась представительницей цивилизаціи, а русская — невѣжества. Эта послѣдняя не помышляла серьезно о возвратѣ прежняго строя. Попытки князя Долгорукова временъ Петра II не привели ни къ чему. Нѣмцы съ своей стороны были далеки отъ того, чтобъ являться представителями прогресса. Не имѣя ничего общаго со страной, которую они едва знали и презирали, какъ варварскую, невыносимо надменные, они были наиболѣе послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императорской власти. Имѣя цѣлью только быть въ милости, они служили лично императору, но не націи. Между прочимъ они вносили въ русскія дѣла совершенно антипатичный русскимъ бюрократическій педантизмъ и дисциплину, совершенно противную нашимъ нравамъ.

Вражда между славянами и нѣмцами—печальный, но дѣйствительный фактъ. Каждый конфликтъ между ними показывалъ всю глубину ихъ ненависти. Нѣмецкое владычество много способствовало усиленію этой ненависти у западныхъ славянъ и поляковъ. Русскіе никогда не находились подъ ихъ властью. Если ихъ владѣнія на Балтійскомъ побережьѣ и были завоеваны рыцарями Тевтонскаго ордена, то тамъ жили не русскіе, а финны. Но хотя среди всѣхъ славянъ русскіе менѣе другихъ ненавидятъ нѣмцевъ, однако естественное чувство отвращенія, которое существуетъ между ними, не можетъ изгладиться. Это отвращеніе имѣетъ основаніе въ различіи характера, которое проявляется въ самомъ незначительномъ.

Предпочтеніе, которое правительство послѣ Петра Великаго оказывало нѣмцамъ, не было способно примирить ихъ съ русскими. Еще если бъ это были только Минихи и Остерманы, которые бы

являлись въ Россію: на берегахъ Невы пристроилась цѣлая туча выходцевъ тридцати шести, или ужъ я не знаю скольких, княжествъ, образующихъ *единую* и *недѣлимую* Германію.

До сихъ поръ русское правительство не имѣло болѣе преданныхъ слугъ, чѣмъ дворяне Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. «Мы не любимъ русскихъ въ Ригѣ,— говорила однажды знатная особа Прибалтійскаго края, — но изъ всей имперіи мы наиболѣе вѣрные подданные императорскаго дома». Правительство знаетъ объ этой преданности и загромождаетъ нѣмцами министерства и главныя управленія. Это — ни особое расположеніе, ни несправедливость. Въ офицерахъ и чиновникахъ изъ нѣмцевъ правительство находитъ то, что ему надо: регулярность и безстрастность машины, скромность глухонѣмыхъ, стоическое испытанное послушаніе и усидчивость къ труду, не знающую усталости. Прибавьте къ этому извѣстную честность (которая у русскихъ очень рѣдка) и какъ разъ столько образованія, сколько требуютъ ихъ занятія,—образованія, никогда не поднимающагося до той высоты, чтобы понять, что нѣтъ никакой заслуги быть честными неподкупными орудіями деспотизма. Прибавьте къ этому полнѣйшую безучастность къ судьбѣ подчиненныхъ, глубокое презрѣніе къ народу, совершенное незнаніе національнаго характера, и вы поймете, почему народъ ненавидитъ нѣмцевъ, а правительство такъ ихъ любитъ.

Если отъ министерствъ и канцелярій мы перейдемъ къ мастерскимъ, мы встрѣтимъ тотъ же антагонизмъ. Русскій рабочій русскаго хозяина

является почти членомъ его семьи; они имѣютъ одни и тѣ же нравственныя и религіозныя воззрѣнія; обыкновенно они ѣдятъ за однимъ столомъ и отлично столковываются; иногда хозяину случается ударить работника, который получаетъ удары съ слишкомъ христіанской покорностью, а иногда и отвѣчаетъ, но ни тотъ ни другой не идутъ жаловаться въ полицію. Воскресенье проходитъ одинаково у хозяина и рабочаго: оба они возвращаются пьяными. На другой день хозяинъ, понимая, что работникъ не можетъ быть внимательнымъ къ труду, позволяетъ ему потерять нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ знаетъ, что тотъ, въ случаѣ надобности, станетъ работать для него ночью. Очень часто хозяинъ даетъ работнику деньги впередъ, какъ и рабочій дожидается жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, когда видитъ, что его хозяинъ въ затрудненіи. Нѣмецкій хозяинъ не считаетъ себя равнымъ русскому рабочему, но скорѣе его начальникомъ. Методическій по характеру и сохраняющій обычаи своей страны нѣмецъ замѣняетъ эластичныя и неопредѣленныя отношенія русскаго рабочаго къ своему хозяину отношеніями юридическими, строго опредѣленными, отъ смысла которыхъ онъ не отступаетъ ни на одну букву. Вѣчная требовательность, муштровка и холодный деспотизмъ оскорбляютъ русскаго рабочаго тѣмъ болѣе, что его хозяинъ никогда до него не снисходитъ. Даже спокойныя привычки нѣмцевъ, предпочтеніе, которое онъ отдаетъ пиву передъ водкой, только прибавляетъ отвращеніе къ нему русскаго рабочаго. У этого послѣдняго гораздо больше ловкости, чѣмъ прилежанія, и

способности, чѣмъ знанія. Онъ можетъ сдѣлать много за разъ, но у него нѣтъ усидчивости къ труду, къ единообразной, методической дисциплинѣ нѣмцевъ. Хозяинъ-нѣмецъ не терпитъ, чтобъ его рабочій приходилъ часомъ позже или уходилъ часомъ раньше. Головная боль понедѣльниковъ и субботнія бани не оправданіе въ его глазахъ. Онъ помѣчаетъ каждое отсутствіе, чтобы сдѣлать вычетъ за него изъ жалованья, быть-можетъ, съ полной справедливостью, но русскій рабочій видитъ въ немъ чудовищнаго эксплоататора. Отсюда—безпрестанные раздоры и споры. Разсерженный хозяинъ прибѣгаетъ къ помощи полиціи или помѣщика, если рабочій крѣпостной, призывая на его голову всѣ несчастія. Русскій хозяинъ безъ исключительныхъ поводовъ не пойдетъ ни къ *квартальному* ни къ помѣщику: полиція и дворянство—общіе враги какъ бородатаго хозяина, такъ и небритаго рабочаго.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Императрица Елисавета вызвала изъ Голштиніи своего преемника и женила его на принцессѣ Ангальтъ-Цербской. Нашли, что добрый и простой Петръ III былъ слишкомъ нѣмцемъ. Его жена, еще менѣе русская, чѣмъ Петръ, свергла его съ трона, приказала заключить въ тюрьму и тамъ отравить. Графъ Орловъ, которому надоѣло ждать дѣйствіе яда, задушилъ его.

Долгое царствованіе Екатерины II придало петербургскому правительству значительную устойчивость. Это было продолженіе царствованія Петра I послѣ тридцатилѣтняго перерыва. Екатерина принесла вмѣстѣ съ собою въ царскій дворецъ элементъ граціи, вѣжливости и хорошаго вкуса, который не существовалъ до нея и который оказалъ спасительное вліяніе на образованную часть общества. Екатерина II, не знавшая народа, причинила ему только зло: ея народомъ было дворянство, и она прекрасно его понимала; она возвысила дворянство, ввѣря ему избраніе почти всѣхъ *судебныхъ* и *административныхъ* должностей въ провинціи, гдѣ она дала ему крѣпкую организацію и позволила собираться для обсужденія своихъ интересовъ и для контроля надъ средствами, предназначенными на мѣстныя нужды.

Городамъ и крестьянамъ она также даровала избирательныя права, которыя, однако, важны болѣе въ принципѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Всѣ эти уступки, однако, блѣднѣютъ передъ тѣмъ преступленіемъ, которое она совершила по отношенію къ крестьянамъ, съ безумной расточительностью распространяя рабство. Она отдавала огромныя заселенныя земли своимъ фаворитамъ и любовникамъ. Въ пользу ихъ она не только опустошила монастыри, но даже отдала имъ малорусскихъ крестьянъ, гдѣ ранѣе еще не знали рабства. Можно понять, какъ она, будучи философомъ, подобно Фридриху II или Іосифу II, могла принять участіе въ преступномъ дѣлежѣ Польши. Можно объяснить, если не оправдать, этотъ фактъ государственными соображеніями или желаніемъ расширить свои предѣлы, но безумно отчуждать у государства обитаемыя земли и дѣлать изъ свободныхъ земледѣльцевъ рабовъ, даже и не помышляя ставить новымъ владѣльцамъ какія-либо условія.

Можетъ-быть, императрица Екатерина ясно помнила, съ какимъ дикимъ воодушевленіемъ крестьяне четырехъ губерній пристали къ Пугачову, когда онъ вѣшалъ захваченныхъ имъ дворянъ. Возможно, что сцена, происшедшая въ ея царствованіе въ Москвѣ, когда народъ тащилъ въ полномъ парадномъ облаченіи по улицамъ трупъ одного убитаго передъ алтаремъ архіерея, слишкомъ была жива въ ея памяти. Съ другой стороны, она видѣла признательность и полную преданность дворянства и невольно дѣйствовала въ его интересахъ.

Странно, что ни одинъ изъ государей ничего не сдѣлалъ для народа. Народъ помнитъ о нихъ только по безконечному числу бѣдствій, по увеличенію бремени рабства, по солдатчинѣ, всевозможнымъ налогамъ, военнымъ колоніямъ да по кровавой безсмысленной войнѣ, вотъ уже двадцать пять лѣтъ тянущейся среди неприступныхъ горъ.

Образованіе быстро распространилось въ высшихъ слояхъ общества, не имѣвшаго почти ничего національнаго, за исключеніемъ извѣстной грубости, которая странно умѣщалась въ формахъ французской утонченности. При дворѣ говорили только по-французски и подражали Версалю. Сама императрица задавала тонъ, переписывалась съ Вольтеромъ, проводила вечера съ Дидро и комментировала Монтескьё. Идеи энциклопедистовъ стали проникать въ петербургское общество. Почти всѣ старцы изъ тѣхъ временъ, извѣстные намъ, были вольтеріанцами, если они не были франкмасонами. Эта философія прививалась тѣмъ легче,

что складъ русскаго ума былъ или реалистическимъ или ироническимъ. Поле, которое отвоевывала цивилизація, было потеряно для Церкви. Греческое православіе имѣетъ силу надъ славянской душой только до тѣхъ поръ, пока оно находитъ тамъ невѣжество. По мѣрѣ проникновенія свѣта вѣра блѣднѣетъ, и внѣшній фетишизмъ уступаетъ мѣсто полнѣйшему безразличію. Здравый смыслъ и практическій умъ русскаго отвергаетъ сосуществованіе свѣтлой мысли съ мистицизмомъ. Русскій можетъ долго оставаться набожнымъ до ханжества, но только при томъ условіи, если онъ никогда не будетъ думать о религіи. Освобожденіе отъ невѣжества совпадаетъ для него съ освобожденіемъ отъ религіи. Мистическое направленіе, которое мы встрѣтимъ у масоновъ, было только средствомъ парализовать прогрессъ быстро распространявшагося животнаго эпикуреизма. Что же касается мистицизма временъ императора Александра, то это былъ продуктъ масонства и нѣмецкаго вліянія безъ основанія въ дѣйствительности, мода у однихъ и экзальтація у другихъ. Объ этомъ не было больше вопросовъ послѣ 1825 г. Религіозность, пропагандируемая полиціей Николая I, не говоритъ въ пользу благочестія цивилизованнаго класса.

Вліяніе философіи XVIII столѣтія имѣло отчасти пагубное слѣдствіе для Петербурга. Во Франціи энциклопедисты освобождали народъ отъ старыхъ предразсудковъ, внушали ему болѣе высокія моральныя побужденія, дѣлали его революціонеромъ, у насъ же философія Вольтера, разрывая послѣднія путы, которыя сдерживали на-

половину дикую натуру, ничего не давала на мѣсто старыхъ вѣрованій и традиціонныхъ моральныхъ обязанностей; она снабжала Россію всѣми средствами діалектики и иронін, могущими оправдать русскаго въ собственныхъ глазахъ, оправдать его положеніе раба въ отношеніи къ повелителю и его положеніе повелителя по отношенію къ рабу. Юные сыны цивилизаціи съ жадностью накинулись на прелести сенсуализма. Они прекрасно поняли призывъ къ эпикуреизму, но звукъ торжественнаго набата, который призвалъ людей къ великому возстанію, не дошелъ до ихъ души.

Между аристократіей и народомъ стояла толпа возвысившихся чиновниковъ, классъ, въ высшей степени испорченный и лишенный всякаго человѣческаго достоинства... Воры, тираны, доносчики, пьяницы и игроки — они были и остались наиболѣе подлыми людьми въ государствѣ. Этотъ классъ былъ порожденіемъ крутой реформы и законодательства времени императора Петра I.

Словесный процессъ былъ уничтоженъ и замѣненъ процессомъ письменнымъ. Мелочныя формальности, введенныя по образцу нѣмецкихъ канцелярій, осложнили процедуру веденія дѣлъ и дали ужасное оружіе крючкотворству. Чиновники, совершенно свободные отъ *предразсудковъ*, искажали законы на свой ладъ съ безконечной ловкостью. Это — самые типичные «приказныя строки» въ свѣтѣ. Они имѣютъ въ виду только собственную отвѣтственность и, когда считаютъ ее въ безопасности, осмѣливаются на все. Крестьянинъ, какъ и чиновникъ, совершенно не вѣритъ въ законъ. Первый уважаетъ его изъ страха, второй —

какъ мать кормилицу. Святость закона, неотъемлемыя права, понятіе ненарушимой законности — слова, которыхъ не существуетъ на ихъ языкѣ. Всей царской силы недостаточно, чтобъ уничтожить послѣдствія вредной дѣятельности этихъ чернильныхъ гадовъ, этихъ тайныхъ враговъ, которые подстерегаютъ крестьянина, чтобы завлечь его въ разорительный процессъ.

Получивъ приблизительное представленіе о неоевропейскомъ обществѣ временъ Екатерины II, бросимъ взглядъ на литературу вновь основаннаго государства.

Византійская Церковь страшилась всякой свѣтской культуры. Она не знала никакой другой науки, кромѣ теологическихъ слово-преній, и изобрѣла условную живопись въ противовѣсъ плотской красотѣ античнаго міра (иконопись). Она приходила въ ужасъ предъ всякимъ независимымъ движеніемъ, желая только покорной вѣры. Въ Россіи не было проповѣдниковъ. Единственный епископъ, который былъ извѣстенъ своими рѣчами въ древнія времена, жестоко за нихъ поплатился. Чтобы представить, что̀ за воспитаніе давала восточная Церковь своей вѣрной паствѣ, достаточно познакомиться съ христіанскимъ населеніемъ Малой Азіи. Это — та самая Церковь, которая была, начиная съ X столѣтія, носительницей цивилизаціи въ Россіи. Постоянныя войны удѣльныхъ князей и монгольское иго оказали ей величайшую заслугу.

Греко-русская Церковь удержала особый языкъ, образованный изъ различныхъ нарѣчій южныхъ славянъ; народный языкъ тогда не былъ еще вы-

работанъ. Хроники, дипломатическіе и гражданскіе акты составлялись на языкѣ, представлявшемъ нѣчто среднее между языкомъ Церкви и языкомъ народа. Онъ приближался то къ одному, то къ другому, смотря по общественному положенію автора. Въ литературѣ не было никакого движенія до XVIII столѣтія. Нѣсколько хроникъ, одна поэма въ XII вѣкѣ («Слово о полку Игоревѣ»), довольно большое число сказокъ и народныхъ пѣсенъ, которыя въ большинствѣ случаевъ передавались устно, — вотъ все, что дали X столѣтій въ области литературы.

Оставляя въ сторонѣ эту нищету, важно замѣтить, что языкъ Библіи, лѣтописи Нестора и вышеупомянутой поэмы не только замѣчательно красивъ, но также носитъ на себѣ слѣды долгаго употребленія и внутренняго развитія въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Переводчики Библіи Кириллъ и Меѳодій дали твердыя основы языку, составили алфавитъ и грамматическія формы согласно греческимъ правиламъ, но они, вѣроятно, нашли богатый и выработанный языкъ у славянъ, жившихъ въ Македоніи и Ѳессаліи. Надо принять во вниманіе тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ англичане при переводѣ Евангелія на языкъ дикарей напримѣръ, кафровъ. Имъ недостаетъ словъ, образовъ понятій, выраженій; все должно быть передано приблизительнымъ пересказомъ. Между тѣмъ славянскій переводъ по сжатости, зрѣлой красотѣ и правильности равенъ переводу Лютера.

Всѣ поэтическіе элементы, которые бродили въ душѣ русскаго народа, выливались въ удивительно

мелодичныхъ пѣсняхъ. Славянскіе народы — по преимуществу народы-пѣвцы. Лѣтописцы восточной Римской имперіи повѣствуютъ, что во время одного изъ славянскихъ нашествій греки захватили ихъ благодаря тому, что славянская стража, которая постоянно пѣла, заснула подъ собственное пѣніе. Русскій крестьянинъ всегда находилъ въ пѣсняхъ единственную возможность излить свои страданія, онъ постоянно поетъ, работаетъ ли, правитъ ли лошадьми, или отдыхаетъ у порога своей двери. То, что отличаетъ его пѣсни отъ пѣсенъ другихъ славянъ и даже пѣсенъ малороссовъ, это—глубокая грусть. Слова этихъ пѣсенъ — постоянная жалоба, которая теряется въ равнинахъ, такихъ же безграничныхъ, какъ его несчастія, въ мрачныхъ сосновыхъ лѣсахъ, въ безконечныхъ степяхъ, не встрѣчая даже дружескаго эхо. Эта грусть — не страстный порывъ къ чему-либо идеальному; въ ней нѣтъ ничего романтическаго, никакихъ нездоровыхъ аскетическихъ стремленій, какъ это мы находимъ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ; это—личная скорбь человѣка, раздавленнаго судьбой, это—упрекъ судьбѣ, «горькой судьбѣ, судьбѣ-мачехѣ»; это — подавленное желаніе, которое не осмѣливается обнаружиться иначе; это — пѣсня женщины, притѣсняемой своимъ мужемъ; мужа, притѣсняемаго его отцомъ, сельскимъ старостой; наконецъ это — пѣсня всѣхъ притѣсняемыхъ помѣщикомъ или царемъ. Это — любовь страстная, глубокая, несчастная, но земная и реальная. Въ этихъ меланхоличныхъ пѣсняхъ вы вдругъ услышите звуки оргій, безумнаго веселья, страстные крики, слова, лишенныя

смысла, но опьяняющія и увлекающія въ бѣшеный танецъ, который совершенно не похожъ на *драматическій* и граціозный танецъ въ хорахъ.

Грусть или оргія, рабство или анархія, — вотъ жизнь русскаго. Онъ проводилъ ее въ странствованіи, не имѣя ни очага ни жилища, или поглощенный общиной, затерянный въ семьѣ, или свободный среди лѣсовъ съ ножомъ за поясомъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ пѣніе выражало одну и ту же жалобу, одни и тѣ же разочарованія. Это былъ глухой голосъ, который говорилъ, что врожденныя силы народа не находили достаточно выхода, что онѣ были совершенно не у мѣста въ жизни, скованной общественнымъ строемъ.

У русскихъ существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ разбойничьихъ. Въ нихъ не слышится уже тона жалобной элегіи, это — крикъ безумія, гнѣва и вызова, разгульный крикъ безумный радости человѣка, наконецъ почувствовавшаго себя на свободѣ. «Дайте время, мы придемъ пировать у васъ, будемъ цѣловать вашихъ женъ и отберемъ ваши сокровища». «Не хочу я больше работать въ полѣ; что заработалъ я на землѣ? Бѣденъ я, и всѣ меня презираютъ. Такъ нѣтъ! Возьму я въ сотоварищи ночку темную, ножъ булатный да найду друзей во темныхъ лѣсахъ. Я убью боярина, на большой дорогѣ ограблю купца богатаго. Буду я тогда у всѣхъ въ почетѣ. И молодой путникъ, проходя мимо меня по дорогѣ, и старецъ, сидя на порогѣ своего дома, — всѣ снимутъ передо мной шапку».

Единственнымъ прибѣжищемъ свободы на Руси были монастыри, казачество и шайки разбойниковъ. Разбойниковъ народъ снисходительно называлъ «шалунами» и «вольницей». «Ранѣе одинъ только Новгородъ поставлялъ большія шайки, спускавшіяся по Волгѣ и Окѣ до береговъ Камы, отправляясь искать счастья въ приключеніяхъ». Подъ преслѣдованіемъ Ивана IV, казаки-разбойники, чтобы заслужить прощеніе, во главѣ съ Ермакомъ завоевали Сибирь. Особенно усилились разбои и бродяжество въ началѣ XVII вѣка, въ періодъ междуцарствія. Во многихъ народныхъ пѣсняхъ сохранилась память о Стенькѣ Разинѣ, въ честь котораго онѣ слагались. Этотъ разбой не прекращался вплоть до Пугачова, и весьма вѣроятно, что онъ принялъ такіе огромные размѣры только благодаря глухой борьбѣ крестьянъ, которая шла среди нихъ въ ихъ протестѣ противъ своего рабства. Надо, кромѣ того, замѣтить, что разбойнику отводится въ пѣсняхъ очень почетное мѣсто. Всѣ симпатіи на его сторонѣ, а не на сторонѣ жертвъ. Его удаль и отвага воспѣваются съ затаенной радостью. Казалось, творцы этихъ пѣсенъ понимали, что не разбойникъ былъ главнымъ врагомъ народа.

Не менѣе важнымъ было распространеніе раскольничества, движеніе иного рода, чисто умственнаго характера. Раскольники выполнили то, чего никогда не было въ состояніи сдѣлать греческое православіе — заинтересовать простолюдина и развить въ немъ дѣятельную вѣру и настоящій интересъ къ ней. Совершенное отсутствіе индиферентизма, большее развитіе общиннаго на-

чала, сравнительно съ православными крестьянами, и удивительно бодрый духъ отличаютъ раскольниковъ. Существуютъ секты съ безсмысленной догматикой, но ихъ дѣятельность всегда полна энергіи и честности. Очень распространены нѣсколько сектъ, проповѣдующихъ самыя крайнія коммунистическія идеи, смѣшанныя съ мистическимъ христіанствомъ; онѣ напоминаютъ герренгутовъ или даже анабаптистовъ. Подъ вліяніемъ преслѣдованій правительства тысячи раскольниковъ выселились въ Лифляндію и Турцію, гдѣ образовались цѣлые города изъ ихъ потомковъ. Раскольники—наиболѣе заклятые враги реформъ Петра I. По ихъ понятію, Петръ и его преемники—антихристы. Правительство, напротивъ, смотритъ на нихъ, какъ на крамольниковъ, и въ силу этого преслѣдуетъ. Раскольники твердо сопротивляются, ихъ пропаганда растетъ, они имѣютъ приверженцевъ и тайныя типографіи во всѣхъ концахъ имперіи. Было бы возможнымъ возникновеніе въ одномъ изъ *скитовъ* (раскольничья община) такого народнаго движенія, которое разнесло бы цѣлыя губерніи. Его характеръ былъ бы навѣрное національнымъ и коммунистическимъ. Оно пошло бы навстрѣчу другому движенію, имѣющему источникъ въ революціонныхъ идеяхъ Европы. Быть-можетъ, два эти движенія встрѣтятся, къ великому удовольствію царей и его друзей, даже и не помышляя о томъ родствѣ, которое они имѣютъ между собой.

Русская литература начинаетъ пріобрѣтать извѣстное значеніе лишь со временъ Екатерины II. До ея царствованія идетъ лишь подготовительная

работа; языкъ формируется при новыхъ условіяхъ существованія, онъ полонъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Духъ подражанія завладѣваетъ всѣми и даже до того, что пытаются въ нашъ звучный метрическій языкъ ввести силлабическое стихосложеніе. Оправившись отъ этихъ преувеличеній, русскій языкъ сталъ освобождаться отъ потока иностранныхъ словъ, дѣлаться болѣе естественнымъ, болѣе соотвѣтственнымъ русскому чтенію. Первымъ изъ русскихъ, который принялся за талантливую обработку языка, былъ Ломоносовъ. Этотъ извѣстный ученый представлялъ изъ себя типъ русскаго энциклопедиста и выдавался своими способностями. Онъ писалъ по-русски, по-нѣмецки и по-латыни. Онъ былъ металлургомъ, химикомъ, поэтомъ, филологомъ, физикомъ, астрономомъ и историкомъ. Онъ составлялъ въ одно и то же время одну диссертацію въ области метеорологіи и электричества, другую въ отвѣтъ исторіографу Мюллеру по вопросу призванія варяговъ въ Россію, и все это не мѣшало ему кончать его тріумфальныя оды и дидактическія поэмы. Всегда ясный, полный безпокойнаго желанія понять все, онъ бросалъ одно, чтобы заняться другимъ, удивительно легко воспринимая самыя разнообразныя науки.

Цивилизація, которая начинала распространяться подъ эгидой правительства, еще оставалась на ступеняхъ трона съ ея удивленіемъ къ Петру Великому и съ ея лестью передъ великимъ государемъ. Правительство продолжало итти во главѣ просвѣщенія. Это родство литературы съ правительствомъ становится болѣе ощутительнымъ со

временъ Екатерины II. Она имѣетъ своего поэта, поэта въ высшей степени талантливаго, который въ увлеченіи и любви обращаетъ къ ней свои посвященія, оды, гимны и сатиры. Онъ на колѣняхъ у ея ногъ, но онъ не рабъ и не продаженъ. Державинъ не чувствуетъ страха предъ императрицей, онъ съ ней шутитъ, называетъ ее «Фелицей», «царицей Киргизъ-Кайсакскія орды». Его муза поетъ не такъ, какъ пѣла бы муза раба въ хвалебныхъ гимнахъ своему господину.

Тѣмъ не менѣе, эта искренняя и пластически красивая поэзія оправданія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ и духовныхъ лицъ, ни у кого не вызвала ни удивленія ни восхищенія. Высшее общество не читало на русскомъ языкѣ ничего, а низшее и совсѣмъ не умѣло читать. Первымъ популярнымъ русскимъ произведеніемъ была комедія, ѣдкая сатира на провинціальное дворянство, а не обращенія къ императрицѣ и не оды, вдохновленныя безчеловѣчной рѣзней Суворова. За блескомъ, окружавшимъ тронъ императрицы, Державинъ не видѣлъ ничего. Напротивъ, Фонвизинъ, язвительный умъ котораго былъ направленъ въ иную сторону, горько смѣялся надъ этимъ полуварварскимъ обществомъ и его показной цивилизаціей. Онъ первый изъ писателей обнаружилъ въ своихъ произведеніяхъ тотъ негодующій сарказмъ, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ положить свою печать на всю русскую литературу и стать ея господствующимъ направленіемъ. Въ этомъ бичеваніи и ироніи никому нѣтъ пощады, даже самому автору. Какая-то

радость мщенія и злобное утѣшеніе слышатся въ нихъ. Этимъ смѣхомъ мы нарушаемъ согласіе, установившееся между нами и тѣми амфибіями, которыя однѣ только плаваютъ на офиціальной поверхности русскаго общества, въ то же время не будучи въ состояніи ни охранить варварства ни пріобрѣсти просвѣщенія. Вслѣдъ за этой ненормальностью идетъ неутомимый, дѣятельный и безпрестанный протестъ.

Патологическій самоанализъ — основная черта новѣйшей литературы. Онъ сталъ новымъ способомъ отрицанія существующаго порядка вещей. Вопреки императорской волѣ этотъ анализъ, поднимаясь изъ глубины пробуждающагося сознанія, становится крикомъ ужаса у каждаго поколѣнія, которое только начинало бояться своего сліянія съ разлагающимися формами.

Въ XVIII вѣкѣ русская литература, не имѣя никакого вліянія на общество, составляла только благородное занятіе нѣсколькихъ умовъ. Первымъ важнымъ вліяніемъ было франкмасонство, которое придало дилетантизму въ русской литературѣ иной характеръ. Оно очень сильно было распространено въ концѣ царствованія Екатерины II. Его представителемъ былъ Новиковъ. Это была одна изъ тѣхъ великихъ личностей въ исторіи, которыя, оставаясь въ силу необходимости незамѣтными, творятъ чудеса и становятся вожаками подпольныхъ идей. Ихъ дѣла познаются лишь во время развязки. Новиковъ издалъ первый русскій журналъ и основалъ во многихъ городахъ школы и библіотеки. Заставляя дѣлать переводы, онъ издавалъ ихъ на свои средства. Такимъ образомъ

вышелъ переводъ «Духа Законовъ», «Эмиля» и разныхъ статей энциклопедистовъ, напечатать которыя, вѣроятно, не позволила бы цензура нашего времени. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ Новиковъ пользовался помощью франкмасоновъ, въ обществѣ которыхъ онъ былъ гроссмейстеромъ.

Какое великое дѣло, смѣлая мысль собрать съ моральными цѣлями въ братскую семью все, что было умственно зрѣлаго, начиная съ самаго знатнаго вельможи въ государствѣ, какимъ былъ князь Лопухинъ, и кончая бѣднымъ школьнымъ учителемъ и уѣзднымъ хирургомъ!

Императрица Екатерина приказала заключить Новикова въ петербургскую крѣпость, а затѣмъ и сослала его. Въ послѣдніе годы царствованія ея характеръ началъ измѣняться. Съ Потемкинымъ исчезаетъ поэзія любимцевъ, грубый дебошъ смѣняетъ роскошную и блестящую похоть. Остроумныя вечеринки въ Эрмитажѣ уступаютъ мѣсто дикимъ оргіямъ Зоричей. Въ это время французская революція достигла своего апогея. Громъ революціи смущалъ сонъ монарховъ какъ на Дунаѣ, такъ и на Невѣ. Екатерина становилась безпокойной и подозрительной даже по отношенію къ своему сыну. Она видѣла, что франкмасонство пріобрѣтаетъ новую силу независимо отъ ея воли. Ходили слухи, что мартинисты и иллюминаты приняли участіе въ революціи. Въ довершеніе всего она узнала, что великій князь Павелъ былъ принятъ Новиковымъ въ масонскую ложу. Если бы это случилось десятью годами раньше, то Екатерина призвала бы Новикова и убѣдилась бы, что онъ совершенно не былъ тайнымъ заговорщикомъ противъ династіи, но теперь она предпочла предать его пыткамъ, чѣмъ вести съ нимъ бесѣду.

Этотъ неутомимый человѣкъ создалъ до своего паденія послѣдняго великаго писателя той эпохи— Карамзина. Вліяніе послѣдняго на русскую литературу можетъ быть сравниваемо съ вліяніемъ Екатерины на русское общество — онъ вложилъ въ нее душу. Въ немъ было что-то присущее S-t Real'ю, Florian'у и Ancillon'у, точка зрѣнія философа и моралиста, филантропическія фразы, слезы, всегда вызванныя несчастіемъ, большая любовь къ цивилизаціи, отвращеніе къ злоупотребленію силой, нѣсколько риторическій патріотизмъ, — и все это безъ единства, безъ направляющей идеи, безъ единаго и глубокаго убѣжденія. Было что-то независимое и чистое въ молодомъ литераторѣ посреди окружавшаго его завистливаго и посредственнаго общества, среди грязнаго матеріализма. Карамзинъ былъ первымъ русскимъ писателемъ, котораго стали читать дамы.

Для нашей литературы служитъ большимъ преимуществомъ то обстоятельство, что первыми писателями были свѣтскіе люди. Они внесли въ литературу извѣстную элегантность хорошаго общества, изысканность выраженій и благородство образовъ, которые отличаютъ разговоръ хорошо воспитанныхъ людей. Грубый и вульгарный элементъ, мѣстами встрѣчающійся въ нѣмецкой литературѣ, никогда не проникалъ въ русскія книги.

Главнымъ произведеніемъ Карамзина — памятникъ, который онъ воздвигъ для потомства, — служатъ двѣнадцать томовъ его русской исторіи. Добросовѣстный трудъ половины его жизни, ана-

лизъ котораго не входитъ въ нашу задачу, его исторія много способствовали изученію русскими своей исторіи. Если подумать о томъ хаосѣ, который царилъ въ русской исторіи до Карамзина, и о той работѣ, которую онъ долженъ былъ совершить, чтобы разсѣять этотъ хаосъ и дать ясное и правдивое изложеніе предмета, то можно понять, послѣ всего этого, какою бы несправедливостью было непризнаніе его заслугъ.

Если чего и нехватало Карамзину, такъ это того сатирическаго элемента, который отъ Фонвизина переходитъ къ Крылову и даже къ Дмитріеву, близкому другу Карамзина. Въ нѣжномъ и снисходительномъ Карамзинѣ было что-то нѣмецкое. Можно предсказать, что Карамзинъ попался бы со своимъ сентиментализмомъ въ императорскія сѣти, какъ это было позднѣе съ Жуковскимъ.

Русская исторія поставила Карамзину въ упрекъ императора Александра, которому онъ читалъ *смѣлыя страницы*, гдѣ онъ клеймилъ тиранію Ивана Грознаго и бросалъ иммортели на гробницу республики Новгорода. Александръ со вниманіемъ и волненіемъ слушалъ и тихо сжималъ руку исторіографа. Александръ слишкомъ хорошо былъ воспитанъ для того, чтобы находить хорошими поступки Ивана, приказывавшаго иногда распиливать надвое своихъ враговъ, и не вздыхать надъ участью Новгорода, зная, что графъ Аракчеевъ вводитъ тамъ военныя поселенія. Карамзинъ, растроганный больше Александра, оставался подъ вліяніемъ чаръ императорской доброты. Но куда привели его смѣлыя страницы, его негодованіе, его сожалѣнія? Чему онъ научился въ русской

исторіи, какой результатъ вынесъ онъ изъ своихъ поисковъ, — онъ, который въ предисловіи къ своей Исторіи говоритъ, что «исторія прошедшаго есть наставленіе для будущаго?» Онъ заимствовалъ тамъ только одну идею: «народы дикіе любятъ свободу и независимость, народы цивилизованные—порядокъ и спокойствіе». Единственный результатъ — «реализація идеи абсолютизма», предъ развитіемъ котораго онъ приходитъ въ экстазъ и который онъ проводитъ отъ Мономаха до Романовыхъ.

Идея абсолютнаго самодержавія есть идея абсолютнаго рабства. Возможно ли думать, что существованіе шестидесятимилліоннаго народа нужно для осуществленія... абсолютнаго рабства?

Карамзинъ умеръ въ почетѣ при императорѣ Николаѣ.

Какъ мы показали, періодъ, пройденный нами, былъ лишь юностью русской цивилизаціи и литературы. Наука цвѣла еще подъ сѣнью престоловъ, а поэты воспѣвали своихъ государей, не будучи рабами. Въ этомъ періодѣ почти не существуетъ революціонныхъ идей. Реформа Петра I все еще остается великой революціонной идеей. Однако власть и мысль, указы императоровъ и живое слово, самодержавіе и цивилизація не могли далѣе итти вмѣстѣ. Даже въ XVIII вѣкѣ мы удивляемся ихъ союзу. Но какъ могло быть иначе, разъ Петръ I, этотъ потомокъ царей, затѣмъ преемникъ Алексѣя, и наконецъ всероссійскій самодержецъ, самодержецъ всея Бѣлыя, Червонныя, Великія и Малыя Россіи, въ то же время былъ предшественникомъ якобинцевъ и революціонеромъ-террористомъ?

IV.

Отъ 1812 до 1825 года.

Первая часть петербургскаго періода оканчивается 1812 годомъ. До этого года во главѣ движенія стояло правительство, но теперь къ нему присоединяется дворянство. До 1812 года, сомнѣваясь въ народныхъ силахъ, непоколебимо вѣрили всемогуществу правительства: Аустерлицъ былъ далеко, Эйлау считали побѣдой, Тильзитъ казался славнымъ событіемъ. Въ 1812 году врагъ перешелъ Мемель, пересѣкъ Лифляндію и появился передъ «ключомъ» Россіи — Смоленскомъ. Въ испугѣ Александръ поспѣшилъ въ Москву, чтобъ умолять народъ о помощи. Чтобъ обсудить мѣры спасенія отечества, онъ призвалъ дворянство и купечество въ Кремль. Со временъ Петра I цари еще не обращались къ народу. Надо было предполагать большую опасность, разъ ужъ во дворцѣ императоръ, а въ соборѣ — митрополитъ Платонъ говорили о ней народу.

Дворянство и купечество протянули руку правительству и вывели его изъ затрудненія. Народъ, который забыли въ это время общаго несчастія или слишкомъ презирали, чтобы просить его крови, считая своимъ правомъ проливать ее безъ его согласія, самъ, безъ зова, по собственному почину сталъ уже подниматься.

Такое молчаливое согласіе всѣхъ классовъ общества въ первый разъ обнаружилось со временъ

Петра I. Крестьяне безъ ропота становились въ ряды ополченія. Дворяне давали каждаго десятаго крѣпостного и сами брали оружіе въ руки. Купцы жертвовали десятую часть доходовъ. Все государство было охвачено волненіемъ. Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ сдачи Москвы, чрезъ границу Сибири изъ самыхъ нѣдръ ея на защиту столицы спѣшили многочисленныя шайки.

Извѣстія объ ея занятіи непріятелемъ и пожарѣ заставили содрогнуться всю Россію, такъ какъ Москва была для народа истинной столицей. Своей жертвой она искупала безпечность царей, она вставала въ ореолѣ славы, сила враговъ была сломана въ ея стѣнахъ; отъ Кремля побѣдитель началъ свое отступленіе и отступалъ до святой Елены. Петербургъ померкъ передъ Москвой—столицей безъ императора, и она, жертва всего отечества, пріобрѣла новое значеніе.

Вслѣдъ за этимъ кровавымъ крещеніемъ вся Россія вступила въ новую фазу.

Перейти немедленно отъ всеобщаго возбужденія, вызваннаго національной войной, отъ славнаго шествія чрезъ всю Европу, отъ взятія Парижа къ полному спокойствію, петербургскому деспотизму было невозможно. Само правительство не могло тотчасъ же вернуться на свой прежній путь. Александръ сдѣлался либераломъ, тайкомъ отъ Меттерниха онъ освисталъ ультра-монархическіе проекты Бурбоновъ и сыгралъ роль конституціоннаго императора для Польши.

Что же касается до бѣднаго крестьянина, то онъ вернулся къ своей общинѣ, своей сохѣ и сво-

ему рабству. Для него ничего не измѣнилось; въ награду за побѣду, купленную его же кровью, ему не уступили никакихъ правъ. Для его вознагражденія Александръ приготовлялъ чудовищный планъ военныхъ поселеній.

Вскорѣ послѣ войны настроеніе общества измѣнилось. Гвардейскіе и пѣхотные офицеры, храбро подставлявшіе свою грудь подъ пули, сдѣлались менѣе покорными и сговорчивыми. Чувства рыцарской чести и собственнаго достоинства, неизвѣстныя доселѣ русской аристократіи, вышедшей изъ плебеевъ милостью царей, распространились въ русскомъ обществѣ. Плохое управленіе, подкупность чиновниковъ и полицейскія стѣсненія возбуждали въ то же время къ единодушному ропоту. Большинство прекрасно сознавало, что правительство при существующей организаціи неспособно противостоять этимъ злоупотребленіямъ, нечего было ожидать справедливости отъ дряхлыхъ старцевъ, которыхъ величали громкимъ именемъ правительственнаго сената, этого рабски послушнаго, невѣжественнаго учрежденія, служившаго правительству складомъ для негодныхъ чиновниковъ, которыхъ нельзя было ни оставить на службѣ ни прогнать. Государственные люди съ громаднымъ вѣсомъ, какъ, напримѣръ, старый адмиралъ Мордвиновъ, громко заявляли о необходимости многочисленныхъ реформъ. Самъ Александръ желалъ улучшеній, но только не зналъ, какъ за нихъ взяться. Карамзинъ, историкъ абсолютизма, и Сперанскій, составитель Свода Законовъ при Николаѣ, работали надъ проектомъ конституціи по начертаніямъ императора.

Люди энергичные и серьезные не стали дожидаться конца этихъ воображаемыхъ проектовъ, не ограничились неопредѣленнымъ недовольствомъ и попытались выразить его совершенно иначе. Они задумали учредить большое тайное общество. Задачей его было дать политическое воспитаніе молодому поколѣнію, распространять идеи свободы и изслѣдовать сложный вопросъ — радикальной и полной реформы русскаго правительства. Далекіе отъ всякой теоріи, они въ то же время устраивались такъ, что при первомъ счастливомъ обстоятельствѣ были готовы потрясти власть императора. Все, что было лучшаго среди русской молодежи и молодыхъ офицеровъ, каковы, напримѣръ, Пестель, Нарышкинъ, Фонвизинъ, Юшневскій, Муравьевъ, Орловъ, среди наиболѣе любимыхъ писателей, какъ Рылѣевъ и Бестужевъ, среди потомковъ славныхъ фамилій, какъ князья Оболенскій и Трубецкой, Одоевскій, Волконскій, графъ Чернышевъ,—все безъ колебанія примкнуло къ первымъ рядамъ дѣятелей освобожденія. Сначала это общество называлось *Союзомъ Благоденствія*.

И—странное дѣло!—въ то время, какъ эта пылкая, полная вѣры и силы молодежь клялась ниспровергнуть монархизмъ, императоръ Александръ клялся заключить Россію въ оковы абсолютизма европейскихъ державъ. Только что былъ основанъ *священный союзъ*, мистическій, безполезный и безсмысленный союзъ, нѣчто въ родѣ державнаго Грюттли или Тугендбунда, образованнаго тремя коронованными студентами, среди которыхъ Александръ игралъ роль наиболѣе пылкой головы.

И тѣ и другіе сдержали свою клятву: они — идя на эшафотъ и въ Сибирь за свои идеи, Александръ — оставляя престолъ своему брату Николаю.

Десять лѣтъ, которыя истекли со дня возвращенія войскъ до 1825 г., составляютъ апогей эпохи Петербурга. Россія съ Петра I чувствовала себя сильной, молодой, полной надеждъ. Она думала, что свобода могла къ ней привиться съ тою же легкостью, какъ и цивилизація, но забывала, что эта послѣдняя была лишь поверхностной и едва проникла въ меньшинство. Это меньшинство, правда, было настолько развито, что уже не могло оставаться при *временныхъ* условіяхъ монархическаго режима.

Это было первой истинно революціонной оппозиціей, образовывавшейся въ Россіи. Оппозиція, которую въ началѣ XVIII столѣтія встрѣтила цивилизація, была чисто реакціонной. Даже та, которую оказывали нѣкоторые знатные вельможи, какъ, напримѣръ, графъ Панинъ при Екатеринѣ II, не выходила изъ круга строго монархическихъ идей; иногда она бывала энергичной, но всегда почтительной и покорной. Настроеніе, которое овладѣло умами послѣ 1812 г., было совершенно другимъ. Надвигалось столкновеніе между деспотизмомъ и цивилизаціей. Первое сраженіе между ними произошло 14 (26) декабря. Абсолютизмъ вышелъ побѣдителемъ, показавъ, какими силами обладалъ онъ для совершенія зла.

Слово *временный*, которое мы употребили для опредѣленія условій монархическаго режима, могло показаться страннымъ; однако оно поразительно вѣрно выражаетъ тотъ характеръ, который болѣе всего бьетъ въ глаза при внимательномъ разсмотрѣніи дѣйствій русскаго правительства. Это не консервативное правительство въ родѣ австрійскаго, такъ какъ ему негдѣ проявлять свою консервативность, за исключеніемъ вопросовъ матеріальной силы и недѣлимости территоріи. Оно достаточно показало себя въ тираническомъ разрушеніи учрежденій, традицій, обычаевъ, законовъ и нравовъ страны, оно продолжаетъ рядъ переворотовъ, не пріобрѣтя еще ни стойкости ни точнаго исполненія законовъ. Каждое царствованіе обращаетъ въ вопросъ бо́льшую часть правъ и учрежденій: сегодня отмѣняютъ то, что приказывали вчера, законы измѣняются, сокращаются и уничтожаются. Сводъ Законовъ Николая I есть лучшее доказательство недостатка принциповъ и единства въ императорскомъ законодательствѣ. Этотъ сводъ представляетъ собраніе всѣхъ существовавшихъ законовъ, нагроможденіе приказовъ и болѣе или менѣе противорѣчивыхъ указовъ, которые скорѣе выражаютъ характеръ князя или временный интересъ, чѣмъ духъ стройнаго законодательства. Базою къ нему служитъ уложеніе царя Алексѣя, а продолженіемъ—приказы Петра I, изъясненные совершенно въ другомъ смыслѣ. На ряду съ закономъ Екатерины въ духѣ Беккаріо и Монтескьё тамъ находятся приказы Павла I, которые превосходятъ все, что можно вообразить наиболѣе безсмысленнаго и произвольнаго въ эдиктахъ римскихъ императоровъ. Русское правительство, не имѣя за собой историческаго прошлаго, не только не консервативно, но, наоборотъ, любитъ

нововведенія до безумія. Оно ничего не оставляетъ въ покоѣ, и если рѣдко вводитъ улучшенія, зато постоянно все измѣняетъ. Напримѣръ, эта вѣчная исторія съ военной и гражданской формой, которую безпрестанно и безъ всякой причины мѣняютъ,—препровожденіе времени, стоящее громадныхъ денегъ. А эта исторія съ перекраской старыхъ зданій — доказательство порядочнаго вкуса и извѣстной степени цивилизаціи русскаго правительства. Иногда во всей Россіи происходятъ перевороты, и между тѣмъ о нихъ ничего не знаютъ за границей вслѣдствіе недостатка печати и всеобщаго молчанія. Такъ, въ 1838 совершенно была измѣнена администрація деревенскихъ общинъ. Правительство вмѣшалось въ дѣла общины, приставило къ каждой деревнѣ двойную полицейскую охрану, начало организацію принудительныхъ земледѣльческихъ работъ, разгромило общины и, наконецъ, ввело новое управленіе надъ 17. 000,000 крестьянъ, и между тѣмъ это событіе, имѣющее почти размѣры революціи, едва всплыло въ Западной Европѣ.

Крестьяне, боявшіеся земельной росписи и вмѣшательствъ чиновниковъ, которыхъ они считали за одѣтыхъ въ мундиры грабителей, подняли во многихъ мѣстахъ возстанія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Казанской, Вятской и Тамбовской губерній дѣло дошло до разстрѣловъ, и *новый порядокъ былъ поддержанъ*.

Подобное положеніе долго продолжаться не могло, и въ первый разъ послѣ 1812 года это начали ясно сознавать.

Время для политическихъ тайныхъ обществъ было выбрано какъ нельзя кстати во всѣхъ отношеніяхъ. Пропаганда въ литературѣ стала чрезвычайно дѣятельной. Душой ея былъ знаменитый Рылѣевъ. Онъ и его друзья сообщили литературѣ тотъ энергичный характеръ, котораго она не имѣла ни до, ни послѣ. Это были не только слова, но и дѣла. Было видно твердое рѣшеніе, извѣстная цѣль. Уже не обманывали себя относительно опасности, но шли твердымъ шагомъ съ гордо поднятой головой къ неотвратимому исходу.

Литература у народа, не имѣющаго свободы, является единственной трибуной, съ высоты которой онъ могъ бы слышать крикъ своего негодованія и собственнаго сознанія.

Ея вліяніе на устроенное такимъ образомъ общество пріобрѣтаетъ размѣры, какихъ въ Западной Европѣ давно уже не существуетъ. Революціонныя произведенія Рылѣева и Пушкина расходятся по рукамъ молодежи далеко за предѣлами столицы. Нѣтъ ни одной хорошо воспитанной барышни, которая не знала бы ихъ наизусть, нѣтъ ни одного офицера, который бы не имѣлъ ихъ у себя въ походномъ ранцѣ, или сына священника, который не переписалъ бы ихъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцати экземплярахъ. Въ послѣднее время этотъ пылъ поостылъ, такъ какъ они уже отжили свое, зато все это поколѣніе испытало на себѣ живое и молодящее вліяніе вышеупомянутой поэзіи.

Заговоръ съ быстротою распространился въ Петербургѣ, Москвѣ, Малороссіи, среди гвардейскихъ офицеровъ и II арміи. Русскіе, вообще

безстрастные, очень легко поддаются посторонему вліянію, когда имъ сообщатъ толчокъ. И разъ увлеченные, они доходятъ до крайнихъ послѣдствій, не ища никакихъ сдѣлокъ.

Начиная съ Петра I, много говорятъ о способности русскихъ къ подражанію, доходящему до смѣшного. Нѣсколько германскихъ ученыхъ заявляли, что славяне совершенно лишены своего особеннаго характера, и что ихъ собственное свойство ограничилось крайней воспріимчивостью. Дѣйствительно, русская поэзія обладаетъ крайней эластичностью; разъ выйдя изъ исключительнаго патріотизма, для нея уже нѣтъ болѣе недоступныхъ границъ, чтобы понять другія націи. Нѣмецкая наука, которая не переходитъ Рейна, и англійская поэзія, искажаемая, лишь только она оставляетъ Па-де-Кале, пріобрѣли у славянъ уже права гражданства. И слѣдуетъ добавить, что въ глубинѣ этой славянской воспріимчивости есть нѣчто оригинальное, что, подчиняясь внѣшнимъ вліяніямъ, сохраняетъ всегда свой собственный характеръ.

Мы находимъ эту же черту русскаго духа и въ ходѣ заговора, который насъ занимаетъ. Въ началѣ онъ имѣлъ конституціонное и либеральное въ англійскомъ духѣ направленіе. Но лишь было принято это мнѣніе, какъ общество преобразовалось, стало гораздо радикальнѣе, вслѣдствіе чего много членовъ вышло изъ его состава. Ядро заговорщиковъ стало республиканскимъ и не захотѣло больше довольствоваться представительной монархіей; они думали, и не безъ основанія, что, если у нихъ достаточно силы ограничить

абсолютизмъ, то у нихъ хватитъ ея и разрушить этотъ абсолютизмъ. Главари Южнаго общества имѣли въ виду славянскую республиканскую федерализацію, они работали надъ революціонной диктатурой, которая должна была дать организацію республиканскимъ формамъ.

Даже болѣе, когда полковникъ Пестель посѣтилъ Южное общество, онъ перемѣстилъ вопросъ на другую почву. Согласно его мнѣнію, объявленіе республики нисколько не подвинуло бы дѣла безъ вопроса о земельной собственности. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ фактахъ, которые произошли между 1817 и 1825 годами. Соціальные вопросы ни кого не занимали тогда въ Европѣ. Гракхъ Бабсфъ, «дикій безумецъ», былъ уже забытъ, а Сенъ-Симонъ писалъ свои трактаты, но никто ихъ не читалъ. Такъ же обстояло дѣло насчетъ Фурье и Оуэна. Наиболѣе либеральные люди этого времени Бенжаменъ Констанъ и П. Л. Куррье подняли бы крики негодованія, услышавъ предложеніе Пестеля,—предложеніе, которое дѣлалось не въ кружкѣ, составленномъ изъ пролетаріевъ, но въ большомъ обществѣ, всецѣло состоящемъ изъ самой богатой знати. Пестель предлагалъ ему хотя бы цѣной жизни дойти до экспропріаціи своихъ же имуществъ, но съ нимъ не соглашались: его мнѣніе переворачивало вверхъ дномъ всѣ принципы политической экономіи, которые только что успѣли усвоить. Однако въ проповѣди убійства и грабежа его не обвиняли, и Пестель продолжалъ оставаться истиннымъ главой Южнаго общества. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что

при успѣхѣ этотъ соціалистъ прежде самаго соціализма сдѣлался бы диктаторомъ.

Не будучи мечтателемъ или утопистомъ, Пестель, напротивъ, былъ вполнѣ реалистъ, знающій духъ народа. Дошли бы до олигархіи, если бы оставили землю у дворянъ, а народъ даже не понялъ бы своего освобожденія, потому что русскій крестьянинъ мыслитъ свободу только вмѣстѣ съ землей.

Пестель первый задумалъ привлечь народъ къ дѣлу переворота. Соглашаясь со своими друзьями въ томъ, что удача возстанія зависитъ отъ участія въ немъ арміи, онъ желалъ привлечь къ этому движенію и раскольниковъ, — проектъ, глубокая справедливость и сознательность котораго будетъ доказана будущимъ. Въ настоящее время мы уже можемъ сказать, что у Пестеля были иллюзіи, что его друзья не были работниками революціи, а народъ не могъ работать вмѣстѣ съ дворянами, но только великіе люди, стоящіе далеко впереди толпы, способные такъ заблуждаться. Его заблужденіе практическое, въ числахъ, теоретически же онъ сдѣлалъ открытіе. Для настоящаго поколѣнія онъ былъ пророкомъ, а все это общество— огромной школой.

14 декабря на самомъ дѣлѣ открыло новую фазу нашего политическаго развитія. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ пропаганды и теоріи, имѣло это возстаніе, героическое поведеніе заговорщиковъ на площади, во время суда, въ кандалахъ передъ лицомъ императора Николая и въ рудникахъ Сибири.

У русскихъ ощущался недостатокъ не въ либеральномъ направленіи, не въ сознаніи всѣхъ происходящихъ злоупотребленій, но въ смѣльчакѣ, который бы принялъ на себя иниціативу. Теоріи внушаютъ убѣжденія, примѣръ порождаетъ поступки. Нигдѣ подобный примѣръ не является такой необходимостью, какъ тамъ, гдѣ человѣкъ не привыкъ добиваться осуществленія своего желанія, опредѣленно высказываться, разсчитывать на самого себя и уважать свои силы, гдѣ, наоборотъ, онъ вѣчно считается несовершеннолѣтнимъ, безъ голоса, безъ мнѣнія, гдѣ онъ живетъ, укрытый за общиной, какъ за неприступной оградой, гдѣ его поглощаетъ государство, въ которомъ онъ совершенно теряется. Вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, по необходимости стали развиваться и идеи свободы, но пассивное недовольство слишкомъ вошло въ привычки: хотѣли освободиться отъ деспотизма, но никто первый не хотѣлъ встать во главѣ дѣла.

И вотъ эти первые явились — великіе душой, съ желѣзнымъ характеромъ, такъ что даже само правительство въ своемъ офиціальномъ донесеніи не посмѣло ни унизить ни очернить ихъ. Николай ограничился жестокимъ наказаніемъ. Молчаніе, нѣмая пассивность были нарушены. Съ высоты своихъ эшафотовъ эти піонеры русской свободы пробудили душу молодого поколѣнія; повязка пала съ глазъ.

Не менѣе рѣшительное дѣйствіе произвело 14 декабря и на правительство. Отъ Петра до Николая оно высоко держало знамя прогресса и цивилизація; съ 1815 года уже не было ничего

подобнаго. Власти всецѣло поглощены подавленіемъ умственнаго движенія. Уже не слово «прогрессъ» написано на царскомъ щитѣ, но: «самодержавіе, православіе, народность», это mane fare takel деспотизма, при чемъ два послѣднихъ слова были написаны только для проформы. Религія и патріотизмъ были только средствомъ для укрѣпленія самодержавія: народъ никогда не былъ введенъ въ заблужденіе этой національной проповѣдью Николая. Словомъ, выражающимъ его царствованіе, является деспотизмъ, который провозглашаетъ: «пусть погибнетъ Россія, лишь бы осталась нетронутой неограниченная власть». Этотъ варварскій девизъ вызывалъ недоразумѣнія, и вотъ 14 декабря, наконецъ, заставило правительство покинуть маску притворства и открыто провозгласить деспотизмъ.

Незадолго до мрачнаго царствованія, которое въ началѣ обагрилось русской, а затѣмъ польской кровью, появился великій русскій поэтъ Пушкинъ, съ самаго своего появленія сдѣлавшійся необходимымъ для русской литературы. Правда, читали и другихъ поэтовъ, имъ удивлялись, но Пушкинъ былъ настольной книгой каждаго образованнаго русскаго и его перечитывали всю жизнь. Его поэзія не проба, не этюдъ, не упражненіе. Это его призваніе—искусство, достигшее зрѣлости. Цивилизованная часть общества нашла въ немъ впервые даръ поэтическаго слова. Пушкинъ въ высшей степени національненъ и въ то же время понятенъ для иностранцевъ. Онъ рѣдко измѣняетъ народный языкъ русскихъ пѣсенъ и всегда выражаетъ свою мысль таковою, какою она возникаетъ въ его

воображеніи. Какъ и всѣ великіе поэты, онъ всегда на уровнѣ своего читателя; онъ вырастаетъ, становится печальнымъ, бурнымъ, трагическимъ, его стихъ подобенъ шуму моря, шуму лѣса въ бурю, и въ то же время онъ ясенъ, прозраченъ и полонъ граціи. Повсюду Пушкинъ реаленъ, въ немъ ничего нѣтъ болѣзненнаго, ничего психологически преувеличеннаго, нѣтъ этого абстрактнаго христіанскаго спиритуализма, который такъ часто встрѣчается у поэтовъ Германіи, и его муза не блѣдное существо съ расшатанными нервами, положенная въ гробъ, но пылкая женщина въ ореолѣ здоровья, слишкомъ богатая настоящими чувствами для того, чтобъ искать неестественности, и слишкомъ несчастная для того, чтобъ изобрѣтать себѣ искусственныя болѣзни. Пушкинъ былъ пантеистомъ и эпикурейцемъ наподобіе греческихъ поэтовъ, нося, однако, въ своей душѣ вполнѣ современный ему элементъ. Углубляясь, онъ находилъ на днѣ своей души горькую мысль Байрона, эту ѣдкую иронію нашего вѣка.

Сначала въ Пушкинѣ видѣли подражателя Байрону. Дѣйствительно, англійскій поэтъ имѣлъ большое вліяніе на русскаго. Знакомство съ сильнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ никогда не обходится безъ того, чтобы не подвергнуться его вліянію, не созрѣть подъ давленіемъ его же идей. Подтвержденіе того, что живетъ въ насъ самихъ, со стороны ума, который мы уважаемъ, даетъ намъ вдохновеніе и новыя силы. Но этому естественному слѣдствію еще далеко до подражанія. Послѣ первыхъ своихъ поэмъ, гдѣ вліяніе Байрона сильно даетъ себя чувствовать, онъ становится съ ка-

ждымъ новымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе оригинальнымъ; всегда преисполненный удивленія къ великому англійскому поэту, онъ не переводилъ его и не заимствовалъ, не былъ ни *traduttore* ни *traditore*.

Въ концѣ-концовъ Пушкинъ и Байронъ совершенно расходятся, и по очень простой причинѣ: Байронъ былъ глубоко англичаниномъ, Пушкинъ—глубоко русскимъ, русскимъ петербургскаго періода. Онъ зналъ всѣ страданія просвѣщеннаго человѣка, но имѣлъ вѣру въ будущее, чего не было у человѣка Запада. Байронъ, — эта великая свободная личность, человѣкъ, который совершенно изолировалъ себя въ своей независимости отъ окружающаго, который все болѣе и болѣе ограждался своей гордостью, своей скептической философіей, — становился все болѣе и болѣе печальнымъ и неумолимымъ. Онъ уже ничего не ждалъ отъ будущаго и, удрученный горькими мыслями, съ отвращеніемъ къ жизни вручилъ свою судьбу пиратамъ славяно-греческаго происхожденія, которыхъ онъ считалъ за древнихъ грековъ. Пушкинъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ душевный покой, погружалея въ изученіе русской жизни, собиралъ матеріалы для монографіи Пугачова, писалъ историческую драму «Борисъ Годуновъ» и инстинктивно вѣрилъ въ будущее Россіи. Побѣдные клики, которые поразили его еще въ дѣтствѣ, въ 1813 и 1814 гг., постоянно раздаются въ его душѣ. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ даже увлекается петербургскимъ патріотизмомъ, похваляющимся количествомъ штыковъ и опирающимся на пушки. Безъ сомнѣнія, эта спесь

еще менѣе извинительна, чѣмъ доведенный до крайности аристократизмъ лорда Байрона, однако причина ея очевидна. Грустно сказать, но Пушкинъ былъ исключительнымъ патріотомъ. Великіе поэты бывали и придворными, какъ, напримѣръ, Гёте, Расинъ и др. Пушкинъ не состоялъ ни при дворѣ ни при правительствѣ, и все-таки ему нравилась вслѣдствіе патріотическаго инстинкта эта грубая сила государства. Въ этомъ — причина, почему онъ раздѣлилъ варварское желаніе отвѣчать на доводы пулями. Россія является рабской отчасти потому, что она находитъ поэзію въ матеріальной силѣ и считаетъ славой быть пугаломъ народовъ.

Кто заявляетъ, что *Онѣгинъ* Пушкина есть *Донъ Жуанъ*, примѣненный къ русскимъ нравамъ, тотъ не понимаетъ ни Байрона, ни Пушкина, ни Англіи, ни Россіи: онъ придерживается только внѣшней формы. *Онѣгинъ*, наиболѣе важное произведеніе Пушкина, поглотилъ половину его жизни. Этотъ романъ былъ зарожденъ какъ разъ въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, а созрѣлъ въ печальные годы, послѣдовавшіе за 14 декабря, и послѣ этого стали бы вѣрить, что подобное произведеніе, поэтическая автобіографія, можетъ быть подражаніемъ!

Онѣгинъ — не Гамлетъ, не Фаустъ, не Манфредъ, не Оберманъ, не Тренморъ и не Карлъ Моръ; Онѣгинъ — русскій. Онъ возможенъ только въ Россіи, тамъ онъ необходимъ и встрѣчается на каждомъ шагу. Онѣгинъ — лѣнтяй, такъ какъ у него никогда не было занятій, лишній человѣкъ въ той сферѣ, гдѣ онъ вращается; онъ не имѣетъ доста-

точной силы характера, чтобы выйти изъ этого положенія. Это — человѣкъ, который испытываетъ жизнь до самой смерти и который хотѣлъ бы испытать смерть, чтобъ узнать, не лучше ли она жизни. Онъ началъ все, ничего не добиваясь, онъ думалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе дѣлалъ; въ двадцать лѣтъ онъ былъ уже старъ и помолодѣлъ отъ любви, начиная старѣться. Какъ и всѣ мы, онъ всегда чего-то ждалъ, такъ какъ вѣдь человѣкъ не настолько глупъ, чтобы вѣрить въ вѣчное продолженіе настоящаго положенія Россіи... Но ничего не пришло, а жизнь уходила. Онѣгины настолько національны, что встрѣчаются во всѣхъ романахъ и поэмахъ, сколько-нибудь распространенныхъ въ Россіи, и это происходитъ не изъ подражанія, а вслѣдствіе того, что ихъ безпрестанно находятъ или вокругъ себя или въ себѣ.

Чацкій, герой знаменитой комедіи Грибоѣдова,— тотъ же резонеръ Онѣгинъ, его старшій братъ.

Герой нашего времени Лермонтова — его младшій братъ. Даже во второстепенныхъ произведеніяхъ появляется Онѣгинъ — утрированный, неполный, но узнаваемый. Если это не онъ самъ, то по меньшей мѣрѣ его копія. Молодой путешественникъ въ «Тарантасѣ» графа Соллогуба—ограниченный и плохо воспитанный Онѣгинъ. Мы всѣ болѣе или менѣе Онѣгины, если бы мы не предпочитали быть *чиновниками* или *помѣщиками*.

Цивилизація сбиваетъ насъ съ пути и заставляетъ теряться; вотъ почему мы въ тягость другимъ и самимъ себѣ; вотъ почему мы безполезные и капризные бездѣльники; вотъ почему мы, подобно собакамъ Гейневскаго Aix-la-Chapelle, выпра-

шивающимъ у прохожихъ пинка ногой, чтобы развлечься, переходимъ отъ эксцентричностей къ кутежамъ и въ поискахъ занятія, сильныхъ ощущеній и развлеченія безъ сожалѣнія тратимъ деньги и молодость. Чтобы разсѣяться и забыть эту невыносимую для насъ жизненную пустоту, мы бросаемся на все: на музыку, философію, любовь, военное искусство и мистицизмъ.

Цивилизація и рабство! И ничего между этими двумя насильно соединенными крайностями, что помѣшало бы истолочь насъ!

Намъ даютъ широкое воспитаніе, прививаютъ желанія и стремленія, насъ знакомятъ съ печалями современнаго общества, а затѣмъ кричатъ: «оставайтесь нѣмыми, пассивными рабами, или вы погибли». Въ награду насъ надѣляютъ правомъ обирать крестьянина и расточать въ кабакахъ, за зеленымъ столомъ, слезами и кровью орошенный оброкъ, который мы съ него собираемъ.

Молодой человѣкъ не находитъ никакого живого интереса въ этомъ полномъ угодливости и мелкаго самолюбія обществѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ принужденъ вѣчно жить въ этомъ обществѣ, потому что народъ еще дальше отъ него. «Свѣтъ» все же состоитъ изъ существъ одной съ нимъ породы, въ то время какъ между нимъ и народомъ нѣтъ ничего общаго. Петръ I настолько разрушилъ всѣ связи, что по крайней мѣрѣ теперь для человѣка нѣтъ возможности ихъ возстановить. Остается или обособленіе или борьба, а у насъ нѣтъ достаточно силы ни для того ни для другого. Такъ становятся Онѣгиными, если не погибаютъ

въ публичныхъ домахъ или въ казематахъ крѣпости.

Мы украли цивилизацію, и Юпитеръ жаждетъ наказать насъ съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Прометеемъ.

Возлѣ Онѣгина Пушкинъ помѣстилъ Ленскаго, другую жертву русской жизни, *vice versa* Онѣгину. Это — острое страданіе рядомъ съ хроническимъ недомоганіемъ. Это — одна изъ тѣхъ дѣвственно чистыхъ натуръ, которыя не могутъ акклиматизироваться въ этомъ развращенномъ и безумномъ обществѣ, которыя приняли жизнь, но не хотятъ ничего болѣе брать отъ нечистой земли, развѣ только смерть. Жертвы искупленія, эти юноши проходятъ блѣдными, съ отпечаткомъ фатальности на лбу, какъ упрекъ, какъ угрызенія совѣсти, и печальная ночь, въ которой «мы двигаемся и находимся», становится чернѣе.

Пушкинъ нарисовалъ характеръ Ленскаго съ такой нѣжностью, съ какою относятся лишь къ мечтамъ своей молодости, къ воспоминаніямъ того времени, когда бываютъ такъ полны надежды, наша невинность и ненависть. Ленскій — послѣдній крикъ совѣсти Онѣгина, ибо это — онъ самъ, это—его идеалъ юности. Поэтъ видѣлъ, что такому человѣку нечего дѣлать въ Россіи, и онъ убилъ его рукой Онѣгина, — Онѣгина, который любилъ Ленскаго и, прицѣливаясь, не хотѣлъ даже ранить. Самъ Пушкинъ былъ испуганъ этой трагической развязкой, и онъ спѣшитъ успокоить читателя, выводя ему жизнь, которая ожидала бы молодого поэта.

Подлѣ Пушкина мы также видимъ Ленскаго. Это былъ Веневитиновъ, чистая и поэтическая душа, на 22 году раздавленная грубыми руками русской жизни.

Между этими двумя типами, между преданнымъ своимъ идеямъ энтузіастомъ и поэтомъ, а съ другой стороны — человѣкомъ усталымъ, раздраженнымъ и безполезнымъ, между могилой Ленскаго и скукой Онѣгина, тянется глубокая и мутная рѣка цивилизованной Россіи съ ея аристократіей, бюрократіей, офицерами, жандармами, великими князьями и императоромъ, съ ея нѣмой и безформенной массой угодливости, жестокости и зависти, которая все увлекаетъ и поглощаетъ,— съ «этой пучиной, — какъ говоритъ Пушкинъ, — гдѣ, дорогой читатель, купаемся и мы съ вами».

Пушкинъ выступилъ съ замѣчательно красивыми революціонными стихами. Александръ выслалъ его изъ Петербурга въ южные предѣлы имперіи, и новый Овидій провелъ часть своей жизни отъ 1819 до 1825 г. въ Херсонѣ. Вдали отъ своихъ друзей и всякаго политическаго движенія, на лонѣ роскошной дикой природы, поэтъ прежде всего посвятилъ себя музѣ. Его лирическія произведенія выражаютъ фазы его жизни; тамъ можно отыскать слѣды всего того, что трогало эту пылкую душу, — правду, заблужденія, мимолетныя увлеченія, глубокія и вѣчныя симпатіи.

Николай, нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ онъ отдалъ приказъ повѣсить героевъ 14 декабря, возвратилъ Пушкина изъ ссылки, желая своими милостями погубить его въ общественномъ мнѣніи и привлечь добротою на свою сторону.

Пушкинъ возвратился и не узналъ ни московскаго ни петербургскаго обществъ. Онъ не нашелъ своихъ друзей; ихъ имена не осмѣливались даже произносить; говорили только объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ, — все было въ страхѣ. Онъ на минуту встрѣтился съ Мицкевичемъ, другимъ славянскимъ поэтомъ; они протянули другъ другу руку, какъ среди кладбища. Гроза собиралась надъ ихъ головами: Пушкинъ возвращался изъ ссылки, Мицкевичъ туда ѣхалъ. Ихъ свиданіе было пагубнымъ, но они другъ друга не поняли. Лекціи Мицкевича въ College de France обнаружили все несходство между ними: еще не наступало время, чтобы русскій могъ понять поляка.

Николай, продолжая комедію, произвелъ Пушкина въ камеръ-юнкеры. Пушкинъ принялъ это, но ко двору не явился. Тогда ему предложили на выборъ или отправиться на Кавказъ или надѣть мундиръ. Онъ былъ уже женатъ (и его жена сдѣлалась впослѣдствіи причиной его гибели), и вторая ссылка казалась ему гораздо тяжелѣе, чѣмъ первая, — онъ явился ко двору. Этотъ недостатокъ гордости и сопротивленія, эта двусмысленная гибкость признается одной изъ дурныхъ чертъ русскаго характера. Когда однажды цесаревичъ сталъ поздравлять Пушкина по случаю его повышенія, онъ отвѣтилъ: «Ваше высочество, вы первый поздравляете меня съ этимъ».

Въ 1837 году Пушкинъ былъ убитъ на дуэли однимъ изъ тѣхъ наемныхъ иностранныхъ убійцъ, которые, какъ средневѣковые наемники или современные швейцарцы, предлагаютъ свою шпагу на службу любому деспотизму. Онъ палъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ, не окончивъ своихъ пѣсенъ, не сказавъ всего того, что онъ хотѣлъ высказать. Его оплакивалъ весь Петербургъ, за исключеніемъ двора. Только тогда увидѣли, какой популярностью онъ пользовался. Во время агоніи тѣсная толпа стояла вокругъ дома, чтобъ узнать новости объ его здоровьѣ. Такъ какъ это происходило въ двухъ шагахъ отъ Зимняго дворца, императоръ изъ своихъ оконъ могъ смотрѣть на толпу. Изъ зависти онъ воспретилъ публичныя похороны поэта. Холодной ночью тѣло Пушкина, окруженное жандармами и городовыми, тайно перенесли въ одну изъ отдаленныхъ церквей. Тамъ священникъ поспѣшно совершилъ отпѣваніе, затѣмъ тѣло поэта на саняхъ отвезли въ монастырь въ Псковской губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Когда обманутая толпа направилась въ церковь, въ которой лежалъ покойный, снѣгъ уже запорошилъ всякій слѣдъ погребальнаго шествія.

Ужасный жребій ждетъ у насъ тѣхъ, кто осмѣлился поднять голову выше уровня, начертаннаго державной рукой императора. Поэту, гражданину, мыслителю — всѣмъ имъ неумолимая судьба готовитъ преждевременную могилу. Исторія нашей литературы, это — мартирологія, это — регистръ рудниковъ. Даже тѣ, кого правительство пощадило, погибаютъ и торопятся покинуть этотъ міръ, не успѣвши расцвѣсть.

Là sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente a cui il morir non duole

Рылѣевъ повѣшенъ по приказанію Николая.
Пушкинъ 38-ми лѣтъ убитъ на дуэли.
Грибоѣдовъ убитъ въ Тегеранѣ.

Лермонтовъ 30-ти лѣтъ убитъ на Кавказѣ на дуэли.

Веневитиновъ погубленъ обществомъ на 22 году.

Кольцовъ погубленъ семьей въ 33 года.

Бѣлинскій 35-ти лѣтъ умеръ отъ голода и нищеты.

Полежаевъ скончался въ военномъ госпиталѣ послѣ 8-лѣтней принудительной солдатской службы на Кавказѣ.

Баратынскій умеръ послѣ 12 лѣтъ ссылки.

Бестужевъ умеръ въ ранней молодости на Кавказѣ послѣ сибирскихъ рудниковъ.

«Горе тѣмъ народамъ, — говоритъ священное писаніе,— которые бросаютъ камнями въ своихъ пророковъ», но русскому народу нечего бояться, ибо нечего уже болѣе прибавить къ его печальному жребію.

V.

Литература и общественная мысль послѣ 14 дек. 1825 г.

Тѣ двадцать пять лѣтъ, которые протекали за 14 декабря, труднѣе поддаются характеристикѣ, чѣмъ вся эпоха, слѣдовавшая за Петромъ I. Обзоръ этого періода затрудняютъ два противоположныхъ теченія. Одно изъ нихъ идетъ по поверхности, другое, едва уловимое, совершается въ глубинахъ народнаго сознанія. Съ виду Россія оставалась неподвижной. Казалось даже, что она идетъ назадъ, но въ сущности все видоизмѣнялось, вставали болѣе сложные вопросы, на которые труднѣе было дать отвѣтъ.

На поверхности офиціальной Россіи, «на фронтонѣ имперіи», красовались лишь гибель, ярая реакція, безчеловѣчныя преслѣдованія и удвоенный деспотизмъ. Среди военныхъ парадовъ, балтійскихъ нѣмцевъ и дикихъ охранителей видѣли недовѣряющаю себѣ самому холоднаго, упрямаго и безжалостнаго Николая, такую же посредственность, какъ и его окружающіе. Непосредственно за нимъ стояло высшее общество. При первомъ ударѣ грома, грянувшаго надъ его головой послѣ 14 декабря, оно потеряло всякое понятіе о чести и достоинствѣ, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ, и болѣе ужъ не возвышалось въ царствованіе Николая. Расцвѣтъ русской аристократіи кончился.

Все, что было въ ея нѣдрахъ благороднаго и смѣлаго, находилось въ рудникахъ Сибири. То, что осталось или удержалось въ милости властелина, упало до степени подлости или рабскаго повиновенія, хорошо извѣстныхъ изъ картинъ Кюстина.

Затѣмъ слѣдуютъ офицеры изъ гвардіи; блестящіе и образованные они становятся все болѣе и болѣе закоренѣлыми сержантами. До 1825 года всѣ носящіе штатское платье сознавали превосходство эполетъ. Чтобы быть *comme il faut* нужно было прослужить не менѣе двухъ лѣтъ въ гвардіи или по крайней мѣрѣ въ кавалеріи. Офицеры стали душой собраній, героями праздниковъ и баловъ и, сказать правду, это предпочтеніе не

было лишено основанія. Военные были болѣе независимы и держались болѣе достойно, чѣмъ пресмыкающееся и малодушное чиновничество. Теперь обстоятельства приняли иной видъ—гвардія раздѣлила участь аристократіи; лучшіе изъ офицеровъ были сосланы, огромное число другихъ оставило службу, не будучи въ состояніи переносить грубый и наглый тонъ, введенный Николаемъ. Торопились занять пустыя мѣста хорошими служаками или завсегдатаями казармъ и манежей. Офицерство упало во мнѣніи общества, черная одежда взяла верхъ, и мундиръ господствовалъ только въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ да при дворѣ, — этой главной гауптвахтѣ имперіи. Члены Императорской Фамиліи и ея представитель оказывали военнымъ предпочтеніе, совершенно не соотвѣтствующее ихъ положенію. Однако это равнодушіе публики къ формѣ не доходило до того, чтобы въ обществѣ были приняты гражданскіе чиновники. Даже въ провинціи къ нимъ питали непреодолимое отвращеніе, что, однако, не мѣшало росту бюрократическаго вліянія. Послѣ 1825 года все управленіе становится пресмыкающимся и жалкимъ взамѣнъ того аристократически-невѣжественнаго, какимъ оно было раньше. На мѣсто министерствъ учреждаютъ канцеляріи. Ихъ начальники становятся дѣльцами, а высшіе чиновники — писарями. Въ гражданскомъ сословіи они занимаютъ то же мѣсто, которое въ гвардіи принадлежало безнадежнымъ служакамъ. У этихъ изощрившихся во всякаго рода формальностяхъ знатокъ и чуждыхъ всякихъ высшихъ соображеній холодныхъ

исполнителей преданность правительству покоится на любви къ лихоимству.

Центромъ политической науки Николая была казарма и канцелярія. Слѣпая и лишенная общаго смысла дисциплина, соединенная съ бездушнымъ формализмомъ австрійскихъ сборщиковъ, — такова пружина славной организаціи сильной власти въ Россіи. Какая нищета правительственной мысли, какая проза абсолютизма, какая жалкая пошлость! Это была самая простая и грубая форма деспотизма.

Прибавимъ къ этому шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, имѣющаго власть отмѣнять рѣшенія суда и вмѣшиваться рѣшительно во все и, главнымъ образомъ, въ политическія преступленія. Онъ образовалъ цѣлую инквизиціонную армію наподобіе тайнаго общества полицейскихъ масоновъ, которое отъ Риги до Нерчинска имѣло своихъ братьевъ шпіоновъ и сыщиковъ. Бенкендорфъ былъ начальникомъ третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи (названіе главнаго сыскного отдѣленія). По временамъ передъ судомъ этой канцеляріи въ лицѣ какого-нибудь писателя или ученаго предстаетъ въ качествѣ подсудимаго цивилизація. Одни идутъ за другими, ихъ ссылаютъ и сажаютъ въ крѣпости.

Глядя на официальную Россію, сердце исполнятся унынiемъ. Съ одной стороны Польша, разбитая и съ невѣроятнымъ упорствомъ истерзанная, съ другой — сумасшедшая война. Въ теченіе всего царствованія тянется она, поглощая войска за войсками, ни на шагъ не раздвинувъ нашего

владычества на Кавказѣ. И надъ всѣмъ этимъ полное униженіе и неспособность правительства.

Внутри идетъ огромная работа. Глухо и безмолвно, но дѣятельно и непрерывно повсюду растетъ недовольство. Въ эти двадцать пять лѣтъ революціонныя идеи отвоевали больше мѣста, чѣмъ въ теченіе цѣлаго предшествовавшаго столѣтія, хотя онѣ еще и не проникли въ народъ.

Русскій народъ продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ политическихъ сферъ; онъ не имѣлъ достаточно поводовъ къ тому, чтобы принимать участіе въ работѣ, которая происходила въ другомъ слоѣ націи. Продолжительныя страданія побуждаютъ къ своего рода величію; русскій народъ слишкомъ страдалъ для того, чтобъ имѣть право волноваться за небольшое улучшеніе своего положенія, онъ скорѣе предпочитаетъ смѣло оставаться нищимъ въ лохмотьяхъ, чѣмъ надѣвать на себя заштопанное платье. Если же онъ не принимаетъ никакого участія въ движеніи идей, которое охватывало другіе классы, то это еще совершенно не значитъ, чтобы въ его душѣ ничего не происходило. Русскому народу живется тяжелѣе, чѣмъ въ старину, его взоръ печальнѣе; несправедливость крѣпостного состоянія и грабежъ государственныхъ чиновниковъ становятся для него невыносимѣе. Правительство нарушило спокойствіе общины устройствомъ принудительныхъ работъ; въ самой деревнѣ сажаютъ по тюрьмамъ и сокращаютъ отдыхъ крестьянина въ собственной его хижинѣ введеніемъ сельской полиціи *(становые приставы)*. Процессы противъ поджигателей, убійства помѣщиковъ и возстанія крестьянъ увеличиваются въ огромныхъ размѣрахъ. Многочисленное раскольничье населеніе ропщетъ. Эксплоатируемое и притѣсняемое духовенствомъ и полиціей, оно далеко еще не сплотилось. По временамъ въ этихъ мертвыхъ и недоступныхъ для насъ глубинахъ слышатся смутные звуки, которые предвѣщаютъ ужасныя бури. Это недовольство русскаго народа, о которомъ мы говоримъ, при поверхностномъ взглядѣ не очевидно. Россія всегда представлялась настолько спокойной, что трудно было думать, чтобы въ ней что-либо происходило. Немного людей знаетъ о томъ, что происходитъ подъ саваномъ, которымъ правительство покрываетъ трупы, пятна крови и военныя экзекуціи, съ высокомѣрнымъ лицемѣріемъ заявляя, что подъ этимъ саваномъ нѣтъ ни труповъ ни крови. Что знаемъ мы о сибирскихъ поджигателяхъ, объ убійствахъ помѣщиковъ, въ одно и то же время организованныхъ во многихъ деревняхъ; что знаемъ мы объ отдѣльныхъ бунтахъ, которые вспыхивали въ то время, когда Киселевъ вводилъ новое административное управленіе; что знаемъ мы о возстаніяхъ въ Казани, Вяткѣ и Тамбовѣ, гдѣ должно было искать убѣжища отъ пушекъ?..

Интеллектуальная работа, о которой мы говорили, производилась не въ высшихъ и не въ низшихъ слояхъ русскаго общества, но какъ разъ въ серединѣ, т.-е. по большей части въ среднемъ дворянствѣ. Факты, которые мы будемъ приводить, казалось, не имѣли бы большой важности, но не слѣдуетъ забывать, что пропаганда, какъ и вся-

кое воспитаніе, идетъ въ тиши и особенно, когда она не смѣетъ появиться при свѣтѣ дня.

Вліяніе литературы значительно возрастаетъ и проникаетъ все глубже и глубже; литература не измѣняетъ своей миссіи и остается пропагандо-либеральной, поскольку это возможно при нашей цензурѣ.

Жажда просвѣщенія захватываетъ все новое поколѣніе; гражданскія и военныя школы, гимназіи, лицеи изобилуютъ учениками; дѣти болѣе бѣдныхъ родителей тѣснились въ различныхъ институтахъ. Правительство, которое еще въ 1804 году привлекало дѣтей въ школу привилегіями, удерживаетъ всѣми средствами ихъ стеченіе; возрастаютъ трудности пріема и экзаменовъ; учениковъ застращиваютъ; министръ народнаго просвѣщенія циркуляромъ ограничиваетъ образованіе для крѣпостныхъ. Въ то же время Московскій университетъ становится средоточіемъ русской цивилизаціи. Императоръ питаетъ къ нему отвращеніе, недоволенъ имъ, онъ каждый годъ отправляетъ въ ссылку большое количество учащихся въ немъ, не оказываетъ ему чести своимъ посѣщеніемъ во время проѣздовъ чрезъ Москву, но университетъ процвѣтаетъ и пріобрѣтаетъ вліяніе; имъ пренебрегаютъ, но онъ ничего и не ждетъ, продолжаетъ свою работу и достигаетъ истиннаго могущества. Цвѣтъ молодежи провинцій, смежныхъ съ Москвой, тянется въ ея университетъ, и каждый годъ рядъ лиценціатовъ разсыпается по всему государству въ качествѣ служащихъ, врачей и учителей.

Въ глубинѣ провинціи и особенно въ Москвѣ явно увеличивается классъ независимыхъ людей, не соглашающихся ни на какую публичную службу и занимающихся управленіемъ своихъ имѣній, науками или литературой. Они ничего не требуютъ отъ правительства, если это послѣднее оставляетъ ихъ въ покоѣ. Они — полная противоположность петербургской знати, которая привязана къ публичной службѣ и ко Двору, преисполнена рабскаго честолюбія, ждетъ всякой правительственной службы и ею только живетъ. Ничего не прося, оставаясь независимыми и не добиваясь должностей, они именуются при деспотическомъ режимѣ творцами оппозиціи. Правительство косо глядитъ на этихъ «лѣнтяевъ» и недовольно ими. На самомъ дѣлѣ они составляютъ ядро цивилизованныхъ людей и настроены противъ петербургскаго режима. Одни изъ нихъ цѣлыми годами ѣздятъ по заграничнымъ странамъ, внося оттуда свободныя идеи; другіе, пріѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, остальное время года проводятъ у себя въ имѣніяхъ и тутъ читаютъ все новое и слѣдятъ за ходомъ умственной жизни въ Европѣ. Чтеніе становится модой среди провинціальныхъ дворянъ. Начинаютъ хвалиться своими библіотеками и выписываютъ самые новые французскіе романы, «Journal des Débats и «Gazette d'Augsbourg». Признакомъ хорошаго вкуса служитъ обладаніе запрещенными книгами. Я не знаю ни одного порядочнаго дома, гдѣ не было бы сочиненія Кюстина о Россіи, которое Николай особенно строго воспретилъ въ Россіи. Лишеніе всякой возможности дѣятельности и постоянная угроза тай-

ной полиціи тѣмъ сильнѣе толкаютъ молодежь отдаваться чтенію. Количество идей въ обращеніи становится больше.

Но какія же идеи и новыя мысли появились на свѣтъ послѣ 14 декабря?

Первые годы послѣ 1825 были ужасны. Чтобъ освоиться съ этимъ страшнымъ положеніемъ порабощенія и гоненія, надо было цѣлыхъ десять лѣтъ. Повсюду людьми овладѣли глубокое отчаяніе и полное уныніе. Трусливая и подлая поспѣшность заставила высшее общество отречься отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ и всѣхъ просвѣщенныхъ идей, почти не было ни одной аристократической фамиліи, которая не имѣла бы въ числѣ изгнанниковъ близкаго родственника, и почти ни одна изъ нихъ не смѣла носить трауръ или позволить себѣ проникнуться сожалѣніемъ. И когда они отвернулись отъ печальнаго зрѣлища рабскаго повиновенія, когда сосредоточились на размышленіи, чтобы въ немъ найти совѣтъ и надежду, они встрѣтили ужасную мысль, ледянящую сердце.

Иллюзіи болѣе невозможны: народъ остался равнодушнымъ зрителемъ 14 декабря. Всякій добросовѣстный человѣкъ увидалъ печальный результатъ полнаго разлада между Россіей старой и Россіей новой, всякая дѣятельная связь между этими двумя частями была порвана, ее надо было возстановить, но какимъ образомъ— это былъ большой вопросъ. Одни думали, что нельзя прійти ни къ чему, оставивъ Россію на буксирѣ у Европы; они основывали свои надежды не на будущемъ, но на возвращеніи къ прошлому. Другіе видѣли

въ будущемъ только несчастіе и разореніе. Они проклинали этотъ выродокъ цивилизаціи и этотъ равнодушный народъ. Глубокая печаль овладѣла душой каждаго мыслящаго человѣка.

Лишь звучная и широкая пѣснь Пушкина раздавалась въ равнинахъ рабства и муки; эта пѣснь уходила въ прошлую эпоху, наполняла ея сильными звуками настоящее и посылала свой голосъ въ далекое будущее. Поэзія Пушкина была залогомъ и утѣшеніемъ. Поэты, жившіе во времена отчаянія и упадка, не имѣли подобныхъ пѣсенъ; онѣ едва годились для похоронъ.

Вдохновеніе не обмануло Пушкина. Ужасъ овладѣлъ его сердцемъ, и кровь, которой было въ немъ такъ много, не могла на этомъ успокоиться: скоро она снова стала выступать наружу.

Одинъ писатель уже возвысилъ свой насмѣшливый голосъ по адресу трусовъ. Родившись въ Сибири, онъ всю юность провелъ тамъ въ торговыхъ занятіяхъ, которыя скоро ему опротивѣли. Страсть къ чтенію, хотя онъ не получилъ образованія и не имѣлъ учителей, побудила его выучиться французскому и нѣмецкому языкамъ. Поселившись въ Москвѣ, онъ безъ сотрудниковъ, безъ знаній, безъ имени въ литературѣ, рѣшилъ издавать ежемѣсячный журналъ и въ скоромъ времени удивилъ читателей энциклопедическимъ разнообразіемъ своихъ статей. Онъ смѣло писалъ о законовѣдѣніи и музыкѣ, о медицинѣ и санскритскомъ языкѣ. Русской литературой онъ занялся спеціально, что не помѣшало ему писать романы, повѣсти и даже критическія статьи, въ чемъ онъ достигъ большого успѣха.

Не надо искать въ произведеніяхъ Полевого большого краснорѣчія или философской глубины, но въ каждомъ вопросѣ онъ умѣетъ найти человѣческую сторону. По своимъ симпатіямъ онъ склонялся къ либерализму. Его журналъ *Московскій Телеграфъ* пользовался большимъ вліяніемъ, и это тѣмъ большая заслуга Полевого, что его журналъ издавался въ такое тяжелое время. Что можно написать на другой день послѣ бунта и наканунѣ казней? Положеніе Полевого было очень трудное. Его спасало отсутствіе гласности. Въ эту эпоху мало писали: часть людей пера была въ ссылкѣ, часть молчала. Группа отступниковъ, въ родѣ сіамскихъ близнецовъ Греча и Булгарина, соединилась съ правительствомъ. Свое участіе въ 14 декабря они скрыли доносами на друзей и уничтоженіемъ революціонныхъ прокламацій въ типографіи Греча, которое совершилъ находящійся подъ ихъ начальствомъ корректоръ. Въ это время они одни владѣли журналистикой въ Петербургѣ и служили полиціи, а не литературѣ. Противъ всей этой реакціи Полевой сумѣлъ продержаться до самаго 1834 года, не измѣняя дѣлу. Этого нельзя забыть.

Полевой внесъ въ русскую литературу демократизмъ, заставилъ ее сойти съ аристократическихъ высотъ и сдѣлалъ ее болѣе народной или по меньшей мѣрѣ болѣе буржуазной. Самыми важными врагами у него были литературные авторитеты. Нападая на нихъ, онъ не жалѣлъ иронiи. Онъ съ полнымъ основаніемъ думалъ, что уничтоженіе всякихъ авторитетовъ есть революціонный актъ, и что человѣкъ не можетъ уже оставаться

религіознымъ или правовымъ рабомъ, разъ онъ сумѣетъ освободиться отъ давленія великихъ именъ и схоластическихъ авторитетовъ. До Полевого критики нѣсколько разъ имѣли смѣлость лишь на легкій обзоръ Державина, Карамзина и Дмитріева, притомъ дѣлалось это съ безконечными оговорками, умолчаніями и полнымъ признаніемъ ихъ безспорнаго величія. Полевой сразу сталъ на равное съ ними положеніе и началъ затрогивать тяжелыя и наставительныя фигуры этихъ великихъ учителей. Старикъ Дмитріевъ, поэтъ и министръ юстиціи въ отставкѣ, съ горечью и ужасомъ говорилъ о той литературной анархіи, которую Полевой ввелъ своимъ недостаточнымъ уваженіемъ къ людямъ, заслуги которыхъ были признаны цѣлой страной.

Полевой нападалъ не только на литературные авторитеты, но и на ученыхъ. Онъ осмѣлился сомнѣваться въ ихъ знаніяхъ, — онъ, мелкій сибирскій торговецъ, притомъ совершенно необразованный. Ученые *ex officio* соединились съ заслуженными сѣдовласыми писателями и предприняли правильную войну противъ мятежнаго журналиста.

Полевой, зная вкусы публики, уничтожилъ своихъ враговъ своими ѣдкими статьями. Онъ отвѣчалъ насмѣшкой на ученыя обозрѣнія и доводилъ ихъ скучныя диссертаціи до нелѣпости, вызывающей хохотъ. Нельзя представить себѣ того любопытства, съ какимъ публика слѣдила за ходомъ этой полемики. Говорили, что, нападая на литературные авторитеты, Полевой, понятно, имѣлъ въ виду другіе авторитеты. Онъ пользовался на

самомъ дѣлѣ каждымъ случаемъ, чтобы затронуть наиболѣе щекотливые политическіе вопросы, и дѣлалъ это съ удивительнымъ искусствомъ. Полевой говорилъ почти все и въ то же время его нельзя было обвинить. Должно сказать, что цензура сильно способствовала развитію его слога и искусству держать въ границахъ свою рѣчь. Раздраженный оскорбительнымъ препятствіемъ человѣкъ желаетъ побѣдить это препятствіе и почти всегда достигаетъ желаемаго. Намеки вносятъ въ рѣчь слѣды душевнаго движенія и борьбы; рѣчь становится болѣе страстной, чѣмъ въ простомъ изложеніи. Подразумѣваемое слово гораздо сильнѣе, и тотъ, кто хочетъ понимать, всегда пойметъ его даже и подъ этой завѣсой. Сжатая рѣчь сосредоточиваетъ больше чувства, она этимъ усиливается. Говорить такимъ образомъ, чтобы мысль была ясной, и чтобы слова сами слѣдовали за читателемъ, это — самый лучшій способъ убѣдить. Подразумѣваемыя слова увеличиваютъ силу рѣчи, откровенность обуздываетъ фантазію. Читатель, который знаетъ, насколько писатель долженъ быть остороженъ, читаетъ со вниманіемъ; тайныя узы устанавливаются между тѣмъ и другимъ: одинъ скрываетъ то, что пишетъ, другой — то, что воспринимаетъ. Цензура такая же паутина, — она ловитъ маленькихъ мухъ и терзаетъ большихъ. Язвительныя слова, намеки умираютъ подъ *красными чернилами;* энергичныя мысли, истинную поэзію съ презрѣніемъ отправляютъ отыскивать себѣ гардеробъ, утомившись тщательной ихъ чисткой.

Съ *Телескопа* въ русской литературѣ начинаютъ преобладать обозрѣнія. Они вбираютъ въ себя все интеллектуальное движеніе; книгъ покупали мало; лучшіе стихи и повѣсти появлялись на свѣтъ въ обозрѣніяхъ, и нужно было что-нибудь особенное, поэму Пушкина или романъ Гоголя, чтобъ обратить вниманіе читающей публики, столь рѣдкой въ Россіи. Ни въ одной другой странѣ, исключая Англіи, вліяніе обозрѣній не было столь велико. На самомъ дѣлѣ это была лучшая форма распространенія свѣта въ обширной странѣ. *Телеграфъ*, *Московскій Вѣстникъ*, *Телескопъ*, *Библіотека для чтенія*, *Отечественныя Записки* и ихъ незаконный сынъ, *Современникъ*, несмотря на совершенно противоположныя направленія, распространяли огромную массу знаній, понятій, идей въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Они давали возможность жителямъ Омской и Тобольской губерній читать романъ Диккенса и Жоржа Занда, спустя два мѣсяца послѣ ихъ выхода въ Лондонѣ или Парижѣ. Ихъ періодичность даже имѣла выгоду, пробуждая лѣнивыхъ читателей.

Полевой нашелъ возможнымъ продолжать *Телеграфъ* до 1834 года, хотя преслѣдованіе мысли удвоилось послѣ польской революціи. Побѣдоносный абсолютизмъ утратилъ всякую притворную честь и всякій стыдъ. Школьниковъ наказывали за шалости, какъ вооруженныхъ революціонеровъ, ссылали дѣтей отъ 15 до 16 лѣтъ и отдавали ихъ въ солдаты на всю жизнь. Студентъ Московскаго университета Полежаевъ, уже извѣстный, какъ поэтъ, написалъ нѣсколько свободныхъ стиховъ. Николай безъ суда велѣлъ ему явиться къ

себѣ, приказалъ продекламировать эти стихи, *обнялъ его* и отослалъ, какъ простого солдата, въ одинъ полкъ, — нелѣпое наказаніе, которое могло возникнуть только въ умѣ безумнаго правителя, считающаго русскую армію за исправительный домъ или за острогъ. Черезъ восемь лѣтъ солдатъ Полежаевъ умеръ въ военномъ госпиталѣ. Годомъ позднѣе братья Критскіе, тоже московскіе студенты, отправились на поселеніе за то, что, если я не ошибаюсь, они разбили бюстъ императора. Съ тѣхъ поръ никто не слышалъ разговора о нихъ. Въ 1832 году, подъ видомъ тайнаго общества, арестовываютъ дюжину студентовъ и тотчасъ же отправляютъ въ оренбургскій гарнизонъ, гдѣ къ нимъ въ товарищи попалъ лютеранинъ Юлій Кольрейфъ, который занимался только музыкой, но который осмѣлился говорить, что онъ не признаетъ обязанности доносить на своихъ товарищей. Въ 1834 году насъ, моихъ друзей и меня, бросили по тюрьмамъ и по истеченіи восьми мѣсяцевъ выслали въ качествѣ писцовъ въ канцеляріи отдаленныхъ провинцій. Насъ обвиняли въ *намѣреніи* образовать тайное общество и желаніи вести сенсимонистскую пропаганду; намъ прочли смертный приговоръ и, въ видѣ плохой шутки, объявили, что императоръ съ характеризующей его непростительной добротой приказалъ насъ подвергнуть только исправительной ссылкѣ. Это наказаніе продолжалось болѣе пяти лѣтъ.

Телеграфъ прекратился въ 1834 году. Полевой, лишившись своего журнала, оказался выбитымъ изъ колеи. Его *Литературные Опыты* болѣе не выходили; раздраженный и обманутый въ своихъ

ожиданіяхъ, онъ покинулъ Москву, чтобы жить въ Петербургѣ. Скорбное удивленіе встрѣчаетъ первые нумера его новаго журнала *(Сынъ Отечества)*. Онъ становится покорнымъ и льстивымъ. Было грустно видѣть этого смѣлаго борца, этого неутомимаго работника, который сумѣлъ пережить болѣе тяжелыя времена, не покидая своего поста, въ мирѣ со своими врагами, благодаря которымъ прекратился его журналъ. Было грустно слышать имя Полевого вмѣстѣ съ именами Греча и Булгарина, было грустно также присутствовать на представленіи его драматическихъ произведеній, которымъ рукоплескали тайные агенты и офиціальные лакеи.

Полевой чувствовалъ свое паденіе, страдалъ и становился унылымъ. Онъ самъ желалъ выйти изъ своего фальшиваго положенія, оправдать себя, но у него не было силы, и онъ только поставилъ себя въ неловкое положеніе предъ правительствомъ, ничего не выигравъ во мнѣніи публики. Натура его болѣе благородная, чѣмъ его поведеніе, не могла долго выносить этой борьбы. Онъ вскорѣ умеръ, оставивъ свои дѣла въ полномъ разстройствѣ. Всѣ его уступки ничего не принесли ему.

Дѣло Полевого продолжали двое: Сенковскій и Бѣлинскій.

Сенковскій, обрусѣлый полякъ, оріенталистъ и академикъ, былъ умный писатель и сильный работникъ, о которомъ не сложилось никакого мнѣнія или, если и слюжилось, то какъ о человѣкѣ съ глубокимъ презрѣніемъ къ людямъ и вещамъ, къ доказательствамъ и теоріямъ. Сенковскій былъ истиннымъ представителемъ того склада, который

общественная мысль приняла послѣ 1825 года, той блестящей, но холодной наружности, той улыбки презрѣнія, которая нерѣдко таитъ угрызенія совѣсти, жажды наслажденія, разожженнаго неизвѣстностью, которая паритъ надъ судьбой каждаго человѣка, представителемъ насмѣшливаго и въ то же время печальнаго матеріализма, представителемъ поколѣнія, вынужденнаго шутить въ тюрьмѣ.

Бѣлинскій былъ антитезой Сенковскому. Это былъ типичный представитель московскаго любознательнаго юношества, мученикъ своихъ сомнѣній и идей, энтузіастъ, поэтъ въ діалектикѣ. Онъ затрогивалъ рѣшительно все, что его окружало, и совершенно расходовалъ себя въ своихъ мукахъ. Этотъ человѣкъ дрожалъ отъ негодованія и закипалъ бѣшенствомъ при видѣ нескончаемаго зрѣлища русскаго деспотизма.

Сенковскій основалъ свой журналъ, какъ коммерческое предпріятіе. Мы, однако, не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ правительственную тенденцію. Его съ жадностью читали по всей Россіи — явленіе, котораго никогда не случалось съ журналомъ или книгой, написанными въ интересахъ власти. Покровительствуемая полиціей *Сѣверная Пчела* не составляла, повидимому, исключенія изъ этого правила. Она была *единственной* политической и неофиціальной газетой, которую терпѣли, и въ этомъ — объясненіе ея славы, но какъ только офиціальные журналы получили сносную редакцію, *Сѣверная Пчела* была покинута своими читателями. У ней не было ни славы ни репутаціи, съ которыми она могла бы перенести этотъ

смертельный и унизительный договоръ съ правительствомъ. Въ Россіи всѣ тѣ, кто только читаютъ, презираютъ власть; всѣ тѣ, кто ее любятъ, или не читаютъ вовсе или читаютъ только французскіе пустяки. Пушкинъ, эта величайшая русская знаменитость, былъ на нѣкоторое время покинутъ за одно только привѣтствіе, сдѣланное имъ послѣ холеры Николаю, и за два политическихъ стихотворенія. Гоголь, этотъ кумиръ русской литературы, вдругъ сдѣлался предметомъ глубочайшаго презрѣнія за раболѣпную брошюру. Полевой исчезъ въ тотъ день, когда онъ заключилъ союзъ съ правительствомъ. Въ Россіи нѣтъ прощенія отступникамъ.

Сенковскій съ презрѣніемъ говорилъ о либерализмѣ и наукѣ, но зато онъ и не имѣлъ уваженія ни къ чему. Онъ думалъ быть вполнѣ практическимъ, проповѣдуя теоретическій матеріализмъ, и, какъ всѣ теоретики, несмотря на свою безусловную практичность и большую близость къ дѣлу, чѣмъ къ *практологіи*, былъ все-таки превзойденъ другими теоретиками, гораздо болѣе отвлеченными, но имѣющими пламенныя убѣжденія.

Поднимая насмѣхъ все самое святое въ человѣкѣ, Сенковскій, не желая того, истреблялъ монархизмъ въ умахъ. Проповѣдуя удобство и чувственныя удовольствія, онъ доводилъ людей до очень простой мысли, что невозможно наслаждаться, безпрерывно думая о жандармахъ, доносахъ и о Сибири, что страхъ — не удобство, и что нѣтъ человѣка, который можетъ спокойно обѣдать, не зная, гдѣ ему придется спать.

Сенковскій жилъ во-время. Расчищая вступленіе въ новую эпоху, онъ мѣшалъ съ прахомъ предметы цѣнностей, но при этомъ онъ устранялъ затрудненія для другого времени, котораго не понималъ. Онъ даже самъ чувствовалъ это, и, какъ только въ литературѣ пробилось нѣчто новое и сильное, Сенковскій сталъ складывать свои паруса и вскорѣ пропалъ совершенно.

Сенковскаго окружала группа молодыхъ писателей, которыхъ онъ погубилъ, извративъ ихъ вкусъ. Они ввели слогъ, который казался блестящимъ съ перваго взгляда и фальшивымъ со второго. Поэзія Петербурга или, еще скорѣе, Васильевскаго острова была лишена жизни и правды въ своихъ историческихъ образахъ, которые вызывали Кукольникъ, Бенедиктовъ, Тимофеевъ и др. Только подобные цвѣты и могли распускаться у подножія императорскаго трона и въ тѣни Петропавловской крѣпости.

Въ Москвѣ мѣсто запрещеннаго *Телеграфа* занялъ *Телескопъ*. Этотъ журналъ существовалъ не такъ продолжительно, какъ его предшественникъ, но его смерть была болѣе славной. Это былъ тотъ самый журналъ, который напечаталъ извѣстное письмо *Чаадаева*. Журналъ былъ немедленно запрещенъ, цензоръ былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей, главный редакторъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Опубликованіе этого письма было особенно важнымъ событіемъ. Это былъ вызовъ, знакъ пробужденія; письмо сломило равнодушіе, царившее послѣ 14 декабря. Наконецъ явился человѣкъ съ душой, переполненной до краевъ горечью; человѣкъ, который нашелъ ужасный языкъ,

чтобы съ зловѣщимъ краснорѣчіемъ, съ тягостнымъ спокойствіемъ сказать все то, что въ теченіе десяти лѣтъ съ такой остротой накопилось на сердцѣ образованнаго русскаго. Это письмо было завѣщаніемъ человѣка, который отрекается отъ своихъ правъ, но не изъ любви къ своимъ наслѣдникамъ, а изъ отвращенія; сурово и холодно авторъ требуетъ у Россіи отчета во всѣхъ тѣхъ страданіяхъ, которыми она утоляетъ жажду человѣка, осмѣливающагося выйти изъ состоянія грубости. Онъ желаетъ знать все, что покупаемъ мы этой цѣной, чѣмъ заслужили мы такое положеніе, онъ съ поразительной глубиною неумолимо анализируетъ его и затѣмъ, покончивъ съ этой вивисекціей, съ ужасомъ отворачивается, проклиная страну въ ея прошломъ, настоящемъ и ея будущемъ. Да, этотъ мрачный голосъ хотѣлъ только сказать Россіи, что она никогда не жила по-человѣчески, что она представляетъ только «недостатокъ человѣческаго единомыслія, поучительный примѣръ для Европы». Онъ говоритъ Россіи, что ея прошлое было безполезно, настоящее излишне и у нея нѣтъ никакого будущаго.

Не соглашаясь съ Чаадаевымъ, мы вполнѣ понимаемъ путь, который привелъ его къ этой мрачной и отчаянной точкѣ зрѣнія, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени факты говорятъ за него, а не противъ него. Мы вѣримъ, а онъ показываетъ пальцемъ; мы надѣемся, ему же достаточно открыть журналъ, чтобы доказать свою правоту. Заключеніе, къ какому пришелъ Чаадаевъ, не можетъ выдержать никакой критики: въ немъ не должно искать причины важности этого изданія—

она лежитъ въ той высотѣ его суроваго негодованія, которое потрясаетъ душу и долгое время оставляетъ ее подъ тягостнымъ чувствомъ. Упрекаютъ автора въ его строгости, но это-то и есть его самая большая заслуга. Не надо насъ жалѣть: мы слишкомъ скоро забываемъ наше положеніе, мы слишкомъ привыкли развлекаться въ стѣнахъ тюрьмы.

Крикъ отчаянія и изумленія встрѣчаетъ эту статью; она пугаетъ и оскорбляетъ даже тѣхъ, кто согласенъ съ ней. Тѣмъ не менѣе, она выражаетъ только то, что неопредѣленно волнуетъ душу каждаго изъ насъ. У кого изъ насъ не бываетъ этихъ моментовъ гнѣва, когда мы ненавидимъ страну, которая отвѣчаетъ мученіями въ отвѣтъ на всѣ благородные порывы спѣшащаго разбудить насъ для этихъ пытокъ человѣка? Кто изъ насъ не желаетъ вырваться навсегда изъ этой занимающей четвертую часть земного шара тюрьмы, изъ этой чудовищной имперіи, гдѣ каждый частный приставъ — верховный владыка, а верховный владыка — коронованный частный приставъ? Кто изъ насъ не отдастъ всѣхъ удовольствій для того, чтобы забыть этотъ поражающій холодомъ адъ, чтобы на нѣсколько минутъ отдаться упоенію и развлечься? Мы видимъ теперь вещи съ другой стороны, мы разсматриваемъ русскую исторію подругому, но намъ не зачѣмъ отрекаться или раскаиваться въ этихъ минутахъ отчаянія; мы слишкомъ дорого заплатили за нихъ, чтобъ имъ поддаться; они — наше право, наше свидѣтельство, наше спасеніе.

Чаадаевъ умеръ, но его не оставили въ покоѣ. Петербургская аристократія, всѣ эти Бенкендорфы и Клейнмихели оскорбились за Россію. Важный нѣмецъ Вигель, начальникъ департамента вѣроисповѣданій и, вѣроятно, протестантъ, ополчился за православныхъ русскихъ. Императоръ приказалъ объявить Чаадаева сумасшедшимъ. Эта плохая шутка возвратила Чаадаеву даже тѣхъ, кто сталъ его врагомъ; его вліяніе въ Москвѣ увеличивается. Сама аристократія опускаетъ голову передъ этимъ человѣкомъ мысли и окружаетъ его почетомъ и уваженіемъ, давъ, такимъ образомъ, блестящее опроверженіе императорской насмѣшкѣ.

Письмо Чаадаева прозвучало, какъ трубный призывъ; сигналъ былъ данъ, и вотъ со всѣхъ сторонъ раздаются новые голоса; молодые писатели выходятъ на общественное поприще, свидѣтельствуя о той молчаливой работѣ, которая происходила въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ.

14 (26) декабря слишкомъ глубоко порвало съ прошлымъ, чтобы можно было въ литературѣ продолжать предшествующее направленіе непосредственно за этимъ великимъ днемъ, стало возможно появленіе еще такого молодого, полнаго воображенія и идей 1825 года человѣка, какъ Веневитиновъ. Уныніе, какъ и боль отъ раны, не проходитъ сразу. Но едва только было произнесено нѣсколько новыхъ словъ, какъ оно пропало, подобно тому, какъ гибнутъ подъ ледянящимъ дыханіемъ Балтійскаго моря цвѣты болѣе нѣжнаго неба.

Веневитиновъ не былъ рожденъ для жизни въ новой русской атмосферѣ. Чтобы быть въ состояніи переносить воздухъ этой злосчастной эпохи, ему

нужно было иное время, онъ долженъ былъ жить съ дѣтства подъ этимъ рѣзкимъ и непрерывнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; ему нужно было свыкнуться съ неразрѣшимыми сомнѣніями, самыми горькими истинами, съ своей собственной слабостью и повседневными оскорбленіями. Ему нужно было пріобрѣсти привычку съ самаго нѣжнаго возраста скрывать все то, что волновало его душу, и ничего не тратить изъ того, что было у него скрыто; напротивъ, нужно было, чтобы въ нѣмомъ гнѣвѣ созрѣвало все то, что лежало у него на сердцѣ. Нужно умѣть ненавидѣть изъ-за любви, презирать изъ чувства человѣчности, нужно быть безгранично гордымъ, чтобы высоко держать голову въ кандалахъ на рукахъ и ногахъ.

Каждая пѣснь *Онѣгина*, который выходилъ послѣ 1825 года, становилась все болѣе и болѣе глубокой. Первоначальный планъ поэта былъ легкій и веселый; онъ намѣтилъ его въ то время, когда его окружали люди, которые находили удовольствіе въ этомъ ироническомъ, но благосклонномъ и забавномъ смѣхѣ. Первыя пѣсни Онѣгина напоминаютъ намъ скорѣе язвительный, но сердечный комизмъ Грибоѣдова. Слезы и смѣхъ постоянно смѣняютъ другъ друга.

Выразителями новой эпохи русской поэзіи, мы думаемъ, были два поэта—Лермонтовъ и Кольцовъ. Оба эти мощныхъ голоса раздались съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Ничто съ такой ясностью не доказываетъ происшедшей послѣ 1825 года перемѣны въ умахъ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова. Пушкинъ, часто недовольный и печальный, оскорбленный и

полный негодованія, все-таки былъ готовъ примириться. Онъ желалъ мира и не приходилъ въ отчаяніе; аккордъ воспоминанія о временахъ императора Александра не переставалъ дрожать въ его сердцѣ. Лермонтовъ такъ привыкъ къ отчаянію, къ антагонизму, что не только не искалъ изъ него выхода, но даже не понималъ самой возможности борьбы или примиренія. Лермонтовъ, никогда не зная надежды, не жертвовалъ собою, потому что передъ нимъ не было ничего, что требовало бы этого самопожертвованія. Онъ не несъ съ гордостью своей головы къ палачу, какъ Пестель и Рылѣевъ, потому что не могъ вѣрить въ силу жертвы; онъ бросился въ сторону и погибъ изъ-за пустяковъ.

Выстрѣлъ изъ пистолета, которымъ былъ убитъ Пушкинъ, пробудилъ душу Лермонтова. Онъ написалъ энергичную оду, въ которой, клеймя низкія интриги, предшествовавшія дуэли, интриги, сотканныя литературными министрами и журнальными шпіонами, съ негодованіемъ молодого человѣка восклицаетъ: «Мщеніе, императоръ, мщеніе!» Поэтъ искупилъ это свое единственное безразсудство ссылкой на Кавказъ. Туда онъ отправился въ 1837 году; въ 1841 году тѣло Лермонтова опускается въ могилу у подножія Кавказскихъ горъ.

И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый.
... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно...

По счастью, для насъ не потеряно то, что Лермонтовъ написалъ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Онъ вполнѣ принадлежитъ нашему поколѣнію. Мы всѣ были слишкомъ молоды, чтобы принимать участіе въ 14 декабря. Разбуженные этимъ великимъ днемъ, мы только видѣли казни и ссылку. Покорившись вынужденному молчанію, подавивъ свои слезы, мы учились сосредоточиваться и скрывать свои мысли... и какія мысли? Это не были уже болѣе идеи просвѣтительнаго либерализма, идеи прогресса, — это были сомнѣнія, отрицаніе, мысли ярости. Привыкшій къ такимъ чувствамъ Лермонтовъ не могъ искать спасенія въ лиризмѣ, подобно Пушкину. Онъ влачилъ жалкое существованіе скептика въ своемъ поэтическомъ творчествѣ и во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ. Сильная и печальная мысль никогда не покидала его чела; она проглядываетъ во всѣхъ его стихотвореніяхъ. Это не была отвлеченная мысль, которая ищетъ себѣ выраженія въ цвѣтахъ поэзіи, нѣтъ,—душа Лермонтова, это—его поэзія, его мученіе и сила. Онъ болѣе глубоко симпатизировалъ Байрону, чѣмъ Пушкинъ. Несчастіе быть слишкомъ проницательнымъ соединялось въ немъ съ другимъ несчастіемъ — смѣлостью говорить о многомъ безъ прикрасъ и пощады. Слабые и оскорбленные никогда не прощаютъ этой искренности. О Лермонтовѣ говорили, какъ о балованномъ ребенкѣ изъ аристократическаго дома, какъ объ одномъ изъ тѣхъ праздношатающихся, которые гибнутъ отъ скуки и пресыщенія. Не желали видѣть того, какъ боролся этотъ человѣкъ и какъ онъ страдалъ, прежде чѣмъ рѣшиться напечатать свои мысли. Люди гораздо снисходительнѣе переносятъ несправедливости и измѣну, чѣмъ извѣстную зрѣлость мысли и отчужденность въ человѣкѣ, который не желаетъ раздѣлять ни ихъ надеждъ ни ихъ страховъ и рѣшается открыто признать это. Когда Лермонтовъ покидалъ Петербургъ, чтобы во второй разъ отправиться въ ссылку на Кавказъ, онъ чувствовалъ себя очень усталымъ и говорилъ своимъ друзьямъ, что желалъ бы скорѣе умереть. Онъ сдержалъ свое слово.

Что же, наконецъ, представляетъ изъ себя это чудовище, которое называютъ Россіей, которому нужно столько жертвъ и которое предоставляетъ своимъ сынамъ только печальный выборъ между моральной гибелью въ атмосферѣ, противной всему человѣческому, или смертью на зарѣ своей жизни? Бездонная пропасть, гдѣ гибли лучшіе пловцы, гдѣ огромныя усилія, величайшіе таланты, величайшія дарованія исчезали, ничего не достигнувъ?

Однако какъ сомнѣваться въ существованіи нарождающихся силъ, когда изъ нѣдръ народа поднимается голосъ, подобный голосу Кольцова?

Въ продолженіе вѣка, и даже полутора, народъ пѣлъ только старыя пѣсни или распѣвалъ тѣ мерзости, которыя были сложены къ срединѣ царствованія Екатерины II. Въ началѣ нашего вѣка появляются нѣкоторыя попытки довольно счастливаго подражанія, но этимъ искусственнымъ произведеніямъ недоставало правды; это были только усилія или причуды. Новыя пѣсни исходили изъ самыхъ нѣдръ крестьянской Россіи. Пастухъ, сопровождая свои стада чрезъ степи, складывалъ ихъ по вдохновенію. Кольцовъ вполнѣ сынъ на-

рода. Родясь въ Воронежѣ, онъ до десяти лѣтъ былъ въ приходской школѣ и научился только читать и безграмотно писать. Отецъ его, продавецъ скота, заставилъ сына избрать это же ремесло. Кольцовъ сопровождалъ стада сотни верстъ и, такимъ образомъ, привыкъ къ кочевой жизни, которая отражается въ лучшей части его пѣсенъ. Молодой пастухъ любилъ чтеніе и перечитывалъ постоянно нѣсколькихъ русскихъ поэтовъ, которыхъ принялъ за образецъ, но опыты въ подражаніи испортили его поэтическій инстинктъ. Истинный талантъ, наконецъ, проявился въ написанномъ имъ небольшомъ числѣ народныхъ пѣсенъ. Онѣ представляютъ изъ себя образцовое произведеніе. Это — чудныя пѣсни русскаго народа. Ихъ отличительной чертой является грусть, раздирающая душу печаль и *удаль молодецкая*. Кольцовъ показалъ, сколько кроется поэзіи въ душѣ русскаго народа, и что, несмотря на долгій и глубокій сонъ, все же есть что-то, что бьется въ его груди. У насъ есть и другіе примѣры поэтовъ, государственныхъ людей и артистовъ, вышедшихъ изъ народа, но всѣ они, выйдя изъ народа и отдавшись книжному слову, порывали съ народомъ всякую связь. Ломоносовъ былъ сыномъ рыбака съ Бѣлаго моря. Онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома учиться, поступилъ въ церковное училище и затѣмъ отправился въ Германію, гдѣ утратилъ связь съ народомъ. Нѣтъ ничего общаго между нимъ и земледѣльческой Россіей, если не считать той связи, которая соединяетъ отдѣльныхъ лицъ одной и той же расы. Кольцовъ остался среди гуртовъ при дѣлѣ своего отца, который его ненавидѣлъ и, помогая другимъ своимъ родственникамъ, для него сдѣлалъ жизнь настолько тяжелой, что онъ умеръ въ 1842 году. Кольцовъ и Лермонтовъ выступили въ одно и то же время. Послѣ нихъ русская поэзія замолчала.

Но въ прозѣ дѣятельность удвоилась и приняла другое направленіе.

Гоголь не былъ народнымъ, подобно Кольцову, ни по своему положенію, ни по своимъ склонностямъ, ни по складу своего ума. Гоголь вполнѣ независимъ отъ иностраннаго вліянія; онъ не былъ знакомъ ни съ какой литературой даже тогда, когда уже пріобрѣлъ имя. У него было больше общаго съ жизнью народа, чѣмъ съ жизнью Двора, что вполнѣ естественно въ малороссѣ.

Малороссъ, даже получивъ дворянство, никогда не порываетъ такъ рѣзко съ народомъ, какъ это дѣлаетъ русскій. Онъ любитъ свою страну, свой языкъ, преданія казачества и гетмановъ. Независимость дикой и воинственной, но республиканской и демократической Малороссіи сохранялась вѣками вплоть до Петра I. Малороссы, терзаемые поляками, турками и москвитянами, постоянно вовлекаемые въ войну съ крымскими татарами, никогда не падали духомъ. Малая Россія, добровольно соединившись съ Великой, постановила важные по своему значенію законы. Царь Алексѣй велѣлъ ихъ пересмотрѣть; Петръ I, прикрываясь измѣной Мазепы, оставилъ только призракъ отъ этихъ привилегій; Елисавета и Екатерина ввели тамъ крѣпостное право. Бѣдная страна протестовала, но какъ можно было сопротивляться этой роковой лавинѣ, которая въ своемъ стремле-

ніи съ Сѣвера къ Черному морю покрывала однообразнымъ и ледянящимъ саваномъ рабства буквально все, что только носило имя русскаго, тѣмъ же однобразнымъ и ледянящимъ саваномъ рабства? Украйну постигла судьба Новгорода и Пскова, но гораздо позднѣе, и только цѣлый вѣкъ рабства могъ уничтожить все то, что было въ этомъ храбромъ народѣ независимаго и поэтическаго. Въ немъ гораздо болѣе индивидуальнаго развитія, болѣе мѣстныхъ особенностей, чѣмъ въ насъ. У насъ жалкая форма безъ различія покрываетъ всю жизнь народа. Люди родятся, чтобы согнуться передъ несправедливой судьбой и умереть безъ слѣда, оставивъ своихъ дѣтей влачить ту же самую безнадежную жизнь. Нашъ народъ не знаетъ своей исторіи, тогда какъ каждое село въ Малороссіи имѣетъ свою легенду. Русскій народъ помнитъ только Пугачова и 1812 годъ.

Повѣсти, съ которыми Гоголь выступилъ въ первый разъ, представляютъ изъ себя рядъ красивыхъ картинъ, нравовъ и видовъ Малороссіи, полныхъ веселья, прелести, движенія и любви. Подобныя повѣсти невозможны въ Россіи, гдѣ все ложно и не оригинально. У насъ народныя сцены принимаютъ постоянно мрачный и трагическій видъ, подавляющій читателя. Я говорю трагическій, но только въ смыслѣ Лаокоона. Это — та трагедія судьбы, которой человѣкъ отдается безъ борьбы. Горе переходитъ въ бѣшенство и отчаяніе, смѣхъ — въ горькую и злобную иронію. Кто можетъ безъ трепета, негодованія и стыда читать великолѣпный романъ *Антонъ Горемыка* и образцовое произведеніе Тургенева *Записки охотника*?

По мѣрѣ того, какъ Гоголь покидаетъ Малороссію и приближается къ центральной Россіи, наивные и изящные образы исчезаютъ. Здѣсь больше полудикихъ героевъ въ родѣ *Тараса Бульбы*, больше добродушныхъ и патріархальныхъ старцевъ, которыхъ онъ такъ чудно обрисовалъ въ *Старосвѣтскихъ помѣщикахъ*. Подъ московскимъ небомъ все становится у него мрачнымъ, туманнымъ и враждебнымъ. Онъ постоянно смѣется, смѣется даже больше, чѣмъ прежде, но это — иной смѣхъ, и только люди съ очень черствымъ сердцемъ или очень простодушные позволятъ себѣ смѣяться на это. Переходя отъ малороссовъ и казаковъ къ русскимъ, Гоголь оставляетъ въ сторонѣ народъ и останавливается на двухъ самыхъ ненавистныхъ врагахъ: чиновникѣ и владыкѣ. Никогда еще никто до него съ такой полнотой не проходилъ надъ русскимъ чиновникомъ курса патологической анатоміи. Смѣясь, онъ безъ пощады проникаетъ въ самыя сокровенныя складки этой нечистой и злой души. Комедія Гоголя *Ревизоръ* и его романъ *Мертвыя души* — ужасная исповѣдь современной Россіи. Въ то же время эти произведенія повторяютъ открытія Котошихина, сдѣланныя въ XVIII столѣтіи.

Императоръ Николай помиралъ со смѣху, присутствуя на представленіи *Ревизора*!!!

Поэтъ, отчаявшись въ томъ, чтобъ изъ этого августѣйшаго веселья и довольнаго смѣха чиновниковъ, вполнѣ сходныхъ съ выведенными на сценѣ, хотя и пользующихся большимъ расположеніемъ цензуры, получился какой-нибудь результатъ, думалъ, что во введеніи онъ долженъ объяснить,

что его комедія не только очень смѣшна, но еще болѣе печальна — «что за его смѣхомъ скрываются горячія слезы».

Послѣ *Ревизора* Гоголь обращается къ деревенскому дворянству и выводитъ на свѣтъ этотъ неизвѣстный мірокъ, который, прячась за кулисами, вдали отъ дорогъ и большихъ городовъ, зарывается въ глубь деревень, эту Россію дворянчиковъ, которые въ скромныхъ заботахъ о своихъ земляхъ скрываютъ испорченность болѣе глубокую, чѣмъ испорченность Запада. Благодаря Гоголю, мы увидали, наконецъ, какъ они выходятъ изъ своихъ замковъ, изъ своихъ господскихъ домовъ и проходятъ передъ нами безъ личины, безъ прикрасъ, всегда пьяные и обжорливые, рабы недостойной власти и безжалостные мучители своихъ крѣпостныхъ; мы увидѣли, какъ они сосутъ жизнь и кровь народа со свойственнымъ груднымъ младенцамъ простодушіемъ.

Мертвыя души потрясли всю Россію.

Подобное обвиненіе необходимо для современной Россіи. Это — исторія болѣзни, написанная рукою мастера. Поэзія Гоголя—это крикъ ужаса и стыда, вырвавшійся у оскорбленнаго пошлостью жизни человѣка, который вдругъ видитъ равнодушіе въ отвѣтъ на свое уничтожающее остроуміе. Но чтобы подобный крикъ могъ вырваться изъ груди, нужно быть здоровымъ и обладать великой силой обновленія. Человѣкъ, открыто сознающій свои слабости и ошибки, тѣмъ самымъ показываетъ, что онѣ не составляютъ всей его жизни и не поглощаютъ его всецѣло. Онъ чувствуетъ, что внутри у него живетъ скрытая сила, способная поддержать

его даже при паденіи. Она даетъ ему надежду не только искупить прошлое, не только возродиться, но, подобно герою Байроновской трагедіи, стать даже нѣжнымъ Сарданапаломъ.

Мертвыя души ставятъ насъ лицомъ къ лицу со слѣдующимъ великимъ вопросомъ: чѣмъ возможно доказать, что русскій народъ поднимется, и гдѣ доказательства противнаго? Въ этой же формѣ этотъ вопросъ занималъ умы всѣхъ мыслящихъ людей, но никто изъ нихъ не далъ на него отвѣта.

Полевой, давая бодрость другимъ, самъ ни во что не вѣрилъ. Иначе, онъ не могъ такъ скоро упасть духомъ и при первомъ несчастіи перейти въ лагерь къ врагамъ. *Библіотека для чтенія* сразу бросилась на этотъ вопросъ и, не давши себѣ труда разрѣшить его, только измѣнила его. Рѣшеніе Чаадаева не исчерпываетъ вопроса.

Ни поэзія, ни проза, ни искусства, ни исторія не даютъ возможности предугадать конецъ, хотя каждая изъ нихъ показываетъ намъ образованіе и развитіе этого нелѣпаго абсурда, этихъ оскорбительныхъ обычаевъ и этой чудовищной власти. Надо ли приспособиться ко всему этому, какъ въ концѣ-концовъ поступилъ Гоголь, или, подобно Лермонтову, кинуться въ объятія смерти? Приспособиться мы не могли, такъ какъ стояли въ противорѣчіи съ гибелью. Въ глубинѣ нашего сердца какой-то голосъ шепталъ намъ, что слишкомъ рано отступать, и, казалось, за *Мертвыми душами* стоятъ еще души живыя.

Снова поднимались вопросы, но теперь еще болѣе назойливые. Кто не потерялъ еще надежды,

требовалъ ихъ разрѣшенія во что бы то ни стало.

Послѣ 1840 года вниманіемъ общества овладѣли два направленія. Возникнувъ на почвѣ схоластическихъ споровъ, они черезъ литературу скоро перешли въ общество.

Мы имѣемъ въ виду московскій панславизмъ и русское западничество.

Движеніе 1848 года положило конецъ борьбѣ этихъ направленій. Горячая полемика, завязавшаяся между ними, была послѣдней вспышкой, увлекшей за собой публику, и въ этомъ ея дѣйствительное значеніе для общества.

Мы разсмотримъ ее въ слѣдующей главѣ.

VI.

Московскій панславизмъ и русское западничество.

Наступила пора реакціи противъ реформы Петра I. Правительство оставило собственный свой принципъ и отреклось отъ той самой цивилизаціи Запада, во имя которой Петръ I истопталъ въ ногахъ національность. Но не только правительство, за этой реакціей пошли даже тѣ люди, которыхъ оно, удаливъ во имя цивилизаціи отъ народа, посылало на висѣлицы, когда тѣ становились цивилизованными.

При поворотѣ къ національнымъ идеямъ сами собой напрашивались вопросы, которые попросту были не что иное, какъ реакція противъ петербургскаго періода. Не слѣдуетъ ли искать выхода изъ нашего невыносимаго положенія въ сліяніи съ народомъ, который мы презираемъ, не потрудившись узнать его? Не слѣдуетъ ли вернуться къ болѣе родственному нашему славянскому характеру порядку? Не пора ли бросить путь чуждой цивилизаціи, насильно намъ привитой? Вопросы важные и на самомъ дѣлѣ интересные. Но едва обрисовалась ихъ постановка, какъ тотчасъ же появилась группа людей, которые предложили немедленное и окончательное рѣшеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ создали одностороннюю систему, обративъ ее не только въ догму, но и въ религію. Логика реакціи столь же поспѣшна, какъ и логика революцій.

Самой большой ошибкой *славянофиловъ* было то, что они видѣли отвѣтъ въ самомъ вопросѣ и смѣшивали возможное съ дѣйствительнымъ. Они чувствовали, что стоятъ на дорогѣ, ведущей къ великимъ истинамъ,—дорогѣ, которая должна измѣнить нашъ уголъ зрѣнія на современныя событія. Но, вмѣсто того, чтобъ итти впередъ и работать, они остановились на этомъ чувствѣ. Такимъ образомъ, извращая факты, они впали въ заблужденіе. Ихъ сужденіе не было болѣе свободнымъ, они не видѣли болѣе трудностей, все имъ казалось рѣшеннымъ и опредѣленнымъ. Они стали искать не истины, а возраженій для своихъ противниковъ.

Страсти мѣшались съ полемикой. Изступленные славянофилы съ ожесточеніемъ напали на весь петербургскій періодъ, на все то, что сдѣлалъ Петръ Великій, и, наконецъ, на все европейское и

цивилизованное. Можно понять и оправдать это увлеченіе, какъ актъ оппозиціи, но, къ несчастію, эта оппозиція зашла слишкомъ далеко, и тогда непонятнымъ образомъ она оказалась на сторонѣ правительства, вопреки своимъ собственнымъ стремленіямъ къ свободѣ.

Рѣшивъ *a priori*, что все пришедшее отъ *нѣмцевъ* никуда не годится, а все введенное Петромъ I отвратительно, славянофилы дошли до преклоненія передъ узкими формами Московскаго государства; отрекаясь отъ своихъ собственныхъ доводовъ и своего собственнаго просвѣщенія, они съ рвеніемъ спѣшили укрыться подъ сѣнь креста греческой Церкви. Мы не можемъ оправдать ихъ за подобныя тенденціи, тѣмъ болѣе, что славянофилы совершенно непонятно прельщались организаціей Московскаго государства и придавали греческому православію значеніе, котораго оно никогда не имѣло. Негодуя противъ деспотизма, они доходили до политическаго и моральнаго порабощенія; несмотря на всѣ симпатіи къ славянской національности, они въ то же время забывали эту самую національность. Греческое православіе влекло ихъ къ византизму, и, дѣйствительно, они быстро шли къ этой безднѣ застоя, въ которой исчезли всѣ слѣды древняго міра. Если формы и мысли Запада не годятся для Россіи, то что же есть общаго между ею и Восточной Римской имперіей? Въ чемъ же проявилась органическая связь между славянами—этими варварами въ силу юности—и греками—варварами въ силу своей дряхлости? Наконецъ что же представляетъ изъ себя эта Византія, какъ не Римъ—Римъ упадка, Римъ

безъ славныхъ воспоминаній и безъ угрызеній совѣсти? Какіе новые принципы внесла Византія въ исторію? Греческое православіе? Но это только равнодушный католицизмъ. Принципы настолько одинаковы, что для доказательства ихъ различія понадобилось семь вѣковъ споровъ и несогласій. Соціальную организацію? Но она въ Восточной имперіи основана на абсолютной власти, на пассивномъ подчиненіи и полномъ поглощеніи личности государствомъ, а государства — императоромъ.

Могло ли подобное государство сообщить новую жизнь молодому народу? Западные славяне на югѣ находились долго въ соприкосновеніи съ греками Восточной Римской имперіи, и что же они отъ этого выиграли?

Уже забыто, что эти полчища людей были подъ покровительствомъ греческихъ императоровъ и благословеніемъ константинопольскихъ патріарховъ. Достаточно взглянуть на законы объ оскорбленіи величества, недавно въ такихъ широкихъ размѣрахъ повторенные императоромъ Николаемъ и его юрисконсультомъ Гюбомъ, чтобъ оцѣнить эту казуистику порабощенія, эту философію рабства. Эти законы касались только свѣтскаго: за ними вслѣдъ шли каноническіе законы, регламентирующіе движенія, форму одежды, пищу и веселье. Въ нихъ изображается жизнь человѣка, попавшаго въ двойную сѣть—государства и Церкви—человѣка, вѣчно трепещущаго здѣсь подъ постоянной угрозой безотвѣтственнаго судьи и послушнаго палача, тамъ — подъ угрозой дѣйствующаго во имя Бога попа и *епитимій*, которыя связываютъ какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ.

Гдѣ благотворное вліяніе восточной Церкви? Изъ тѣхъ народовъ, которые приняли ее въ продолженіе послѣднихъ столѣтій, начиная съ IV, и до нашихъ дней, какой она цивилизовала и освободила? Арменію и Черногорію или народцы Малой Азіи и бѣдныхъ жителей Трапезунда? Наконецъ не Морею ли? Намъ скажутъ, быть-можетъ, что Церковь ничего не могла сдѣлать изъ этихъ изношенныхъ и развращенныхъ народовъ безъ будущаго. Но славяне, племя здоровое тѣломъ и душой, выиграли ли они что-нибудь? Восточная Церковь проникла въ Россію въ цвѣтущую и спокойную эпоху Кіева, во время великаго князя Владимира. Она привела Россію къ печальнымъ и презрѣннымъ временамъ, описаннымъ Котошихинымъ, она благословляла и санкціонировала всѣ мѣры, принятыя противъ народной свободы. Она научила царей византійскому деспотизму, она предписывала слѣпое повиновеніе народу даже тогда, когда его прикрѣпили къ землѣ и согнули крѣпостнымъ правомъ. Петръ Великій парализовалъ вліяніе духовенства, что было однимъ изъ самыхъ важныхъ актовъ, и стоитъ ли желать возстановленія этого вліянія?

Славянофильство, ожидавшее спасенія Россіи отъ возстановленія московско-византійскаго режима, не освобождалось изъ-подъ опеки, а подпадало подъ нее; оно шло не впередъ, а назадъ. *Западники*, какъ ихъ называли славянофилы, не хотѣли промѣнять ярма нѣмецкаго рабства на ярмо славяно-православное; они хотѣли освободиться отъ всякаго ярма. Они не старались вычеркнуть ни протекшаго съ Петра I времени ни

усилій этого грубаго и тяжелаго вѣка. Они не хотѣли отречься отъ всего того, что было пріобрѣтено столькими страданіями и столькими потоками крови, чтобы вернуться къ узкому строю, къ односторонней національности и неподвижной Церкви. Славянофилы съ такимъ же правомъ, какъ и легитимисты, могутъ сказать, что легко принять во вниманіе хорошую сторону и упустить дурную. Это была тяжелая ошибка, къ которой они присоединили другую, общую всѣмъ реакціонерамъ. Любя историческій принципъ, они забывали постоянно, что все то, что произошло послѣ Петра I, было также исторіей, и что ни одна живая сила, — мы не говоримъ о привидѣніяхъ, — не въ состояніи какъ уничтожить совершившіеся факты, такъ и вычеркнуть ихъ послѣдствія.

Такова была точка зрѣнія, на которой велась оживленная полемика противъ славянофиловъ. Рядомъ съ ней остальные интересы, которые разсматривались въ журналахъ, отошли на второй планъ. На самомъ дѣлѣ вопросъ былъ захватывающій.

Сенковскій съ удивительнымъ искусствомъ металъ тучи ядовитыхъ стрѣлъ въ лагерь *славянофиловъ*. Довольный взрывами смѣха, вызваннаго имъ по адресу враговъ, онъ съ гордостью отступилъ. Онъ не былъ созданъ для серьезной полемики. Но другой журналистъ поднялъ брошенную въ Москвѣ славянскую *рукавицу* и храбро развернулъ знамя европейской цивилизаціи противъ тяжелаго стяга съ изображеніемъ византійской дѣвы, который несли славянофилы.

Этотъ боецъ, стоявшій во главѣ *Отечественныхъ Записокъ*, не предвѣщалъ большихъ успѣховъ славянофиламъ. А человѣкъ этотъ, талантливый и энергичный, имѣвшій и самъ фанатичныя убѣжденія, смѣлый, нетерпимый, раздражительный и нервный, былъ Бѣлинскій.

Его собственное развитіе очень характеристично для среды, въ которой оно пріобрѣтено. Родившись въ семьѣ бѣднаго провинціальнаго чиновника, онъ не вынесъ изъ нея ни одного утѣшительнаго воспоминанія. Его родители были грубы и некультурны, какъ и всѣ люди этого испорченнаго класса. Бѣлинскому было десять или одиннадцать лѣтъ, когда однажды его отецъ, возвратившись домой, сталъ его бранить; ребенокъ хотѣлъ оправдаться. Отецъ въ гнѣвѣ ударилъ его, поваливъ на землю. Мальчикъ всталъ преображеннымъ: обида и несправедливость сразу порвали въ немъ всякую связь съ родителемъ. Мысль о мщеніи долго его занимала; однако подъ вліяніемъ чувства своей собственной слабости онъ измѣнилъ ее на ту ненависть противъ всякихъ семейныхъ авторитетовъ, которую сохранилъ до самой своей смерти.

Это было началомъ воспитанія Бѣлинскаго. Семья эмансипировала его своими темными сторонами, общество — своимъ ничтожествомъ. Какъ молодой нервный и болѣзненный человѣкъ, мало подготовленный для академическихъ занятій, онъ ничего не дѣлалъ въ Московскомъ университетѣ и, такъ какъ онъ учился тамъ на казенный счетъ, его исключили со словами: «Мало способностей и никакого прилежанія». Съ этимъ унизительнымъ

аттестатомъ бѣдный молодой человѣкъ вступилъ въ жизнь, т.-е. былъ выброшенъ за двери университета среди большого города безъ куска хлѣба и безъ средствъ его добыть. Тогда-то онъ встрѣтился со Станкевичемъ и его друзьями, которые его спасли.

Станкевичъ, умершій еще молодымъ послѣ десяти лѣтъ пребыванія въ Италіи, не совершилъ ничего такого, что записываютъ въ исторію; однако только изъ неблагодарности его обходятъ молчаніемъ, когда говорятъ объ интеллектуальномъ развитіи Россіи.

Станкевичъ принадлежалъ къ тѣмъ широкимъ и симпатичнымъ натурамъ, одно только существованіе которыхъ учитъ великимъ дѣламъ всѣхъ окружающихъ ихъ. Среди московской молодежи онъ распространялъ любовь къ нѣмецкой философіи, введенной въ университетѣ этого города уважаемымъ профессоромъ Павловымъ. Станкевичъ, руководя занятіями этого кружка друзей, первый распозналъ умозрительныя способности нашего друга Бакунина и далъ толчокъ изученію Гегеля; онъ же отыскалъ въ Воронежской губерніи Кольцова, привезъ его въ Москву и ободрилъ его.

Станкевичъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ горячій и оригинальный умъ Бѣлинскаго. Вскорѣ вся Россія отдала долгъ справедливости смѣлому таланту публициста, котораго куратора Московскаго университета оцѣнилъ, какъ бездарность.

Бѣлинскій страстно отдался изученію Гегеля. Незнакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, не составляя препятствія, только способствовало его занятіямъ;

Бакунинъ и Станкевичъ со всѣмъ пыломъ молодости и ясностью русскаго ума принялись помогать ему своими знаніями въ этомъ предметѣ. Въ концѣ-концовъ ему достаточно было только намека, чтобы догонять своихъ друзей. Ставъ знатокомъ системы Гегеля, онъ первый среди московскихъ послѣдователей поднялся если и не противъ самого Гегеля, то противъ способа его пониманія.

Бѣлинскій былъ совершенно свободенъ отъ вліяній, въ которыя мы впадали, когда не могли отъ нихъ защититься. Прельщенные новизной, мы въ молодости запоминали массу фактовъ, не провѣряя ихъ разумомъ. Эти воспоминанія, заимствованныя мысли, принимаемыя нами за пріобрѣтенныя истины, связывали нашу независимость. Бѣлинскій началъ свое изученіе философіи, когда ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ подходилъ къ наукѣ съ серьезными вопросами и страстной діалектикой. Для него истины и результаты были не абстракціями и игрой ума, а вопросомъ жизни и смерти. Свободный отъ всякаго посторонняго вліянія, онъ вошелъ въ науку вполнѣ искренно; онъ не бѣжалъ отъ пламя анализа и отрицанія и вполнѣ естественно возмущался полурѣшеніями, робкими заключеніями и трусливыми уступками.

Все это, послѣ книги Фейербаха и журнальной пропаганды Арнольда Руге, не было больше ново, но надо вернуться ко времени, предшествовавшему 1848 году. Гегельянская философія была тогда подъ обаяніемъ всѣхъ этихъ діалектическихъ фокусовъ, которые снова вызывали въ *Философіи религіи* разрушенную и сломленную въ *Феноменологіи* и *Логикѣ* религію. Это было время, когда еще восхищались тѣмъ, что философскій языкъ достигъ такого совершенства, что посвященные видѣли атеизмъ тамъ, гдѣ профаны находили вѣру

Эта преднамѣренная неясность, эта осмотрительная осторожность не могли не вызвать ожесточенной оппозиціи со стороны искренняго человѣка. Бѣлинскій, чуждый схоластики и свободный отъ протестантской суровости и прусскаго приличія, былъ возмущенъ этой цѣломудренной наукой, которая прикрываетъ фиговымъ листомъ истину.

Однажды послѣ спора о боязливомъ берлинскомъ пантеизмѣ, длившагося нѣсколько часовъ, Бѣлинскій поднялся и съ дрожью въ голосѣ сказалъ: «Вы хотите меня заставить повѣрить, что цѣль человѣка—довести абсолютный разумъ до познанія самого себя, и вы довольны этой ролью; что касается меня, я не настолько глупъ, чтобы служить невольнымъ орудіемъ кому бы то ни было. Если я мыслю, если я страдаю — все для меня самого. Вашъ обсолютный разумъ, если онъ и существуетъ, для меня чуждъ. Я его не знаю, ибо у меня съ нимъ нѣтъ ничего общаго».

Мы приводимъ эти слова только для того, чтобъ еще разъ показать складъ русскаго ума. Съ тѣхъ поръ, какъ начали проповѣдывать нелѣпость дуализма, первый талантливый русскій человѣкъ, занявшійся нѣмецкой философіей, замѣтилъ, что она реальна только на словахъ, оставаясь, въ сущности, земной религіей, религіей безъ неба, обителью

логики, куда люди спасаются, чтобы погрузиться въ абстракціи.

Публичная дѣятельность Бѣлинскаго начинается только съ 1841 года. Онъ овладѣлъ тогда направленіемъ *Отечественныхъ Записокъ* въ Петербургѣ и доминировалъ въ журналистикѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ палъ, какъ воинъ, вмѣстѣ съ русской журналистикой. Онъ умеръ въ 1848 г., изнуренный трудомъ, послѣ массы оскорбленій, какъ жертва ужасной нужды.

Бѣлинскій много сдѣлалъ для пропаганды. Вся студенческая молодежъ воспиталась на его статьяхъ: онъ развилъ эстетическій вкусъ публики, онъ далъ силу мысли. Его критика проникла глубже, чѣмъ критика Полевого, возбуждая другіе вопросы и другія сомнѣнія. Его мало цѣнили; при жизни его самолюбіе слишкомъ страдало, тщеславіе было слишкомъ оскорблено; послѣ его смерти правительство запретило писать о немъ, и это-то побудило меня распространиться о немъ больше, чѣмъ о другихъ.

Его стиль былъ часто угловатъ, но всегда энергиченъ. Онъ и воспринималъ и передавалъ свои мысли со страстью; чувствуется въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ писалъ своею кровью; чувствуется, сколько онъ тратилъ силъ, насколько онъ расходовался; болѣзненный и раздражительный, онъ не зналъ предѣловъ ни въ любви ни въ ненависти. Онъ часто увлекался, временами очень несправедливо, но оставался всегда безупречно искреннимъ.

Столкновеніе Бѣлинскаго со славянофилами было неизбѣжно.

Мы говорили, что это былъ одинъ изъ самыхъ свободныхъ людей, не связанный ни вѣрой ни традиціями. Не завися отъ общественнаго мнѣнія и не признавая никакихъ другихъ авторитетовъ, онъ не боялся ни гнѣва друзей ни ужаса *прекрасныхъ душъ*. Онъ всегда былъ готовъ, какъ часовой, стоящій на-стражѣ критики, указать и заклеймить все, что считалъ реакціоннымъ. Какъ же могъ онъ оставить въ покоѣ православныхъ и ультрапатріотичныхъ славянофиловъ,— онъ, который видѣлъ тяжелыя цѣпи въ томъ, что славянофилы считали самыми священными связями?

Среди славянофиловъ были люди талантливые и ученые, но не было ни одного публициста; ихъ журналъ (*Москвитянинъ*) не имѣлъ вовсе успѣха. Въ то время, какъ неспособные люди изъ этой партіи писали постоянно, талантливые почти не брались за перо.

Громадное преимущество славянофиловъ передъ западниками имѣло для нихъ пагубное значеніе. Они взяли подъ свою защиту православіе и народность, тогда какъ западники и на то и на другую нападали. Имъ можно было говорить почти все и быть увѣреннымъ въ полученіи орденовъ, пенсій, учительскихъ мѣстъ при Дворѣ и камеръ-юнкерскихъ чиновъ. Бѣлинскій, напротивъ, не могъ ни о чемъ говорить: слишкомъ прозрачное выраженіе и неосторожное слово могли привести его въ тюрьму и скомпрометировать журналъ, редактора и цензора. Тѣмъ не менѣе, именно по этой причинѣ дерзкій писатель, предъ лицомъ Петропавловской крѣпости защищавшій независимость,

привлекалъ всѣ симпатіи на свою сторону. Всѣ же антипатіи приходились на долю его противниковъ, которые подъ защитой «нѣмцевъ» изъ Петербурга показывали за стѣнами Кремля и Успенскаго собора кулакъ. Общество угадывало и дополняло все, что не было досказано Бѣлинскимъ и его друзьями. Рѣчи же славянофиловъ казались мало деликатными и честными.

Поспѣшимъ оговориться, что сторонниками правительства славянофилы никогда не были. Конечно, въ Петербургѣ существуютъ панслависты-государственники, а въ Москвѣ «союзные славяне», подобно тому, какъ среди балтійскихъ нѣмцевъ и замиренныхъ кавказскихъ черкесовъ есть русскіе патріоты, но о подобныхъ людяхъ не стоитъ говорить. Все это—охотники до крѣпостного права, считающіе абсолютизмъ единственной цивилизованной формой правленія; они проповѣдуютъ превосходство донского вина надъ виномъ Котдора и *обрусеніе* западныхъ славянъ, вселяя въ этихъ послѣднихъ благородную ненависть къ нѣмцамъ и мадьярамъ, такъ хорошо служившимъ разнымъ Виндишгрецамъ и Гайнау. Правительство, не признавая ихъ офиціальнаго ученія, оплачиваетъ издержки ихъ путешествій и отправляетъ къ ихъ друзьямъ, чехамъ и кроатамъ, голштинскіе кресты св. Анны, приготовляя этимъ чехамъ и кроатамъ братскія объятія, въ которыхъ уже задохлась Польша.

Что касается истинныхъ славянофиловъ, ихъ добрыя сношенія съ правительствомъ были скорѣе несчастіемъ, чѣмъ желаніемъ. Подобныя положенія являются послѣдствіемъ всякаго опирающагося

на власть ученія. Оно можетъ быть революціонно въ идеѣ, но оно необходимо становится консервативнымъ въ остальныхъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, находится передъ печальной альтернативой вступить въ союзъ со своими врагами или оставить свои принципы. Одного сближенія со своимъ врагомъ достаточно, чтобы пробудить сознаніе.

Бѣлинскій и его друзья противополагали славянофиламъ не ученіе и не исключительную систему, а горячую симпатію всему тому, что волнуетъ современнаго человѣка, безграничную любовь къ свободѣ мысли и столь же сильную ненависть ко всему тому, что ее затрудняетъ: къ власти, силѣ и вѣрѣ. Они разсматривали русскій и европейскій вопросы совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ славянофилы.

Имъ казалось, что одной изъ самыхъ важныхъ причинъ рабства, въ которомъ находилась Россія, былъ недостатокъ личной независимости; отсюда—полное отсутствіе уваженія къ индивиду какъ со стороны правительства и оппозиціи, такъ и со стороны общества; отсюда — цинизмъ власти и долготерпѣніе народа. Будущее Россіи представитъ огромную опасность для Европы и будетъ полно несчастій для нея самой, если въ личное право не проникнетъ элементъ освобожденія. Одно еще столѣтіе нынѣшняго деспотизма, — и отъ всѣхъ лучшихъ качествъ русскаго народа не останется и слѣда.

По счастію, Россія въ этомъ важномъ вопросѣ индивидуальности находится на особомъ положеніи.

Для человѣка Запада то великое зло, которое поддерживаетъ рабство, пауперизмъ массъ и безсиліе революцій, состоитъ въ моральномъ порабощеніи. Это не недостатокъ вообще чувства личности, а недостатокъ опредѣленности этого чувства. Въ настоящее время оно извращено историческимъ прошлымъ, которое суживаетъ чувство личной независимости. Европейскіе народы такъ много вложили души и крови въ прошлыя революціи, что онѣ вѣчно живы, а человѣкъ не можетъ сдѣлать ни одного шага, не задѣвъ воспоминаній, этихъ *fueros*, болѣе или менѣе для него обязательныхъ и въ той или другой степени имъ сознаваемыхъ. Всѣ вопросы уже были разрѣшены наполовину; движенія, отношенія людей между собой, обязанности, нравственность и преступленія,— все было опредѣлено. Взаимное соглашеніе людей играло здѣсь такую же роль, какъ и непреодолимая сила событій. Слѣдствіемъ этого явилось то, что личности вмѣсто того, чтобы сохранить за собой свободу дѣйствія, оставалось или подчиниться или возстать. И вотъ эти непрошенныя нормы, эти понятія цѣликомъ пересѣкли океанъ и вошли въ основной договоръ совершенно новой республики; они пережили гильотинированнаго короля и спокойно заняли мѣсто на скамьяхъ якобинцевъ и въ конвентѣ. Долгое время эту массу полуистинъ и полупредразсудковъ принимали за твердое и абсолютное основаніе соціальной жизни, за непреложные, исключающіе всякое сомнѣніе результаты. На самомъ дѣлѣ всѣ эти рѣшенія въ отдѣльности были истиннымъ прогрессомъ и дѣйствительной побѣдой надъ своимъ временемъ, но изъ совокупности этихъ завоеваній мало-по-малу стали воздвигаться стѣны новой тюрьмы. Еще съ самаго начала столѣтія мыслящіе люди предчувствовали это, но на пути разрушенія воздвигаемыхъ стѣнъ имъ пришлось столкнуться сразу не только съ толщиной этихъ стѣнъ, но и съ массой препятствій въ дѣлѣ самаго разрушенія.

Россія находится въ совершенно иномъ положеніи. Деревянныя стѣны ея тюрьмы, построенныя грубой силой, подадутся съ первымъ ударомъ. Часть народа, которая вмѣстѣ съ Петромъ I отреклась отъ своего прошлаго, показала ту силу отрицанія, какой она обладаетъ. Другая часть осталась чуждой современному государству. Покорившись ему, она не приняла новаго режима, который казался ей временнымъ этапомъ. Повиновались изъ страха, но не изъ вѣры.

Было ясно, что ни Западной Европѣ ни современной Россіи дальше нельзя продолжать свой путь, не измѣнивъ совершенно своей политической и моральной жизни. Но Европа, подобно Никодиму, слишкомъ была богата, чтобы пожертвовать своимъ имуществомъ ради надежды. Евангельскимъ рыбакамъ нечего было жалѣть, имъ было легко промѣнять свои сѣти на суму. Все ихъ имущество составляла только живая душа, способная воспринять слово.

Это отношеніе къ своему прошлому и прошлому Европы, въ которомъ Россія имѣла мѣсто, было ново и казалось очень благопріятнымъ развитію личной независимости. Появившееся ученіе вмѣ-

сто пользы лишало Россію единственной выгоды, которую завѣщала ей исторія. Ненавидя, подобно намъ, настоящее Россіи, славянофилы хотѣли заимствовать у прошлаго цѣпи, въ родѣ тѣхъ, которыя сковывали ходъ Европы. Они смѣшивали идею свободной личности съ идеей узкаго эгоизма; они приняли его за *европейскую*, западную идею и, выставляя насъ слѣпыми почитателями образованности Запада, постоянно представляли намъ ужасную картину европейскаго разложенія, истощенія народовъ, безсилія революцій и приближенія мрачнаго и рокового кризиса. Все это вѣрно, только они забыли назвать намъ тѣхъ, кто открылъ всѣ эти истины.

Европа не слыхала ни поэзіи Хомякова ни прозы редакторовъ *Москвитянина*, чтобы понять, что она была наканунѣ катаклизма, возрожденія или полнаго разложенія. Сознаніе упадка въ нынѣшнемъ обществѣ есть соціализмъ, и, конечно, ни Сенъ-Симонъ, ни Фурье, ни этотъ новѣйшій Самсонъ, изъ нѣдръ своей тюрьмы потрясающій европейское зданіе, не заимствовали своихъ грозныхъ приговоровъ Европѣ въ сочиненіяхъ Шаффарика, Колара и Мицкевича. Сенъ-симонизмъ былъ извѣстенъ въ Россіи за десять лѣтъ до того, какъ онъ сталъ вопросомъ для славянофиловъ.

Не легко Европѣ, сказали бы мы славянофиламъ, освободиться отъ своего прошлаго; она хранитъ его вопреки своимъ интересамъ, потому что ей извѣстно, какой цѣной покупаются революціи, да, и кромѣ того, много есть дорогого въ ея настоящемъ положеніи, что трудно возстановить. Легко

критиковать реформацію и революцію, читая ихъ исторію, но Европа продиктовала и записала ихъ своей собственной кровью. Во имя свободы мысли и правъ человѣка она поднялась въ этой великой борьбѣ за свои надежды на ту высоту убѣжденія, какую, можетъ-быть, нельзя даже осуществить. Мы въ иномъ положеніи, мы болѣе свободны отъ прошлаго; это — великое преимущество, но оно обязываетъ къ большей скромности; это—слишкомъ отрицательное свойство, чтобъ его хвалить, и оно слишкомъ романтично, чтобы возвысить отсутствіе недостатковъ на степень хорошихъ поступковъ. Мы свободны отъ прошлаго, потому что наше прошлое пусто, бѣдно и ограниченно. Невозможно любить подобныя московскому царизму или петербургскому имперіализму явленія. Можно ихъ объяснить, можно среди нихъ найти зародыши иного будущаго, но необходимо, чтобы въ насъ было заложено стремленіе выйти изъ нихъ, какъ изъ пеленокъ. Бросая Европѣ упреки въ томъ, что она не можетъ измѣнить своихъ установленій, славянофилы не только не упоминали о томъ, какъ представляется имъ разрѣшеніе этого великаго противорѣчія индивидуальной свободы и государства, но даже избѣгали входить въ подробности политической славянской организаціи, которая вѣчно была у нихъ на языкѣ. Они ограничивались въ этомъ вопросѣ лишь кіевскимъ періодомъ или придерживались сельской общины. Кіевскій періодъ не могъ помѣшать не только московскому періоду, но даже не отвратилъ гибели всѣхъ свободъ, и община не смогла оградить крестьянина отъ рабства. Далеко не отрицая ея значенія, мы,

однако, боимся за нее. По самому своему существу община лишена прочности, потому что ей недостаетъ свободы личности и независимости. Европа поняла ее, хотя у ней или вовсе не было общины или она погубила ее во время превратностей прежнихъ столѣтій. Россія, наоборотъ, живя въ теченіе тысячи лѣтъ съ этой общиной, не понимала ея до тѣхъ поръ, пока Европа не объяснила ей, какое сокровище скрыто въ ея нѣдрахъ. Славянскую общину стали цѣнить лишь тогда, когда соціализмъ началъ о ней проповѣдывать. Мы предлагаемъ славянофиламъ доказать намъ противное.

Европа не разрѣшила противорѣчія между личностью и государствомъ, но она по крайней мѣрѣ поставила этотъ вопросъ. Россія приблизилась къ проблемѣ съ противоположной стороны, но она не лучше разрѣшила ее. Этотъ вопросъ, какъ онъ является сейчасъ, даетъ начало нашему равенству. У насъ болѣе надеждъ, потому что мы только что начинаемъ, но надежда надеждѣ рознь, въ зависимости отъ того, можетъ ли она осуществиться.

Ни въ исторіи ни въ природѣ не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на будущее. Не всякій зародышъ достигаетъ зрѣлаго возраста, и не все то, что зарождается у насъ въ душѣ, реализуется, хотя при иныхъ условіяхъ оно могло бы получить развитіе.

Можно ли представить себѣ, чтобы способности русскаго народа могли развиваться при посредствѣ крѣпостного права, пассивнаго подчиненія и

петербургскаго деспотизма? Продолжительное крѣпостное право — не случайный фактъ, оно естественно вытекаетъ изъ извѣстнаго элемента національнаго характера. Этотъ элементъ можетъ быть заглушенъ, побѣжденъ другими, но онъ можетъ также и быть побѣдителемъ. Если Россія можетъ довольствоваться существующимъ порядкомъ, у нея не будетъ того будущаго, на которое мы надѣемся. Продолжая итти по пути Петербурга или возвращаясь къ традиціямъ Москвы, ей не останется другого призванія, какъ, подобно полуварварской и полуразвращенной ордѣ, обрушиваться на Европу, опустошать цивилизованныя страны и гибнуть среди всеобщаго разрушенія.

Не должно ли, слѣдовательно, всѣми средствами стараться призвать русскій народъ къ сознанію своего мрачнаго положенія, сдѣлать хотя бы попытку убѣдиться въ невозможности этого положенія? И кто же долженъ сдѣлать это, какъ не интеллигенція страны, чрезъ посредство которой народъ познаетъ свое собственное положеніе? Обстоятельства нисколько не мѣняются, будетъ ли число ея мало или велико. Петръ I былъ только одинъ, декабристовъ была горсть. Вліяніе личностей ужъ не настолько мало, какъ склонны это думать; личность — живая сила, могущественный двигатель, дѣйствіе котораго никогда не ослабляется даже смертью. Развѣ мы не видимъ по временамъ, какъ одно слово, сказанное между прочимъ, нарушаетъ равновѣсіе народовъ, вызываетъ или оканчиваетъ революціи?

Что же дѣлали вмѣсто этого славянофилы? Они проповѣдывали покорность, эту первую добродѣ-

тель греческой Церкви, это основаніе московскаго царизма. Они проповѣдывали презрѣніе къ Западу, который одинъ еще былъ въ состояніи озарить пучину русской жизни; они превозносили, наконецъ, прошлое, отъ котораго, напротивъ, необходимо было избавиться, чтобъ отнынѣ будущее Востока и Запада было общимъ.

Очевидно, было необходимо противиться подобному распоряженію умами; полемика дѣйствительно развивалась все болѣе и болѣе. Она длилась до 1848 года и достигла своего кульминаціоннаго пункта около конца 1847 года, какъ бы предчувствуя, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ Россіи ни о чемъ нельзя будетъ спорить, и эта борьба поблѣднѣетъ передъ тяжестью событій.

Двѣ статьи особенно ярко выражали эти два противоположныхъ направленія. Одна подъ заглавіемъ «Юридическое развитіе въ Россіи» была опубликована въ *Современникѣ* въ Петербургѣ. Другая представляла длинный отвѣтъ славянофила, напечатанный въ *Москвитянинѣ*. Первая статья, написанная ясно и энергично, была основана на глубокомъ изученіи русскаго права; она развивала мысль, что въ Россіи личное право никогда не доходило до юридическаго опредѣленія, что сама личность была всегда поглощена семьей, общиной и позднѣе — государствомъ и церковью. Неопредѣленное положеніе личности, по мнѣнію автора, ведетъ къ той же неопредѣленности и во всѣхъ другихъ сферахъ политической жизни. Государство пользовалось этимъ отсутствіемъ опредѣленности, чтобы дѣйствовать въ ущербъ свободамъ, такъ что русская исторія стала исторіей развитія самодержавія и власти подобно тому, какъ исторія Запада есть исторія развитія свободы и права.

Опасность славизма стала очевидна въ отвѣтѣ *Москвитянина*, который почерпнулъ свои доводы въ славянскихъ лѣтописяхъ, греческомъ катихизисѣ и гегельянскомъ формализмѣ. Славянофильскій авторъ думаетъ, что личное начало было хорошо развито въ древней Руси, но что личность, просвѣщенная греческой Церковью, обладала высокимъ даромъ безропотности и добровольно перенесла свою свободу на личность князя. Князь выражалъ собою сожалѣніе, благосклонность и свободную индивидуальность. Каждый отрекался отъ своей личной независимости и въ то же время спасалъ ее въ представителѣ индивидуальнаго начала — въ монархѣ.

Этотъ даръ отреченія и еще болѣе великій даръ отсутствія злоупотребленій сливалъ, по мнѣнію автора, въ созвучный аккордъ князя, общину и индивида, — дивный аккордъ, которому авторъ не находитъ иного объясненія, кромѣ чрезвычайнаго присутствія Святого Духа въ византійской Церкви.

Если славянофилы хотятъ представлять серьезное направленіе, дѣйствительную сторону народнаго сознанія, наконецъ силу, стремящуюся найти себѣ осуществленіе въ русской жизни, если они хотятъ чего-либо бо̀льшаго, нежели археологическіе диспуты и теологическіе споры, то мы въ правѣ требовать, чтобъ они оставили это безнравственное злоупотребленіе словомъ, эту извра-

щенную логику. Мы говоримъ «безнравственное злоупотребленіе», потому что оно совершается съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Что значатъ эти метафорическія рѣшенія, которыя представляютъ собой совершенную противоположность самому вопросу? Почему эти картины, эти символы далеки отъ дѣла? Не научились ли славянофилы въ лѣтописяхъ Восточной Римской имперіи прививать эту византійскую проказу? Мы не греки временъ Палеологовъ, чтобы спорить объ *opus operans* и *opus operatum* въ то время, когда неизвѣстное и грозное будущее стучитъ въ нашу дверь.

Ихъ философскій методъ не новъ. Правое крыло гегельянцевъ говорило точно такъ же уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Всякую нелѣпость можно возвести въ образецъ пустой діалектики, придавъ ей видъ метафизической глубины. Для этого нужно только не знать или забыть, что содержаніе и методъ стоятъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ находятся свинецъ и форма для пуль, и что одинъ только дуализмъ не понимаетъ связывающаго ихъ взаимнаго отношенія. Авторъ, говоря о князѣ, только распространяетъ слишкомъ извѣстное опредѣленіе, данное Гегелемъ рабству въ *Феноменологіи* (*Herr und Knecht*). Но онъ умышленно забылъ, какъ Гегель вышелъ изъ этой низшей ступени человѣческаго сознанія. Замѣчено, что этотъ философскій жаргонъ, принадлежащій по формѣ наукѣ, а по содержанію — схоластикѣ, живетъ у іезуитовъ. Монталамберъ, отвѣчая на запросъ объ ужасахъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ римскихъ тюрьмахъ, сказалъ:

«Вы говорите объ ужасахъ папы, но онъ не можетъ быть жестокъ, его положеніе защищаетъ его отъ этого; онъ, намѣстникъ Іисуса Христа, можетъ только прощать, быть сострадательнымъ, и на самомъ дѣлѣ папы всегда прощаютъ. Св. Петръ можетъ опечалиться, молиться за преступника, но онъ не можетъ быть неумолимъ» и т. д. На вопросъ, употребляется ли пытка въ Римѣ, надо отвѣтить, что папа милостивъ; въ возраженіе на то, что всѣ мы рабы, что право личности въ Россіи не развито, нужно отвѣтить, что мы спасли его, возложивъ его на главу князя. Насмѣшка, вызывающая презрѣніе къ человѣческому слову! Опираться на религію не совсѣмъ удобно, но опираться на принудительную религію и еще того менѣе. Каждый авторъ имѣетъ неоспоримое право вѣрить въ то, что кажется ему хорошимъ, но возлагать надежды на богословскіе доводы въ научномъ спорѣ съ человѣкомъ, который умалчиваетъ о своей религіи, — прямо неприлично. Зачѣмъ прятаться за неприступную крѣпость, самое незначительное нападеніе на которую ведетъ въ тюрьму?

Къ тому же невозможно понять, какъ славянофилы, если ихъ религія была дѣйствительно имъ дорога, потеряли всякую склонность къ лицемѣрному методу *Философіи религіи*, этой слабой, лишенной вѣры реабилитаціи, этой холодной и блѣдной защитительной рѣчи, гдѣ гордая наука, похоронивъ свою сестру, бросаетъ ей улыбку сожалѣнія? Какъ у нихъ хватаетъ мужества все, что только есть у нихъ самаго священнаго, вовлекать въ диспуты, гдѣ не существуетъ благоговѣ-

нія къ ихъ святынѣ и гдѣ ее только терпятъ изъ уваженія къ полиціи?

Это не все; авторъ статьи страннымъ образомъ прицѣпляется къ своимъ противникамъ за недостатокъ патріотизма въ нихъ, за ихъ слабую любовь къ націи. Это — главная черта у славянофиловъ; о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Они претендуютъ на монополію въ патріотизмѣ, считаютъ себя русскими болѣе, чѣмъ кто-либо, и постоянно упрекаютъ насъ за наше негодованіе противъ существующаго правительства Россіи. Они бросаютъ намъ упреки за недостатокъ любви къ народу, за наши горькія и полныя гнѣва рѣчи, за нашу искренность, благодаря которой мы видимъ темныя стороны русской жизни.

Казалось бы, у партіи, которую отправляютъ на висѣлицу, лишаютъ имуществъ и высылаютъ, нѣтъ недостатка ни въ патріотизмѣ ни въ убѣжденіи. 14 декабря, какъ извѣстно, не было дѣломъ славянофиловъ; всѣ гоненія были предназначены для насъ, — судьба до сего дня щадила славянофиловъ.

Дѣйствительно, ненависть была въ нашей любви, мы недостойны, мы бросаемъ упрекъ и народу и правительству за то положеніе, въ которомъ мы находимся; мы не боимся высказывать самыя жестокія истины, но мы говоримъ ихъ потому, что любимъ. Мы не бѣжимъ отъ настоящаго къ прошлому, ибо знаемъ, что современное государство есть прошлая страница исторіи. Мы не затыкаемъ ушей на крикъ народнаго горя и имѣемъ мужество съ сокрушеннымъ сердцемъ утверждать, насколько крѣпостное право его развратило. Скрывать эти печальные результаты — не любовь, а тщеславіе. Крѣпостное право передъ нашими глазами, и насъ обвиняютъ въ клеветѣ и не хотятъ, чтобы печальная картина крестьянина, разграбленнаго дворянствомъ и правительствомъ, продаваемаго почти-что съ вѣсу, приниженнаго розгами и поставленнаго внѣ закона, и днемъ и ночью преслѣдовала насъ, какъ укоръ совѣсти и обвиненіе. Славянофиламъ болѣе нравится читать легенды временъ Владимира, они хотятъ видѣть Лазаря, покрытаго не струпьями, а шелковой матеріей. Нужно воздвигнуть для нихъ такъ же, какъ для Екатерины, деревни изъ картона и сады изъ кулисъ во всю длину пути отъ Петербурга до Крыма.

Великій актъ обвиненія, которое русская литература ставитъ русской жизни, полное и пламенное порицаніе нашихъ собственныхъ ошибокъ, признаніе ужаса нашего прошлаго, горькая иронія, заставляющая краснѣть за настоящее, — въ этомъ наша надежда, наше спасеніе, прогрессивный элементъ русской натуры.

Какой смыслъ произведеній Гоголя, которому славянофилы удивляются съ такимъ преувеличеніемъ? Кто выше него воздвигъ позорный столбъ, къ которому привязана русская жизнь? Авторъ статьи въ *Москвитянинѣ* говоритъ, что Гоголь «спустился, подобно рудокопу, въ этотъ мрачный міръ безъ громовъ и потрясеній, неподвижный и однообразный, въ это болото безъ дна, которое пріятно, но безъ возврата засасываетъ *все бодрое* (буквальное выраженіе славянофила); онъ спустился, подобно рудокопу, нашедшему подъ зе-

млей жилу, которая еще не была начата». Да, Гоголь почувствовалъ подъ невоздѣланной землей эту силу, этотъ дѣвственный источникъ. Можетъ-быть даже, эта жила уже была начата, но, къ несчастью, онъ преждевременно рѣшилъ, что достигъ дна, и вмѣсто того, чтобы продолжать очистку, началъ искать золота? Каковъ былъ результатъ? Онъ сталъ защищать то, что разрушилъ, сталъ защищать крѣпостное право и кончилъ тѣмъ, что палъ на колѣни передъ представителемъ «благосклонности и любви».

Что думаютъ славянофилы о паденіи Гоголя? Они, быть-можетъ, находятъ въ немъ болѣе логики, чѣмъ слабости. Отъ православнаго смиренія и отреченія, которое ставитъ индивидуальность князя на мѣсто своей индивидуальности, до обожанія самодержавія одинъ шагъ.

Что можно сдѣлать для Россіи передъ лицомъ императора? Времена великаго царя Петра I прошли. Въ Зимнемъ дворцѣ нѣтъ болѣе Петра—великаго человѣка. Этотъ человѣкъ въ насъ самихъ.

Пора понять это. Пора соединиться не только во имя Россіи, но и во имя независимости и оставить борьбу, уже ставшую теперь младенческой.

Со дня на день можетъ обрушиться дряхлое соціальное зданіе Европы. Россія можетъ окунуться въ бурный потокъ страшной революціи. Время ли продолжать семейные споры и дожидаться, что событія пройдутъ мимо насъ, пока мы

приготовимся къ тѣмъ рѣшеніямъ и словамъ, которыхъ, можетъ-быть, отъ насъ ожидаютъ?

Развѣ нѣтъ въ нашемъ распоряженіи открытой арены для примиренія?

Развѣ славянофилы не приняли, подобно намъ, того самаго соціализма, который такъ рѣшительно и глубоко раздѣляетъ Европу на два враждующихъ лагеря? На этомъ мосту мы можемъ протянуть другъ другу руку.

Заключеніе.

Нарастаніе и расширеніе революціонныхъ идей началось лѣтъ за семь или восемь до февральской революціи. Благодаря пропагандѣ и этой внутренней работѣ, которая приняла весьма значительные размѣры, онѣ шли все шире и шире. Правительство, казалось, утомилось преслѣдованіями.

Самымъ важнымъ вопросомъ было освобожденіе крестьянъ. Онъ выдѣлялся изъ ряда всѣхъ другихъ вопросовъ и волновалъ какъ правительство и дворянъ, такъ и народъ. Стали ясно чувствовать, что съ веревкой рабства на шеѣ итти дальше невозможно.

Желаніе правительства итти навстрѣчу освобожденію вполнѣ обнаруживалъ уже указъ отъ 2 апрѣля 1842 года. Этотъ указъ приглашалъ и ту и другую стороны сговориться на нѣкоторой уступкѣ какъ правъ, такъ и обязанностей.

Провинціальное дворянство пришло въ движеніе и раздѣлилось на двѣ партіи: за и противъ освобожденія, о чемъ рѣшались говорить даже на выборахъ. Для разработки вопроса освобожденія въ двухъ или трехъ главныхъ мѣстахъ были составлены съ разрѣшенія правительства комитеты. Негодованіе охватило ту часть помѣщиковъ, которая въ этомъ важномъ соціальномъ вопросѣ видѣла лишь посягательство на ихъ привилегіи и собственность. Опираясь на придворное дворянство, они всячески сопротивлялись нововведеніямъ. Болѣе молодое поколѣніе смотрѣло бодрѣе и полагалось болѣе на расчетъ. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ немногихъ лицахъ, преданныхъ дѣлу, которыя были готовы принести въ жертву свое достояніе и стереть съ лица Россіи позорное слово рабства, искупивъ тѣмъ свою продолжительную эксплоатацію крестьянъ. Все общество должно быть охвачено революціей, чтобъ отдѣльные энтузіасты могли увлечь его за собою. Только при этомъ условіи благородная толпа и увлекла 4 августа 1792 года французскую аристократію. Большинство дѣятелей освобожденія считало его не только глубоко справедливымъ, но прямо-таки необходимымъ. Они желали освободить крестьянъ и какъ можно болѣе уменьшить свои будущія потери. Императоръ или народъ, вступивъ на путь реформъ, остановились бы, вѣроятно, только передъ экспропріаціей, если бъ оппозиція помѣщиковъ оставалась пассивной.

Представитель вопроса освобожденія изъ правительственнаго лагеря, министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, который уничтожилъ своими комментаріями указъ 2 апрѣля, со всѣхъ сторонъ имперіи получали проекты. Эти проекты, плохи они или хороши, обнаруживали большую тревогу въ странѣ.

И правительство, и дворянство, и народъ совершенно не думали объ освобожденіи крестьянъ

«безъ ихъ земли». Этотъ принципъ, несмотря на всю разницу мнѣній, воззрѣній, положеній и интересовъ былъ принятъ безъ споровъ. Безконечно мѣняли оцѣнки надѣловъ и условія выкупа, но никто, кромѣ нѣкоторыхъ неизлѣчимыхъ адептовъ старой политической экономіи, не говорилъ серьезно объ ихъ освобожденіи *на положеніи пролетаріевъ* (*dans le proletariat*). Перспектива создать двадцать милліоновъ пролетаріевъ заставляла не безъ причины дрожать правительство и помѣщиковъ. И, однако, съ точки зрѣнія *религіи собственности*, съ точки зрѣнія неотъемлемаго и абсолютнаго права владѣнія и неограниченнаго пользованія, не было никакого средства рѣшить этотъ вопросъ безъ массоваго возстанія крестьянъ, безъ потрясенія основъ земельной собственности: измѣненіе собственности, какъ это принято считать установленнымъ въ политической экономіи, производится съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что въ государствѣ, гдѣ человѣкъ считается *вещью*, гдѣ онъ принадлежитъ землѣ, составляетъ часть помѣстья и продается вмѣстѣ съ нимъ, было бы такъ мало развито поклоненіе собственности. У насъ ее защищаютъ съ упорствомъ, какъ добычу, но не какъ право. Было очень трудно поселить вѣру въ ненарушимость и справедливость права, нелѣпости котораго были очевидны какъ для той, такъ и для другой стороны: для помѣщика, который *владѣлъ* крестьяниномъ, и для крестьянина-раба, который не былъ собственникомъ своего *владѣнія*. Знали, что происхожденіе правъ помѣщика было довольно темно. Ни для кого не было

тайной, что рядъ полицейскихъ произвольныхъ мѣръ мало-по-малу сдѣлалъ земледѣльческую Россію рабой Россіи дворянской. Цѣлый рядъ всевозможныхъ способовъ можно было представить для ея освобожденія.

Идеи собственности не могли твердо укорениться въ силу недостатка въ установленныхъ юридическихъ понятіяхъ и неопредѣленности правъ. Русскому народу была извѣстна лишь община, и свои права онъ понималъ только по отношенію къ общинѣ. Внѣ ея онъ не признаетъ повинностей, а видитъ только насиліе. Уступая только силѣ, онъ подчиняется этому насилію. Явная несправедливость одной части законодательства вызвала въ немъ презрѣніе и къ другой. Всякое уваженіе къ законности было убито въ немъ полнымъ неравенствомъ передъ закономъ. Русскій нарушаетъ законъ, гдѣ только возможно сдѣлать это безнаказанно. Принадлежность къ тому или другому классу не мѣняетъ дѣла. Правительство поступаетъ такимъ же образомъ. Подобное положеніе теперь печально и ужасно, но въ будущемъ оно будетъ имѣть огромное преимущество.

Видимый укладъ жизни въ Россіи не скрываетъ за собой обоготвореннаго видоизмѣненія дѣйствительности. У насъ нѣтъ того несбыточнаго идеала, который, никогда не совпадая съ дѣйствительностью, въ то же время постоянно ее обѣщаетъ. За нашей внѣшней оградой нѣтъ такой высшей силы, которая имѣла бы надъ нами власть. Въ Россіи вопросъ о революціи сводится къ вопросу о матеріальной силѣ. Благодаря этому и нѣкоторымъ инымъ обстоятельствамъ, о которыхъ

было уже упомянуто, Россія представляетъ изъ себя благодатную почву для соціальнаго перерожденія.

Мы уже говорили, что послѣ 1830 года, съ появленіемъ сенъ-симонизма, соціализмъ произвелъ на умы москвичей огромное впечатлѣніе. Въ силу привычки къ общинной жизни, къ раздѣлу земель и рабочимъ артелямъ въ этой доктринѣ видѣли проявленіе болѣе родственнаго чувства, чѣмъ въ политическихъ доктринахъ. Соціализмъ не такъ оскорбилъ насъ, какъ западнаго буржуа, потому что мы были свидѣтелями этого чудовищнаго злоупотребленія правомъ собственности. Соціальныя тенденціи и внушенія мало-по-малу начали проникать и въ литературныя произведенія. Даже у славянофиловъ въ романахъ и повѣстяхъ стали раздаваться протесты противъ современнаго общества. Ихъ точка зрѣнія была болѣе, чѣмъ политическая. Достаточно указать на романъ Достоевскаго «Бѣдные люди».

Въ Москвѣ соціализмъ шелъ рука объ руку съ философіей Гегеля. Не трудно понять союзъ современной философіи съ соціализмомъ, и, однако, только въ послѣднее время нѣмцы установили соотвѣтствіе между наукой и революціей, и не потому, что они не понимали этого прежде, но потому, что соціализмъ, какъ все практическое, ихъ не интересовалъ. Нѣмцы могли быть глубоко радикальными въ наукѣ, оставаясь консерваторами въ своихъ дѣйствіяхъ, поэтами на бумагѣ и буржуями въ жизни. Напротивъ, для насъ дуализмъ антипатиченъ. Соціализмъ намъ представлялся наиболѣе естественнымъ силлогизмомъ философіи, приложеніемъ логики къ жизни.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Петербургѣ соціализмъ принималъ иной характеръ. Тамъ революціонныя идеи были болѣе практическими, чѣмъ въ Москвѣ; ихъ холодный фанатизмъ — фанатизмъ математиковъ; въ Петербургѣ любятъ исправность, дисциплину и практическое примѣненіе. Въ то время, какъ въ Москвѣ происходятъ споры, въ Петербургѣ составляютъ товарищества. Именно въ этомъ городѣ масонство и мистицизмъ имѣли своихъ наиболѣе пылкихъ адептовъ. Тамъ издавался *Вѣстникъ Сіона*, органъ библейскаго общества. Заговоръ 14 декабря созрѣлъ въ Петербургѣ. Онъ не былъ бы никогда достаточно развитъ въ Москвѣ для того, чтобы выйти на площадь. Въ Москвѣ очень трудно сговориться, тамъ личность слишкомъ прихотлива и слишкомъ распущена. Въ Москвѣ больше элемента поэтическаго, больше учености и со всѣмъ этимъ больше безпечности и нерадѣнія, больше безполезныхъ словъ и сильнѣе разница во мнѣніяхъ. Сенъ-симонизмъ, неопредѣленный, религіозный и въ то же время не лишенный анализа, удивительно подходилъ къ вкусамъ москвичей. Изучивъ его, они такъ же естественно перешли къ Прудону, какъ отъ Гегеля къ Фейербаху.

Фурьеризмъ больше, чѣмъ сенъ-симонизмъ, подходитъ къ петербургской учащейся молодежи. Фурьеризмъ со своими требованіями немедленнаго осуществленія и практическаго примѣненія долженъ былъ найти откликъ въ Петербургѣ. Хотя онъ тоже строилъ мечты, но въ этихъ мечтахъ

онъ опирался на ариѳметическій расчетъ, свою поэзію скрывалъ подъ именемъ промышленности, а любовь къ свободѣ облекалъ въ проповѣдь рабочихъ ассоціацій. Фаланстеръ — та же русская община. Это — рабочая казарма, военная колонія на гражданскій ладъ или промышленный полкъ. Извѣстно, что открытая оппозиція въ борьбѣ съ правительствомъ всегда имѣетъ что-то общее съ нимъ въ своемъ характерѣ, но только противоположнаго направленія. Я увѣренъ, что въ той боязни, которую русское правительство испытываетъ передъ коммунизмомъ, есть нѣкоторая доля основанія. Вѣдь коммунизмъ — отрицаніе русскаго самодержавія.

Именемъ этихъ теорій, хотя, можетъ-быть, урѣзанныхъ и ограниченныхъ, но всегда дѣятельныхъ и практическихъ, Петербургъ опередитъ Москву. Честь иниціативы будетъ за нимъ и Варшавой, но, если царизмъ погибнетъ, центръ свободы будетъ въ Москвѣ, сердцѣ Россіи.

Полная неудача французской революціи, несчастный исходъ ея въ Вѣнѣ и комическій въ Берлинѣ дали поводъ въ Россіи къ двойной реакціи. Все было вновь парализовано. Проектъ освобожденія крестьянъ былъ оставленъ и замѣненъ проектомъ закрытія всѣхъ университетовъ. Были созданы двойная цензура и новыя затрудненія для полученія заграничныхъ паспортовъ. Стали преслѣдовать журналы, книги, слова, костюмы, женщинъ и дѣтей.

Въ 1849 году снова рядъ молодыхъ героевъ былъ отправленъ въ тюрьмы и оттуда — на каторжныя работы въ Сибирь. Этотъ ужасный терроръ погубилъ всякія начинанія и заставилъ всѣхъ опустить голову. Снова скрылась интеллектуальная жизнь, царствовали лишь страхъ и нѣмое отчаяніе. Съ каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ изъ Россіи, сердце наполнялось отчаяніемъ и глубокой скорбью.

Мы не станемъ останавливаться на этой печальной картинѣ неравной борьбы, гдѣ каждый разъ мысль подавлялась силой. Здѣсь нѣтъ ничего новаго, это нескончаемый процессъ, который доводитъ время отъ времени до креста, ауто-да-фе, разстрѣловъ, повѣшеній и ссылокъ.

Что бы ни говорили, кровавыя средства, которыя употребляетъ правительство, не въ силахъ подавить всѣхъ зародышей прогресса. Гибнетъ множество людей въ ужасныхъ нравственныхъ пыткахъ, но подождемъ — вѣдь на самомъ дѣлѣ всѣ эти мѣры болѣе пробуждаютъ, чѣмъ укрощаютъ.

Чтобы дѣйствительно заглушить въ Россіи революціонный принципъ, сознаніе своего положенія и желаніе изъ него вырваться, надо было бы, чтобъ Европа прониклась еще болѣе, чѣмъ сама Россія, воззрѣніями и видами петербургскаго правительства, надо, чтобъ ея возвратъ къ абсолютизму свершился во всей своей полнотѣ. Надо было бы съ чела Франціи стереть слово *Республика* — это ужасное слово, даже если оно ложь и насмѣшка. Надо вырвать у Германіи неосторожно дарованное право свободы слова. Только тогда, когда прусскій жандармъ при помощи кроата разобьетъ послѣдніе печатные станки о подножіе статуи Гуттенберга, сброшенной въ грязь невѣждами-монахами, когда въ Парижѣ

на площади Революціи палачъ съ благословенія папы предастъ сожженію произведенія французскихъ философовъ, — тогда только всемогущество царя достигнетъ своего апогея.

Возможно ли это?

Кто можетъ сказать въ наши дни, что возможно и что не возможно? Сраженіе не кончено, борьба въ самомъ разгарѣ.

Будущее Россія никогда не было такъ тѣсно связано съ будущимъ Европы, какъ теперь. Повидимому, можно надѣяться..., но мы не хотѣли бы давать отвѣта не только изъ ребяческаго тщеславія, изъ страха, что будущее насъ обманетъ, но по невозможности что-либо предугадать въ вопросѣ, рѣшеніе котораго зависитъ не исключительно отъ внутреннихъ данныхъ.

Съ одной стороны, русское правительство не является русскимъ. Его обычное направленіе — деспотизмъ и реакція. Оно болѣе нѣмецкое, чѣмъ русское, какъ говорятъ славянофилы. Это объясняетъ ту симпатію и любовь, съ которой относятся къ нему другія правительства. Петербургъ — это новый Римъ, Римъ съ его всеобщимъ рабствомъ, это — столица абсолютизма. Вотъ почему императоръ русскій братается съ императоромъ австрійскимъ и помогаетъ ему угнетать славянъ. Начало его власти не національно, а абсолютизмъ болѣе космополитиченъ, чѣмъ революція.

Съ другой стороны, надежды и стремленія революціонной Россіи совпадаютъ съ надеждами и стремленіями революціонной Европы. Ихъ будущій союзъ уже можно предвидѣть.

Національный элементъ, который вноситъ Россія, это — свѣжесть молодости и естественное стремленіе къ соціалистическимъ учрежденіямъ.

Тупикъ, куда зашли государства Европы, очевиденъ. Необходимо или выйти изъ него или итти еще далѣе. Противорѣчія неумолимы, вопросы, благодаря страданіямъ и ненависти, слишкомъ назрѣли, чтобы можно было остановиться на полурѣшеніяхъ и мирныхъ сдѣлкахъ между властью и свободой. Но если и нѣтъ спасенія государствамъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, то родъ ихъ смерти можетъ быть весьма различенъ. Эта смерть можетъ явиться чрезъ возрожденіе, чрезъ гніеніе, чрезъ революцію или чрезъ реакцію.

Консерватизмъ, не имѣя иного назначенія, кромѣ сохраненія стараго *statu quo*, такъ же разрушителенъ, какъ и революція. Онъ уничтожаетъ старый порядокъ не жаркимъ пламенемъ пожара, а медленнымъ огнемъ истощенія.

Если консерватизмъ получитъ преобладаніе въ Европѣ, то царская власть не только раздавитъ цивилизацію, но и уничтожитъ самый типъ цивилизованнаго человѣка, а затѣмъ...

А затѣмъ передъ нами совершенно новый вопросъ, таинственное будущее. Самодержавіе, восторжествовавъ надъ цивилизаціей, очутился лицомъ къ лицу съ грандіознымъ крестьянскимъ возстаніемъ въ родѣ Пугачовскаго. Половина силы петербургскаго правительства зиждется на цивилизаціи и на томъ глубокомъ различіи, которое оно создало между образованнымъ классомъ и крестьянствомъ. Правительство постоянно опи-

рается на первыхъ: у дворянства оно беретъ средства, людей и совѣты. Ломая въ своихъ рукахъ столь существенное орудіе, императоръ вновь становится *царемъ*, но для этого ему будетъ еще недостаточно отпустить бороду и надѣть *зипунъ*. Голштинъ-которпскій домъ слишкомъ по-нѣмецки педантиченъ, слишкомъ опытенъ для того, чтобы откровенно броситься въ руки наполовину дикаго національнзма, чтобы стать во главѣ народнаго движенія, которое прежде всего захочетъ свести свои счеты съ дворянствомъ и распространить общинные принципы деревни на всѣ виды собственности, на города, на все государство.

Мы видѣли монархію съ республиканскими учрежденіями, но наше воображеніе совершенно отказывается понять русскаго императора, окруженнаго коммунистическими учрежденіями.

Прежде чѣмъ осуществится это отдаленное будущее, произойдетъ много событій, и вліяніе императорской Россіи будетъ не менѣе пагубнымъ для реакціонной Европы, чѣмъ вліяніе этой послѣдней для Россіи. Это она, это солдатская Россія хочетъ штыками положить конецъ тѣмъ вопросамъ, которые такъ волнуютъ свѣтъ. Это она шумитъ и грохочетъ, подобно морю, у дверей цивилизованнаго міра, всегда готовая выйти изъ своихъ предѣловъ, всегда горящая желаніемъ захвата, какъ будто бы ей нечего дѣлать у себя дома, какъ будто бы мучительныя угрызенія совѣсти смущали духъ ея властелиновъ.

Одна лишь реакція можетъ открыть эти двери. Лишь Габсбурги и Гогенцоллерны будутъ добиваться братской помощи русской арміи и указывать ей путь къ сердцу Европы.

Тогда-то приверженцы порядка узнаютъ, что̀ такое *сильное правительство*, что̀ такое уваженіе къ власти. Мы теперь же совѣтуемъ маленькимъ германскимъ князькамъ изучить участь грузинскихъ князей, которые за гроши, за титулъ высочества и право имѣть на каретѣ корону переселились въ Петербургъ. Нѣтъ, революціонная Европа не можетъ быть побѣждена царской Россіей. Она спасетъ Россію отъ ужаснаго кризиса, а себя спасетъ отъ Россіи.

Русское правительство своей двадцатилѣтней работой создало неразрывную связь между революціонной Европой и революціонной Россіей.

Между Россіей и Польшей болѣе не существуетъ границъ.

Дѣйствительно, Европѣ извѣстно, какъ рѣшительно на всѣхъ поляхъ битвы, гдѣ только дѣло шло о завоеваніи свободы какого-либо народа, Польша, эта всѣми оставленная нація, въ неравной борьбѣ проливала потоками свою кровь. Извѣстно, что этотъ народъ былъ побѣжденъ только численнымъ превосходствомъ. Его разсѣяніе среди другихъ народовъ Европы было скорѣе шествіемъ побѣдителя, чѣмъ побѣжденнаго. Онъ училъ, но, къ несчастью, безъ успѣха, какъ должно умирать, не покоряясь и не теряя своей чести и вѣры въ будущее.

Такимъ образомъ Польшу можно уничтожить, но сдѣлать рабой ее нельзя. Можно выполнить угрозу Николая, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Варшава, только груду камней съ над-

писью, но нельзя изъ нея сдѣлать мирныхъ рабовъ балтійскихъ провинцій.

Правительство, стараясь слить Польшу съ Россіей, перекинуло громадный мостъ для торжественнаго перехода революціонныхъ идей. Этотъ мостъ, начинаясь у Вислы, кончается у Чернаго моря.

Польшу считаютъ мертвой. Но на каждый призывъ она, подобно оратору польской депутаціи въ 1848 году, отвѣчаетъ «здѣсь»!

Ей нельзя подниматься, не получивъ увѣренности въ своихъ западныхъ сосѣдяхъ. Ей довольно симпатій Наполеона и знаменитыхъ словъ Людовика-Филиппа: «Польская національность не погибнетъ».

Мы сомнѣваемся въ Европѣ, а не въ Польшѣ и Россіи. Будь у насъ хоть небольшая вѣра въ народы Запада, какъ охотно мы сказали бы полякамъ:

«Братья, вы много выстрадали, ваша судьба печальнѣй нашей, но потерпите еще. Ваши несчастья открываютъ великое будущее. Вы насладитесь высшимъ мщеніемъ: чрезъ васъ придетъ освобожденіе народу, руками котораго заковали ваши кандалы. Свобода и независимость создадутъ вамъ братьевъ изъ тѣхъ людей, которые были вашими врагами при царѣ и самодержавіи».

О сельской общинѣ въ Россіи.

Русская сельская община существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Мы находимъ ее въ довольно сходныхъ формахъ у всѣхъ славянскихъ племенъ. Тамъ, гдѣ ея уже не существуетъ, она пала подъ германскимъ вліяніемъ. У сербовъ, болгаръ и черногорцевъ она сохранилась даже въ еще болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ Россіи. Сельская община представляетъ, такъ сказать, соціальное единство и моральную личность. Государство никогда не достигало такого положенія. Община является собственникомъ и платежной единицей; она отвѣтственна за всѣхъ своихъ членовъ и вслѣдствіе этого является автономной во всѣхъ своихъ дѣлахъ внутренняго распорядка.

Ея экономическое начало есть полная антитеза знаменитому изреченію Мальтуса: она предоставляетъ каждому безъ исключенія занять мѣсто за своимъ столомъ. Земля принадлежитъ общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ; этимъ послѣднимъ принадлежитъ неприкосновенное право имѣть такое же количество земли, какимъ владѣетъ каждый другой членъ внутри той же общины. Земля дается ему въ пользованіе въ продолженіе всей его жизни; нельзя да и нѣтъ нужды завѣщать ее по наслѣдству. Его сынъ по достиженіи

совершеннолѣтія также имѣетъ право, даже при жизни отца, требовать у общины себѣ надѣла. Если у отца много дѣтей, каждый изъ нихъ по достиженіи совершеннолѣтія получаетъ надѣлъ; съ другой стороны, послѣ смерти каждаго изъ членовъ семьи земля отходитъ назадъ къ общинѣ.

Часто случается, что очень престарѣлые старики возвращаютъ свою землю и тѣмъ пріобрѣтаютъ право не платить податей. Крестьянинъ, покидающій на нѣкоторое время свою общину, не теряетъ чрезъ это своихъ правъ на землю; избавить отъ него общину можно только путемъ ссылки по мірскому приговору (или по предписанію правительства). Община можетъ принимать подобныя рѣшенія лишь единогласно, но она прибѣгаетъ къ этому средству только въ исключительныхъ случаяхъ. Наконецъ крестьянинъ теряетъ это право еще въ томъ случаѣ, когда онъ по собственной просьбѣ становится свободнымъ, конечно, съ согласія міра. Тогда онъ получаетъ право только взять съ собой свое движимое имущество, въ рѣдкихъ случаяхъ ему позволяютъ распорядиться своимъ домомъ или перевезти его. Въ силу этого сельскій пролетаріатъ — вещь невозможная.

Каждый, владѣющій землей въ общинѣ, т.-е. каждый совершеннолѣтній и платящій подать индивидъ, имѣетъ голосъ въ дѣлахъ общины. Сельскій староста и его помощники выбираются на общемъ сходѣ. То же самое происходитъ при рѣшеніи тяжбъ между различными общинами, при дѣлежѣ земли и раскладкѣ податей. Значеніе личности сводится къ значенію платежной

земельной единицы. Правительство считаетъ только головы, а община уже распредѣляетъ между своими членами всю сумму налога, принимая за единицу активнаго работника, т.-е. работника, пользующагося землей для себя.

Староста имѣетъ сильную власть надъ каждымъ изъ членовъ общины, но не надъ самой общиной. Если бы въ общинѣ было хоть немного согласія, она могла бы весьма значительно уравновѣшивать власть старосты и даже заставить его отказаться отъ своего мѣста, въ случаѣ отказа подчиниться ея желанію. Кругъ его дѣятельности исключительно административный. Всѣ вопросы, за исключеніемъ чисто полицейскихъ, разрѣшаются или старостой на основаніи дѣйствующихъ обычаевъ или на совѣтѣ отцовъ семействъ, домохозяевъ, или, наконецъ, на общемъ сходѣ. Гакстаузенъ допускаетъ большую ошибку, говоря, что староста управляетъ общиной самовластно. Онъ можетъ дѣйствовать самовластно только въ томъ случаѣ, если вся община за него.

Эта ошибка заставляетъ Гакстаузена видѣть въ этомъ старостѣ воплощеніе императорской власти. Императорская власть, результатъ московской централизаціи и петербургской реформы, рѣшительно ничѣмъ не уравновѣшивалась, въ то время какъ староста черпаетъ свою власть въ общинѣ и отъ нея зависитъ.

Огромное большинство городскихъ рабочихъ принадлежитъ къ бѣднымъ сельскимъ общинамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, у кого мало земли; но, какъ уже было сказано, они не теряютъ своихъ правъ въ общинѣ. Такимъ образомъ фабриканты

по необходимости должны платить рабочимъ немногимъ болѣе того, что̀ имъ принесла бы полевая работа.

Часто эти рабочіе отправляются въ города только на зиму. Часть изъ нихъ остается тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Эти послѣдніе образуютъ между собой большія рабочія товарищества. Это — подвижная часть сельской общины. Они ходятъ изъ города въ городъ (ремесла почти свободны) и ихъ общее число въ этихъ товариществахъ повышается нерѣдко до нѣсколькихъ сотенъ, не разъ оно доходило даже до нѣсколькихъ тысячъ. Такъ было, напримѣръ, у петербургскихъ и московскихъ плотниковъ и каменщиковъ и у ямщиковъ на большихъ дорогахъ. Продуктомъ ихъ труда завѣдуютъ выборные начальники. Его распредѣляютъ на общемъ собраніи сообразно общему желанію.

Помѣщикъ можетъ уменьшить дарованную крестьянамъ землю, можетъ отобрать себѣ почву лучшаго качества и увеличить свои помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и работу крестьянъ. Онъ можетъ повысить повинности, но не въ его власти отказать крестьянамъ въ достаточномъ земельномъ надѣлѣ. Земля, принадлежащая общинѣ, жилища, находящіяся въ полномъ ея распоряженіи, и само то начало, которое управляетъ этими свободными землями, не подлежатъ его власти. Помѣщики никогда и не вмѣшиваются въ дѣла общины. Бывали помѣщики, которые думали ввести европейскую систему частной собственности и дать крестьянамъ разъ навсегда отмежеванные надѣлы. Большею частью эти попытки исходили изъ среды балтійскаго провинціальнаго дворянства, но ни одна

изъ нихъ не имѣла успѣха. Всѣ онѣ кончались убійствами помѣщиковъ и поджогами ихъ владѣній. Крестьяне прибѣгали къ этому національному средству всякій разъ, когда желали выразить свой протестъ *). Ужасная исторія военныхъ поселеній показала, что̀ такое русскій крестьянинъ, когда на него нападаютъ въ его послѣднемъ убѣжищѣ. Либералъ Александръ бралъ деревни приступомъ. Ожесточеніе крестьянъ возросло до трагическаго гнѣва и они убивали своихъ дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ нелѣпыхъ учрежденій, которыя имъ навязали при помощи штыковъ и картечи. Правительство, разгнѣванное подобнымъ сопротивленіемъ, преслѣдовало этихъ героевъ. Оно засѣкало ихъ розгами досмерти, но, несмотря на всѣ жестокости и ужасы, ничего не могло добиться. Кровопролитное возстаніе 1831 года въ Старой Руссѣ показало, насколько этотъ несчастный народъ можетъ покоряться.

Говорятъ, что всѣ дикіе народы начинали свое существованіе аналогичной общиной. Она была вполнѣ развита у германцевъ, кельтовъ и индовъ, но повсюду должна была исчезнуть при началѣ цивилизаціи.

Германская и кельтская общины пали передъ феодализмомъ и римскимъ правомъ,—этими двумя совершенно противоположными жизни общины соціальными идеями. Наша община, по счастью,

*) По документамъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ видно, что послѣ революціи 1848 года ежегодно крестьяне убивали отъ 60 до 70 помѣщиковъ. Не есть ли это упорный протестъ противъ незаконной власти?

Прим. авт.

живетъ въ такую эпоху, когда противообщинная цивилизація стоитъ передъ абсолютной невозможностью примирить противорѣчія въ принципахъ своего индивидуальнаго и общественнаго права.

Намъ указываютъ, что общинная жизнь найдетъ свой естественный предѣлъ въ увеличеніи населенія и связаннаго съ нимъ непрерывнаго передѣла земель. Это возраженіе, повидимому, представляетъ нѣкоторую трудность, но достаточно упомянуть, что Россія обезпечена землей еще на цѣлый вѣкъ, чтобъ уничтожить его. Кромѣ того, въ теченіе этихъ ста лѣтъ жгучій вопросъ владѣнія и собственности успѣетъ найти себѣ болѣе или менѣе смѣлое рѣшеніе.

Многіе писатели, и въ ихъ числѣ Гаксгаузенъ, говорятъ, что, благодаря такой неустойчивости владѣнія, нѣтъ улучшенія въ культурѣ земли. Это можно допустить, но любители агрономіи забываютъ то обстоятельство, что и улучшеніе земледѣлія въ западной системѣ владѣнія не ограждаетъ бо́льшую часть населенія отъ глубокой нищеты. Я не думаю, чтобъ увеличеніе богатства нѣсколькихъ фермеровъ и прогрессъ земледѣльческаго искусства, даже агрономія стали разсматривать, какъ справедливое вознагражденіе за ужасное положеніе голодающаго пролетаріата.

Повидимому, сельская Россія покорилась совершенно, но въ дѣйствительности она ничего не приняла изъ реформы Петра I. Петръ чувствовалъ это пассивное сопротивленіе, никогда не любилъ русскаго крестьянина и совершенно не справлялся съ его жизнью. Съ преступной легкостью онъ увеличилъ права дворянства и еще сильнѣе затянулъ

цѣпь рабства. Съ этого времени крестьянинъ еще глубже ушелъ въ свою общину и выходитъ изъ нея, только подозрительно озираясь вокругъ. Въ офицерѣ онъ видитъ полицію, въ судьѣ—врага. Въ облеченномъ властью помѣщикѣ онъ видитъ могущество звѣря, съ которымъ у него нѣтъ силы совладать.

Съ тѣхъ поръ за нимъ упрочилось названіе «несчастный». Передъ закономъ онъ всегда виновенъ. Онъ лжетъ подъ присягой и вѣчно оправдывается на допросахъ. Люди въ формѣ кажутся ему представителями нѣмецкаго правительства. Сто пятьдесятъ лѣтъ далеко еще не примирили его съ новыми порядками. Напротивъ, это примиреніе отодвинулось еще дальше.

Русскій крестьянинъ много перенесъ, много выстрадалъ. Онъ страдаетъ и поднесь, но остается все-таки самъ собою. Онъ изолированъ въ своей маленькой общинѣ. Разбросанность по этой огромной обширной странѣ лишила его связи со своими. Оказывая пассивное сопротивленіе, такъ соотвѣтствующее его характеру, онъ, тѣмъ не менѣе, бережетъ силы для себя. Онъ глубокомысленно наклоняетъ голову, и несчастья часто проходятъ надъ нимъ, не задѣвая его. Отсюда—такая ловкость, такая смѣтливость и доброта у русскаго крестьянина, несмотря на ужасъ его положенія. Отсюда—удивленіе, которое онъ вызвалъ у Кюстина и Гаксгаузена.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе 3

Глава первая. Россія и Европа 7

„ вторая. Россія до Петра I 23

„ третья. Петръ I 46

„ четвертая. Отъ 1812 до 1285 г. 80

„ пятая. Литература и общественная мысль послѣ 14 декабря 1825 г. 102

„ шестая. Московскій панславизмъ и русское западничество. 134

Заключеніе 162

Приложеніе. О сельской общинѣ въ Россіи 175